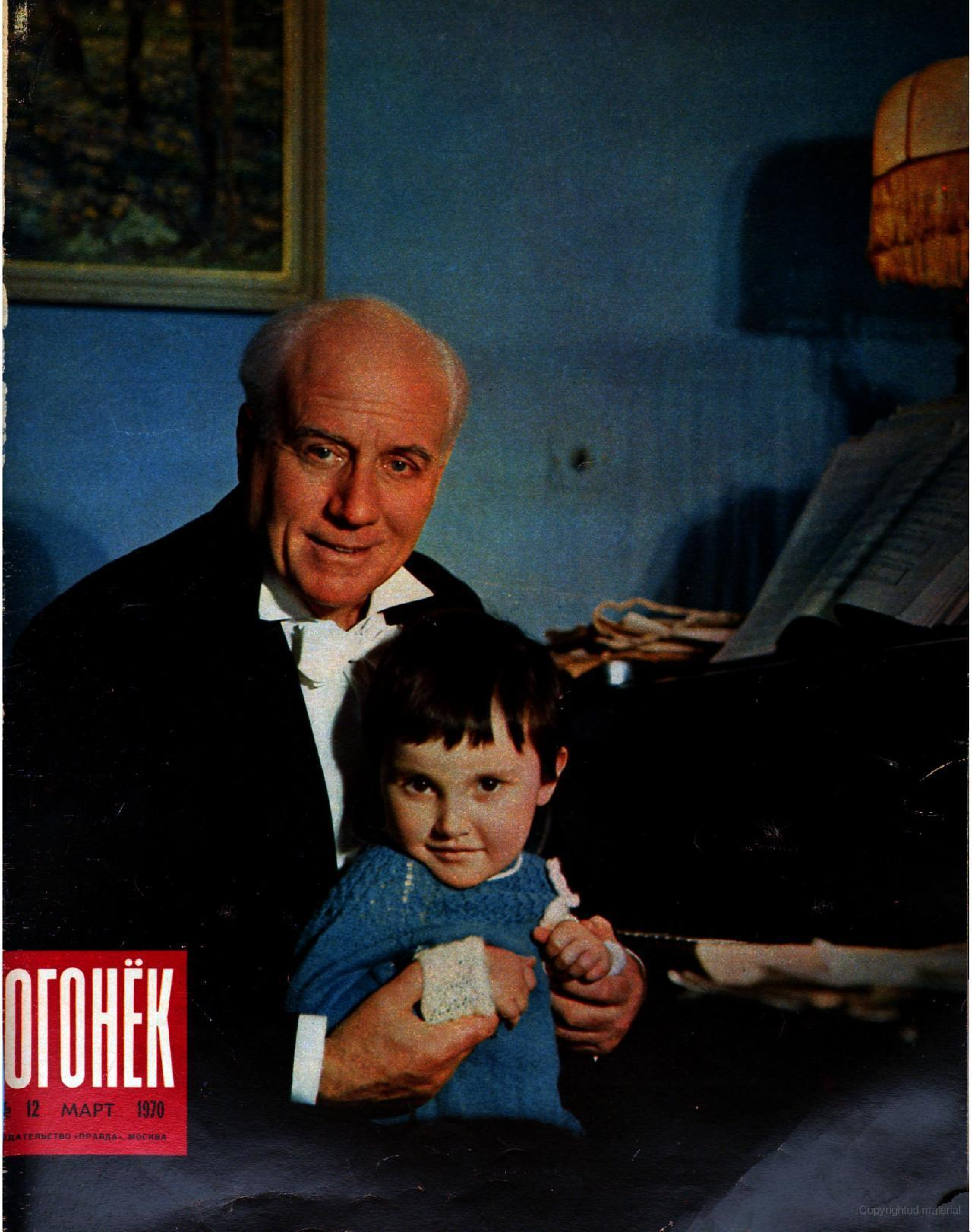

ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

Минск, 15 марта 1970 года. Смотр войск, принимавших участие в маневрах «Двина». Вверху: на центральной трибуне, внизу: идет боевая техника.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

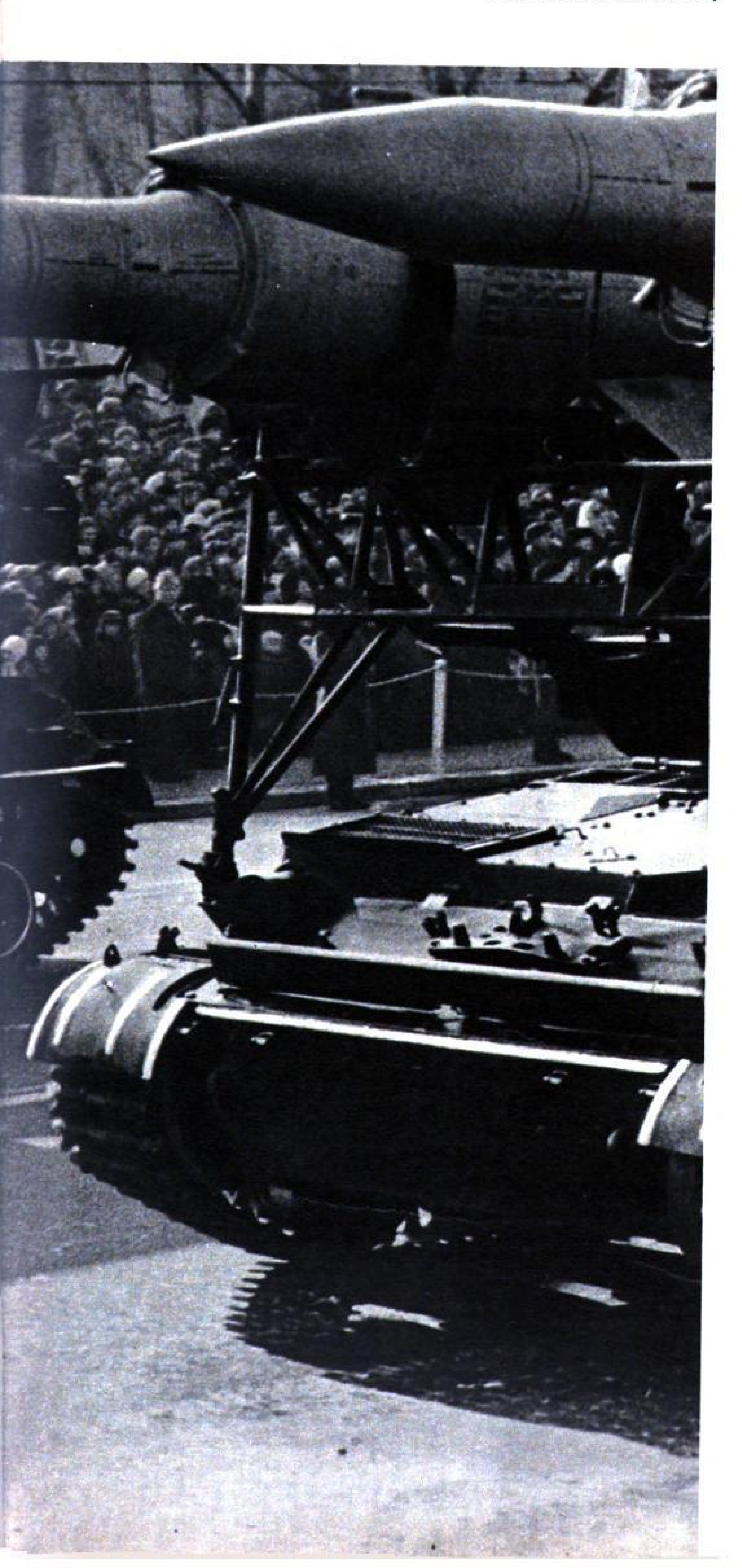
Основан 1 апреля 1923 года

№ 12 (2229)

21 МАРТА 1970

Фото Н. Акимова (ТАСС)

НА МАНЕВРАХ „ДВИНА"

РЕПОРТАЖ ИЗ РАЙОНА УЧЕНИЙ

Иван **СТАДНЮК** Фото **Г. МАКАРОВА**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Маневры «Двина» с участием всех родов войск, привлеченных из ряда военных округов, явились для Советской Армии серьезным боевым экзаменом и своеобразным рапортом советскому народу о готовности наших Вооруженных Сил к выполнению любых задач по обеспечению безопасности Родины.

О масштабности проведенных общевойсковых учений убедительно свидетельствовала и оперативная обстановка, созданная руководством на противоборствующих фронтах «Северной» и «Южной» сторон.

Незадолго до начала учений противостоящие стороны приступили к развертыванию на фронтах своих вооруженных сил. На главном направлении «Северные» развернули фронт в составе нескольких общевойсковых армий и нескольких танковых и авиационных соединений.

Приготовилась к активным действиям и «Южная» сторона, развернув на главном направлении фронт с не менее мощной группировкой войск (командующий фронтом генерал-полковник И. Шавров).

Морозное утро 10 марта. На главном наблюдательном пункте — руководитель войсковых маневров министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко. Рядом с ним — высший руководящий состав Советских Вооруженных Сил. Здесь также представители штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора, военные атташе этих стран в СССР и гость министра обороны СССР, командир центрального корпуса афганской армии полковник Сардар Абдул Вали.

После пролетов воздушных разведчиков тишину вдруг разрывает тысячеголосый гром орудий. Это начали действия «Северные». На низких высотах вырвалась из-за лесов их авиация и, преодолевая заслон противовоздушной обороны, стала наносить мощные бомбовые удары по огневым позициям «Южных». Гул сражения расплеснулся на огромном пространстве, однако нам удается наблюдать за противоборством передовых сил только двух действующих на одном из главных операционных направлений дивизий: с «Северной» стороны — гвардейской мотострелковой Московско-Минской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова дивизии; с «Южной» — гвардейской мотострелковой Таманской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии имени М. И. Калинина.

Несмотря на глубокий снежный покров, кажется, неотразим был стремительный удар полков гвардейской мотострелковой Московско-Минской дивизии, боем которой руководил с подвижного передового командного пункта гвардии генерал-майор И. Куликов. Передовые отряды его полков, используя результаты мощного огневого удара, искусно атаковали опорные пункты «Южных» и напористо продвигались к Западной Двине. Их действия непрерывно поддерживала авиация.

Но не так-то просто вынудить «противника» оставить обороняемый рубеж. Мне вспомнилась короткая встреча с командиром Таманской дивизии гвардии генерал-майором Л. Кузнецовым на его командном пункте за два дня до начала сражения. Я уже знал, что ему сорок пять лет, что в двадцать лет он уже был награжден четырьмя боевыми орденами, после войны окончил Военную академию имени Фрунзе. Леонид

Гремит «бой».

Десант бесстрашных.

Иванович спешил встречать прибывшего в дивизию члена Военного совета и успел сказать всего лишь несколько фраз. Но в этих фразах прозвучала такая уверенность! И просквозила даже некоторая ирония — в словах и в прищуре насмешливых глаз. Мол, увидим еще, чья возьмет! Эта веселая и, я бы сказал, даже озорная уверенность явственно услышалась накануне сражения и в словах начальника политотдела этой дивизии гвардии полковника Ф. Воинова, которого мы перехватили на перекрестке дорог, когда искали одну из ракетных частей.

— Если хотите завтра увидеть интересные события и как следует разобраться в них, езжайте в наш правофланговый полк,— с многозначительной усмешкой сказал Воинов.— А еще лучше — проберитесь прямо в батальон Христенко.— И показал на карте командный пункт батальона.

Когда мы разыскали этот батальон, который уже был в полной боевой готовности к отражению атаки «Северных», то убедились, что гвардии капитан С. Христенко, как и другие командиры батальонов полка, очень хорошо разведал «противника» и полк построил боевой порядок таким образом, что атакующие в первые же минуты боя попадут на этом участке в огневой мешок и подвергнутся мощным фланговым контрударам.

Все так и случилось. Дивизия генерала Л. Кузнецова на многих участках неоднократно и с успехом контратаковала «Северных», используя огневой маневр своей артиллерии, минометов и поддержку с воздуха.

Действующему на главном направлении фронту «Северных» для того, чтобы выполнить поставленную задачу, пришлось наращивать силы, тем более что фронт «Южных», которым командовал генерал-полковник Е. Ивановский, умело использовал для удержания своих позиций такой выгодный естественный рубеж, как Западная Двина.

Форсируя реку, «Северные» обрушили главную тяжесть удара своей артиллерии, минометов и авиации на искусно оборонявшийся гвардейский мотострелковый полк гвардии полковника С. Суворова. К Двине, где приданные подразделения понтонно-мостового парка начали наводить переправу, подтягивались с севера все новые и новые силы. Но оборона «Южных» еще оставалась весьма прочной и активной. Это побудило «Северных» выбросить в тылу обороняющихся крупные тактические вертолетные десанты.

Десантирование на вертолетах — зрелище весьма впечатляющее. Все низкое небо укрыто плывущими машинами. Удаляясь, они затем сливаются с темнеющим за поймой реки лесом, а затем вдруг словно взбираются на его верхушки и, совершая маневр, теряются из поля зрения...

«Южные» переходят в очередную контратаку — стремительную, неудержимую. Бой грохочет с неослабеваемым накалом. Однако «Северные», создав перевес в силах, комбинируя свои удары, соединяются с десантом и вынуждают «противника» отойти на проме-

Участник учений рядовой Евгений Полозков.

жуточный оборонительный рубеж.

Менялись вышки пунктов наблюдения за маневрами, день сменялся днем. Утром 11 марта, после того, как ночью командующие немало потрудились над оперативным построением фронтов, а войска — над подготовкой выгодных рубежей к дальнейшим действиям, снова завязалось напряженное сражение. В нем уже принимала участие и Н-ская дивизия, которую ввел в бой командующий армии «Северных», поставив перед дивизией задачу — во взаимодействии с форсировавшей Западную Двину гвардейской мотострелковой Московско-Минской дивизией с ходу взломать оборону «противника» на новом оборонительном рубеже и стремительным продвижением вперед соединиться с гвардейской Черниговской Краснознаменной воздушнодесантной дивизией гвардии полковника В. Костылева, которая этим же утром должна была быть выброшена на парашютах в глубоком тылу «Южных».

Свежая дивизия, возглавляемая опытным генералом, заметно склонила чашу весов в пользу «Северных», тем более что по огневым средствам «Южных», в том числе и средствам ядерного нападения, был нанесен мощный удар. Затем с рубежа атаки устремилась вперед могучая лавина танков и бронетранспортеров.

...«Южные» пытаются контратаковать. Особенно впечатляющей была контратака таманцев, нанесенная во фланг наступающих. «Северным», чтобы восстановить положение, пришлось активно использовать свои противотанковые резервы и прикрытие авиации.

А тем временем в глубоком тылу «Южных» высаживались воздушные десантники. Первыми понеслись к земле в затяжных прыжках разведчики. С воздуха они «обрабатывают» землю огнем автоматов и гранатами. Затем одна за другой вываливаются из могучих «антеев» площадки с самоходками, противотанковыми орудиями, зенитными установками. Затем выбрасываются на парашютах основные силы десанта. В числе первых десантируются командир дивизии гвардии полковник В. Костылев и начальник политотдела гвардии полковник А. Красильников. Приземлившись, они тут же начали управлять боем.

Сильный ветер мешал парашютистам. Но мастерство и выдержка побеждали стихию. В течение 22 минут волны «антеев» выбросили в тылу «противника» около 8 тысяч десантников с полным вооружением.

Неожиданно недалеко от наблюдательного пункта руководителя маневров появилась на малой высоте группа самолетов. Из них за считанные секунды выпрыгнули разведчики-парашютисты во главе со старшим лейтенантом А. Садулиным. А затем следующая почти невероятная неожиданность. Мы увидели приближающийся к вышкам для наблюдения самолет, а сзади него, на длинном тросе... фигуру человека, удерживавшегося в вертикальном положении, широко расставив руки и ноги. Самолет сделал круг, и человек на малой высоте отцепился от троса и раскрыл парашют. Им оказался старшина сверхсрочной службы Александр Дударь. Министр обороны тут же пригласил храброго десантника на пункт наблюдения, по-братски обнял его и наградил часами, сняв их со своей руки.

Приземлившаяся воздушнодесантная дивизия вступила в бой по захвату и расширению плацдарма.

На третий день маневров сражение достигло своего апогея. «Южные», хоть и потеряли под ударами превосходящих сил «противника» важные оборонительные рубежи, продолжали сопротивляться, вводя в бой резервы. Чтобы не позволить воздушнодесантной дивизии соединиться с главными силами «Северных», командующий армии «Южных» бросает против оперативного десанта Краснодарскую Краснознаменную, орденов Кутузова и Красной Звезды дивизию имени Верховного Совета Грузинской ССР. В то же время против главных сил «Северных» командование «Южной» стороны выдвинуло из резерва гвардейскую мотострелковую Рогачевскую Краснознаменную, орденов Суворова и Кутузова дивизию имени Верховного Совета БССР. Эта дивизия до последнего времени находилась в глубоком тылу. Вместе с тем навстречу «Северным» стала выдвигаться еще одна танковая дивизия «Южных». Таким образом, складывалась ситуация, при которой «Северные», если не примут срочных контрмер, могут потерять захваченные на этом направлении рубежи. И они приняли незамедлительные меры, бросив навстречу двум новым дивизиям «Южных» крупную группировку мотострелковых и танковых соединений.

Как и следовало ожидать, вскоре после активных действий воздушной и наземной разведок, после огневых дуэлей передовых отрядов главные силы обеих сторон вышли на рубеж развертывания для встречного боя. В это время совместно с другими ракетными частями ракетный дивизион «Северных», которым командует гвардии подполковник В. Тарелкин, нанес очередной ядерный удар по «противнику». «Южные» тоже ответили ядерными ударами.

Обе стороны, понеся потери, четко произвели перегруппировку сил, и вскоре на обширной, чуть всхолмленной местности загрохотало встречное сражение. В нем одновременно принимало участие свыше тысячи танков, при поддержке с обеих сторон крупных сил артиллерии и авиации. Это сражение, которое затем еще какое-то время продолжалось в штабах «Южных» и «Северных», убедительно продемонстрировало боевое могущество советских сухопутных сил, высокую выучку их личного состава.

На учениях «Двина» непрерывно и активно велась партийно-политическая работа. Ее направляла группа руководящих политработников во главе с начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генералом армии А. А. Епишевым.

Солдаты и сержанты, офицеры и генералы, участвовавшие в учениях «Двина», с честью выполнили поставленные перед ними задачи, показав, что Советская Армия достойно встречает 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и 25-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Фото Дм. Бальтерманца.

В. Ф. ПРОМЫСЛОВ,
председатель исполкома Моссовета

МОСКВА—1970

Каждый город по-своему прекрасен, неповторим, необычен, как и люди, живущие в нем.

Но самый замечательный из городов мира — наша краснозвездная Москва, столица первого социалистического государства, страны — знаменосца идей великого Ленина.

Один из зарубежных гостей Москвы написал о ней так:

«Это не только главный город великой страны, это столица коммунизма. Вот почему мы смотрим на Москву и на москвичей в увеличительное стекло: как они живут, что делают?»

Многие дела москвичей с точки зрения капиталистической не совсем обычны: жители столицы заботятся не только о делах своего родного города, но и помогают другим городам, как советским, так и зарубежным. В 1969 году, например, московские строители, не сбавляя темпов на столичных стройках, только в Ташкенте, которому вся страна помогала ликвидировать последствия землетрясения, сдали двадцать семь тысяч квадратных метров

новостроек. Строго по графику ведут москвичи почетное и ответственнейшее строительство Мемориального центра в Ульяновске. Социалистический город растет в Тольятти — это тоже дела «Мосстроя». В минувшем году мосстроевцы сдали там уже 50 тысяч квадратных метров жилой площади, а в 1970 году дадут еще сто тысяч. По приглашению правительства Монгольской Народной Республики москвичи ведут строительство кварталов в Улан-Баторе, по договоренности с правительством Афганистана застраивают Кабул... Всего не перечислить: московские строительные и проектные организации связаны с 39 странами мира!

Но, разумеется, главная задача Моссовета — забота о благоустройстве и расцвете столицы. Москва — это тысячи взаимосвязанных друг с другом проблем, тысячи вопросов, требующих каждодневного решения. Мы так привыкли к масштабам нашей матушки Москвы, что подчас забываем: в мире существует по крайней мере несколько десятков государств, которые по населению, по промышленному и торговому обороту, по многим другим показателям значительно уступают Москве. Понятно, что планирование будущего нашей столицы не такое уж простое дело. Первый Генплан реконструкции Москвы был принят 35 лет назад. Хотя война и затормозила его выполнение, но он в основном был успешно завершен. Как всем известно, три года назад ЦК КПСС одобрил, а Совет Министров утвердил технико-экономические основы нового Генерального плана развития Москвы, рассчитанного на двадцать лет.

В основе Генплана два принципиальных положения: сохранение существующих границ города и увеличение числа населения только за счет естественного прироста. Перед архитекторами ставятся большие новаторские задачи по созданию красивейших ансамблей, магистралей, площадей. Некоторые идеи уже воплощены в жизнь (проспект Калинина), к воплощению других уже приступают строители и проектировщики (Новокировский проспект, реконструкция проспекта Маркса и т. д.). Одна из основных проблем градостроительства — это цепочка «жилище — труд — отдых», то есть нахождение оптимальных планировочных решений, обеспечивающих минимальные затраты времени на дорогу от дома до работы и от дома до места отдыха. Рассчитываем, что это время у москвичей не будет превышать тридцати минут.

Но пока еще проблема транспорта — одна из самых сложных. Внутренняя московская миграция населения (ежегодно в городе меняют местожительство около ПЯТИСОТ ТЫСЯЧ человек!) делает необходимым тщательное изучение пассажирского потока, его во многом еще неведомых закономерностей.

Недавно мне пришлось побывать в Париже. Приезжая в этот красивый город, я всегда с большим сочувствием думаю о тех, кто отвечает за его транспортные проблемы. Улицы Парижа, если можно так сказать, страдают автомобильной непроходимостью, они не рассчитаны на тот поток транспорта, который по ним идет. Отсюда заторы, пробки. В часы пик пешеходы передвигаются значительно быстрее автомобилей.

Когда мне демонстрировали телевизионный пульт управления уличным движением Парижа, я обратил внимание дававшего мне пояснения префекта на то, что город вот-вот задохнется от машин.

— Если авто станет больше хотя бы на десять процентов,— сказал префект,— то полиция не сможет регулировать их движение.

— Каков же выход из этой ситуации?—спросил я.

— Только один — развитие общественного транспорта,— ответил префект.— Кое-где мы уже отвоевали часть улицы под автобусы. Будем действовать дальше.

Это означает, что в конце концов власти Парижа признали правоту нашего принципа: как бы бурно ни развивался индивидуальный транспорт, города-гиганты не смогут существовать без хорошо налаженного транспорта общественного. У нас в Москве года через два число автомобилей резко возрастет, но не они, а метро, автобусы, троллейбусы, трамваи будут нормализовать пассажирские потоки.

Метро — самый удобный и самый надежный способ передвижения. Темпы его строительства резко возрастут. Если прежде в среднем строилось в год всего четыре с небольшим километра пути, то в ближайшие пять лет будет построено около 55 километров!

Модернизируются автобусы, троллейбусы, трамваи. Они станут значительно вместительнее. Это позволит резко увеличить число пассажиров, не увеличивая числа машин и вагонов. В 1970 году только из Венгрии прибудет в Москву много новых автобусов, в том числе четыреста крупногабаритных — на сто двадцать мест. На городских магистралях появятся новые трамвайные вагоны чехословацкой фирмы «Шкода». Создается единая телевизионная система наблюдения за движением транспорта.

В больших городах капиталистических стран автомобилям, как транспорту индивидуальному, всегда уделяется большое внимание, даже в ущерб прочим городским проблемам. Один известный нью-йоркский архитектор сказал:

— Я мечтаю о времени, когда в нашем городе будут о жилищном строительстве заботиться так же, как об автомобилях.

Жилищное строительство в Москве — одна из главных забот Моссовета. Недаром по его темпам наша столица занимает первое место в мире. В 1969 году строители сдали около СТА ДВАДЦАТИ ТЫСЯЧ квартир. В 1970 году москвичи получат (только полезной жилой площади!) ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ МИЛЛИОНОВ квадратных метров.

Что же наиболее характерно для жилищного строительства 1970 года? Во-первых, на месте старых небольших строений в центральных районах города вырастут новые кварталы. Во-вторых, строители полностью перейдут на возведение многоэтажных домов. Пятьдесят процентов новостроек будут составлять девятиэтажные дома, остальные пятьдесят — дома смешанной этажности от 9 до 25. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства» указывалось на то, что квартиры в новых домах должны стать более удобными, их планировка должна быть разнообразнее и рациональнее. Дискуссия в газете «Труд», вызванная статьей «Квартира-71» (то есть квартира 1971 года), и выступления других газет и журналов показали, что архитекторы творчески подошли к решению этих вопросов. Можно с уверенностью сказать, что квартиры будущих новостроек станут значительно удобнее, нежели квартиры 1968—1969 годов.

Строительство, разумеется, по-прежнему будет типовым, но само понятие это станет более емким, более широким. Вообще типовое строительство традиционно. Избы Сибири или русского Севера, украинские хаты или среднеазиатские юрты в принципе не что иное, как образцы типовых построек. Но когда мы смотрим на старую деревенскую улицу или на казахский аул, то никому и в голову не приходит назвать их стандартными, однообразно-унылыми, монотонными: каждое строение носит отпечаток индивидуальности своего хозяина, хотя и сооружено по типовому принципу.

Массовое жилищное строительство не может идти по пути индивидуальных проектов — это слишком дорого, нерентабельно. Но и штамповать дома под один эталонный образец невозможно: в таком стандартизированном городе просто-напросто будет скучно жить. Значит, необходимо типовому строительству придать как можно больше индивидуальных качеств, разнообразить его. Однако при этом нужно не только не повысить производственные расходы, а, напротив, уменьшить их. Ведь в большом хозяйстве, где счет идет на миллионы и миллиарды, даже небольшая экономия оборачивается большой выгодой.

Долгие поиски дали наконец желаемый эффект: сейчас завершается работа над созданием Единого каталога индустриально-промышленных изделий, применяемых в градостроительстве. Если не бояться громких слов, то можно сказать — это революция в городском строительстве. Каждый знает, что из тридцати трех букв алфавита можно составлять бесконечное число слов и фраз. Так из строго определенного числа архитектурно-планировочных элементов возникнут бесчисленные по своему разнообразию сооружения. Одновременно Единый каталог упростит и удешевит производство: если сейчас на заводах строительного бетона выпускается не одна тысяча деталей, то их число сократится на 20 процентов! Строительство из новых деталей начнется в 1970 году, а уже в 1971 году оно станет массовым.

Большие перемены принесет 1970 год и в промышленное строительство столицы. Начнется перевооружение заводов-ветеранов, вступивших в строй еще в годы первых пятилеток: Первого Государственного подшипникового завода, завода имени Лихачева и других. Эта перестройка вызвана многими причинами. Одна из основных, говоря языком экономистов,— отрицательный для Москвы трудовой баланс. Говоря попросту — постоянная нехватка рабочих рук.

Приезжие из капиталистических стран всегда поражаются тому, что всем московским предприятиям требуются рабочие и служащие самых различных профессий. Им, гостям и туристам, привыкшим к тому, что безработица в странах капитала нечто само собою разумеющееся, трудно понять, что такое «отрицательный трудовой баланс». А нам трудно ликвидировать его: в столице каждый день рождаются новые предприятия.

Особенно нагляден рост сферы обслуживания — магазинов, ателье, мастерских, столовых, кафе... Достаточно привести такой пример: только предприятия сферы обслуживания, открывшиеся на проспекте Калинина, потребовали сразу же... десять тысяч человек.

Новый курс промышленного строительства учитывает фактор нехватки рабочих рук. Поэтому промышленность Москвы будет отныне развиваться за счет полного технического перевооружения действующих и строительства новых предприятий на уровне техники последней четверти XX века. 1970 год положит начало этой промышленной перестройке.

Понятно, что все вышеперечисленные мероприятия требуют колоссальных капиталовложений. Правительство СССР выделяет столице из Государственного бюджета большие средства. Но и сами москвичи охотно помогают родному городу. Так, например, в результате общемосковского субботника 1969 года в копилку столицы было внесено несколько десятков миллионов рублей. Встал вопрос: какое применение найти этим деньгам? Были предложения построить новые ясли и детсады. Но в Москве сейчас практически достаточно дошкольных учреждений, кроме того, их дальнейшее строительство предусмотрено планом, а вот больничных мест все еще очень не хватает. Если в прежние годы увеличение больниц шло в основном за счет расширения уже существующих зданий, путем пристройки корпусов и т. д., то сейчас решено строить новые крупнопрофильные и многоместные больницы — от 1 200 до 3 000 коек в каждой. Поэтому и доход от Всесоюзного субботника решено было вложить в больничное строительство. В апреле месяце 1970 года на Юго-Западе будет заложен первый камень нового онкологического центра.

В бюджет столицы идут доходы и от денежно-вещевой лотереи. В 1969 году она дала Москве 11 миллионов рублей прибыли. На эти деньги было построено 1 700 квартир (51 тысяча квадратных метров), три школы на тысячу мест каждая, три детских сада-яслей на 280 мест и две поликлиники.

Большие деньги ассигнуются Моссоветом на строительство спортивных сооружений, на дальнейшее развитие спорта. Как известно, Москва подала в Олимпийский комитет заявку с предложением провести у нас в 1976 году Олимпийские игры. Если эта заявка будет принята, то наши планы на спортивное строительство придется, конечно, пересмотреть. Ну что ж, мы это сделаем с удовольствием!

Заканчивая короткий обзор планов Москвы на 1970 год, мне хотелось бы обратиться к своим коллегам — председателям горисполкомов столиц союзных республик с просьбой выступить на страницах «Огонька» с рассказами о планах развития городов, об их будущем. Думаю, что это будет с интересом встречено читателями.

Как член многомиллионной семьи москвичей, я хочу пожелать нашему городу — и думаю, что все мои земляки присоединятся ко мне,— стать самым красивым и благоустроенным городом мира! Таким, каким и положено быть столице государства, созданного гением великого Ленина!

Е. КАЦМАН, народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР

МОЛЧАТЬ НЕЛЬЗЯ!

Боюсь я сладких слов от злых людей.
Венецианский купец.
Шекспир.

Я стар. Восемьдесят лет я встречаю утро и радуюсь солнцу. Шестьдесят лет я работаю в мастерской и стремлюсь постичь и отразить прекрасное.

Художник, я мечтал бы говорить сегодня об искусстве, о гармонии, о чудесной игре света и тени, о березовых рощах любимой Родины, о счастье мирной жизни.

Но я вынужден говорить о другом. Я не могу молчать, ибо снова черные тучи гари стоят над руинами Суэца, Исмаилии, Абу-Заабаля. Снова земля содрогается от грохота бомб и льется кровь ни в чем не повинных арабских детей и стариков.

У меня четыре внука. Во имя их судеб, во имя судьбы наших детей мы должны сегодня остановить агрессию, разжигаемую правящей верхушкой Израиля, рассказать людям о коварной и опасной игре, которую много лет ведут международные сионисты.

Сионизм. Он незаметно произрастал в темных бетонных ущельях небоскребов. Он рос в тиши и в тайне, охраняемый стальной толщью сейфов, гигантских концернов и банков. Сионизм выхаживал и пестовал сам всемогущий доллар!

И вот он расцвел!

Мне, сыну бедного харьковского еврея-часовщика Кацмана, было всего семь лет, когда в швейцарском городе Базеле в 1897 году собралась компания достопочтенных седовласых и неседовласых, длиннобородых и безбородых господ. Неспешно поговорив и поспорив, они создали Всемирную сионистскую организацию — ВСО.

Конечно, ни я, семилетний босоногий малыш, ни мой отец не могли знать и не предполагали, что с этих исторических минут наши судьбы, как и судьбы миллионов других евреев, родившихся и живущих в России или в других странах, были уже взвешены, рассчитаны и расписаны за нас мудрыми и достопочтенными господами из ВСО. Мы не знали и не ведали, что нас поведут разными способами и путями к заветной цели — к земле обетованной, к земле ханаанской, на берега священной реки Иордан.

Эти высокообразованные господа говорили и писали красиво и туманно. Голова шла кругом от песенных, загадочных строк:

«Сионизм так же древен, как и плен еврейского народа во времена разрушения храма Навуходоносором», или: «Сион не был лишь химерой живых мертвецов. Он был взлелеян в сердцах евреев самых разных частей света».

Ну как было бедному часовщику Кацману, обремененному большой семьей, живущему вечно впроголодь в черте оседлости, не повздыхать и не помечтать о земле обетованной! И он мечтал.

Правда, он не знал и не мог знать другие речи и другие слова вождей сионизма, произносимые, так сказать, для внутреннего пользования, «чисто теоретически». Это были другие слова. Сухие, жесткие.

Вот какую судьбу уготовлял для меня, для моего отца, для миллионов евреев, трудящихся и живущих в России, один из основоположников и теоретиков сионизма, Теодор Герцль:

«Наши чернорабочие (читай: чернорабочие для земли обетованной — Палестины) двинутся прежде всего из большого русского... резервуара...»

Резервуар... Немного суховато о стране, занимающей одну шестую часть мира, не правда ли? Но ведь некоторые теории, как и некоторые схемы, порою, может, должны быть скупы, сухи?

Чернорабочие?.. Но почему евреи из России не могут быть инженерами, профессорами, генералами, министрами? Нет, любезные эмигранты из России, вы не вышли рылом, господа хорошие... Для этих ролей есть публика почище, из стран иных...

Словом, по совести говоря, чем больше сегодня вспоминаешь старое, чем больше читаешь книг, чем больше задумываешься над чарующими призывами сионистов и чем больше разбираешься в их жестокой, бесчеловечной практике, тем все более ясно и четко становится видно — никому из трудящихся евреев из России не нужны были все эти хитроумные слова. Несмотря на все трудности!

Но, повторяю, трудящимся евреям, которые вместе с русским пролетариатом боролись за свое светлое завтра, вместе с большевиками и в их рядах.

И это было совсем не с руки баронам Ротшильдам и другим финансовым магнатам еврейской международной буржуазии.

Вот тут-то и собака зарыта!

Вот почему сионизму нужны были великолепные, древние облачения, вот почему нужны были слова, таинственные, как каббалистика, как магия. Ведь надо было попытаться сплотить под одним стягом таких разных людей, как миллионер Гинзбург, живущий в Санкт-Петербурге в роскошном особняке, и бедняка Кацмана, ютящегося в полутемном подвале на Сумской улице в городе Харькове.

И сионисты задались этой целью. С самых первых шагов на вооружение этой организации был поставлен миф об исключительности еврейской нации, о ее всемирной роли, об уникальности ее страданий.

Правда, прельстительно?

«Мы можем гордиться такими качествами, какими не обладает ни одна нация в мире», «Чистейшая раса, созданная Богом», «Особая всемирная еврейская нация». Эти слова написаны в 1899 году, за треть века до появления немецкого нацизма. Бред... Но факт!

Надо признаться, что в рядах ВСО и других организациях сионистов было немало людей, фанатично верящих в надобность создания государства на земле ханаанской, в надобности исхода евреев на священные берега Иордана. Но если отодвинуть идеалистические покровы и обратиться к делам, то за туманом лозунгов о равенстве и братстве евреев всего мира вы увидите жесткий блеск металла. Сталь сейфов и золото! За обволакивающим наркотическим дымом сионистских фраз — сухой язык банковских дивидендов и биржевых сделок. Ведь в царстве Золотого Тельца нет границ, нет понятий суверенитета, совести... Это все условно по сравнению с золотом, и только золотом!

Такова логика финансовых воротил. Вот почему так плотно сплетаются интересы международных гигантских концернов и банков, сметая границы государств.

Вот почему так наглы и так раскованны израильские экстремисты — «ястребы» и «гориллы», играющие с огнем. Вот почему так беспринципны и аморальны деяния политиков Израиля, как будто забывших об уроках истории, забывших о судьбах миллионов своих соплеменников, павших жертвой фашизма.

«Если существует книга книг — Библия, если существует библейский народ, должна существовать и библейская страна».

Вчитайтесь в эти строки, и перед вами предстанет образ библейского, благообразного старца с изборожденным глубокими морщинами, высоким челом.

«Жизненное пространство»... «Пушки вместо масла»... «Великая нация».

Прочтите!.. Мгновенно пролетят годы, и вы услышите лающий голос бесноватого автора «Майн Кампф».

Но не седовласый мудрец и не окаянный фюрер произнесли эти слова. Имя оратора — Моше Даян. Он военный министр Израиля, один из лидеров той самой «библейской страны», которая, поправ все священные заветы библии, ведет несправедливую войну против арабов.

Вас, очевидно, поражает полярность, несхожесть фразеологии генерала Даяна. Не удивляйтесь! Эти ошеломляющие контрасты характерны для речей сионистской верхушки, изобилующих, с одной стороны, фарисейскими и туманными призывами к миру, а с другой стороны — истеричными лозунгами, зовущими к ненависти, к эскалации агрессии.

Справедливости ради надо сказать, что далеко не все жители Израиля разделяют точку зрения генерала и его коллег. Вот гневные слова, произнесенные израильским писателем Амосом Узом: «Почему Моше Даян не содрогнулся, произнеся слова, рождающие ужас воспоминаний? Ведь «жизненное пространство» есть не что иное, как требование изгнания народа, с тем чтобы его место заняла «более цивилизованная» нация... Зачем Моше Даян употреблял терминологию, которой наши враги обосновывали гонения против нас, ту самую терминологию, которая, сойдя с уст нацистов, стала синонимом грязи для всех свободолюбивых народов мира».

Но слова, даже прекрасные, есть слова, а факты, жестокие, неоспоримые, есть факты.

...Я смотрю передачи нашего телевидения, посвященные положению на Ближнем Востоке, и вижу лицо этого «нового порядка». Вот они, эти развязные молодчики, в расстегнутых рубашках, с автоматами, нацеленными на беззащитных арабских беженцев, женщин с детьми и стариков.

Вот они, эти расхристанные, смеющиеся долговязые парни, ставят к стене десятки беззащитных людей лишь только потому, что они арабы.

И это они, вооруженные велосипедными цепями и дубинками, с гиком и свистом вываливаются под поощрительные ухмылки полиции на сцены концертных залов Америки и срывают выступления лучших советских мастеров во имя «защиты евреев СССР».

Боже мой! Что бы сказали великие музыканты-евреи Мендельсон, Мейербер, если бы они увидели, во что выродились некоторые сыны народа, который внес свой вклад в мир чудесной музыки и гармонии!

Известно, что музы молчат, когда говорит оружие. Я смотрел передачу с пресс-конференции из Дома дружбы, посвященную вопросам Ближнего Востока. И я никогда не забуду бледное от гнева лицо Элины Быстрицкой, моей любимой актрисы, создавшей незабываемый образ

шолоховской Аксиньи, которая выступила с ответом на вопросы представителей прессы. Я видел ее глаза, полные презрения, когда она говорила о бесчинствах, творимых сионистскими погромщиками. Я слышал ее голос и чувствовал ее великую правоту и святость ее гнева...

Но, к счастью, ничтожная кучка фашиствующих сионистов никак не представляет трудолюбивый и талантливый еврейский народ. И я уверен, что миллионы честных евреев, живущих во всех странах мира, глубоко возмущены этими провокациями американских сионистов, выступающих с защитой, в которой мы, евреи, родившиеся и выросшие в России, совершенно не нуждаемся.

И поэтому позвольте мне спросить у госпожи Голды Меир, выступающей с речами, разжигающими ненависть, и только ненависть: кто вам дал право заботиться о жизни огромной массы счастливых людей, равноправных граждан великой Советской державы, отвоевавших это свое право на радостную жизнь с оружием в руках вместе со своими братьями—русскими, украинцами, грузинами, узбеками и десятками других народов, населяющих нашу Родину и живущих в мире и счастье?..

Напрасно ядовитые перья буржуазных писак фальсифицируют историю и позорят священную память русских героев, освободивших Европу от фашизма. Мы все помним и никогда не забудем роль русского солдата, России в победе над гитлеровской Германией. Вечна будет светлая память о миллионах русских, отдавших свои жизни во имя счастья и мира на земле, во имя равенства и братства всех народов.

Зачем же вы, госпожа Меир, пытаетесь в своих «сладких речах» убедить людей, живущих в стране счастья, труда и мира, покинуть ее и отправиться в вашу страну, превращенную милитаристами в юдоль горя, войны и ненависти?

Может, вам нужно пушечное мясо, которого вдруг не хватит при выполнении ваших честолюбивых человеконенавистнических планов?

Вы говорите о «жизненном пространстве». Но мы ведь на своем долгом веку слышали эти слова из уст иных. И мы отлично помним, чем кончились эти притязания.

Человеческая память неистребима... Все ужасы, все радости, все горе и счастье сберегает наша душа.

Я вспоминаю...

Конец XIX века. Харьков. Убогий полуподвал. Сумеречный свет струится из маленького окошечка, в котором видны куда-то бесконечно спешащие ноги прохожих. Согбенная спина отца, склонившегося над верстаком. На стенах, на столе десятки часов. Их мерное тиканье успокаивает, заставляет забыть о тяготах жизни.

1905 год. Саратов. Погромы. Никогда не забуду черносотенцев, пьяных и диких. Как сейчас, вижу впереди разнузданной толпы горбуна с железной палкой в руке.

Тревожный вечер. Я один дома. Ночь. Тревога... Я не сплю. Стук в дверь. Молча стою и прислушиваюсь. Вдруг голос:

— Евгений, открой. Мы пришли из училища. Пойдем с нами.

Я открыл дверь. И, не осуждайте меня, заплакал... Мне было так страшно... Потом несколько дней, пока не улеглись погромы, я жил в Художественном училище, у моих друзей-русских. Они приютили, обогрели меня.

Но мог ли я думать, что в эти самые дни в переговоры с отцом погромщиков Столыпиным вступил сионист Вольфзон, последователь Герцля?

Вешатель Зубатов в эту пору писал: «Надо сионизм поддержать и вообще сыграть на националистических стремлениях...»

Москва. 1909 год. Я с трепетом вхожу в Училище живописи, ваяния и зодчества. Ведь здесь, в этих для меня священных стенах, преподавали Перов, Серов, Коровин, Архипов. Здесь учился Левитан!

Москва стала моей истинной родиной. И я живу в ней уже шестьдесят два года. Я люблю Москву. Никогда не устаю любоваться храмами Кремля, Василием Блаженным, не устаю проводить свободное время в Третьяковской галерее. Я преклоняюсь перед гигантами русской живописи Суриковым и Репиным.

Когда я окончил училище со званием художника первой степени по классу портрета, меня позвал к себе в гости замечательный русский художник Константин Коровин, мой учитель. И, знакомя меня с супругой, произнес: «Это мой ученик, Кацман. Он талантлив, но будет такой же мученик, каким был мой друг Левитан».

К счастью, его предсказания не сбылись!

Великая буря Октября вскоре смела с лица России всю нечисть и вместе с нею мерзость антисемитизма. Еврейский вопрос как таковой перестал существовать в Советской России с ноября 1917 года.

Но кому-то это было не по вкусу. Государство социализма стало сионизму поперек дороги. Сионисты писали:

«Русская революция не имеет никакого отношения к борьбе за наше будущее, так как она не разрешит еврейского вопроса даже для евреев в России и не приблизит нас к сионизму».

...Но вернемся к моей маленькой судьбе. Я портретист. И с самых первых своих шагов я рисовал портреты моих современников. Мне посчастливилось оставить потомству образы соратников Ленина, революционеров, полководцев: Фрунзе, Дзержинского, Ярославского, Уншлихта, Ольминского, Ворошилова и многих-многих других.

Я горжусь тем, что в экспозиции Третьяковской галереи находится моя работа «Калязинские кружевницы», которая изображает русских девушек, красивых, голубоглазых.

Я счастлив тем, что многие мои картины находятся в музеях и галереях моей любимой Родины. Я горжусь тем, что являюсь членом-корреспондентом нашей советской Академии художеств. Мне присвоено звание народного художника Российской Федерации.

Моя жизнь — это работа, мое любимое искусство. Каждое лето я уезжаю писать в Абрамцево, где у меня мастерская.

...Растворено широкое окно. Еле слышен шелест берез. Поют птицы. И снова тихо. Солнечные блики забегают ко мне на мольберт. Аромат цветущих лугов доносится с легким летним ветерком.

Абрамцево. Здесь жил Аксаков. Здесь гостил у него Тургенев. Тут читал Гоголь свои гениальные «Мертвые души».

Именно здесь расцветали таланты Валентина Серова и Михаила Врубеля. В этих дивных краях находили сюжеты для своих сказочных полотен братья Васнецовы. В окрестностях Абрамцева писал пейзажи замечательный русский живописец Михаил Нестеров.

В церкви, построенной по рисункам Васнецова, вы сейчас можете увидеть мраморный барельеф Иоанна Крестителя, созданный талантливейшим русским скульптором евреем Антокольским, резцу которого принадлежат такие шедевры, как «Петр I», «Иван Грозный» и «Нестор-летописец».

Шелестят белоствольные березки. Я брожу по тенистым тропинкам, по которым бродили Левитан и Репин, Шаляпин и Римский-Корсаков, и передо мною предстает величественная картина русской культуры. Культуры, которая по своей мощи и полноте талантов не имеет равных в мире.

Россия. Моя великая Родина. Мое счастье.

И это хотят у меня отобрать. Хотят из моих четырех внуков сделать оловянных солдатиков чужеземной армии, а мне предлагают бросить великую страну, звание гражданина которой само по себе честь, и податься на старости лет в Израиль подыхать в бараке от жары...

Я понимаю, что, может быть, мое высказывание вызовет улыбки. Ведь в Израиле есть и великолепные особняки, и кондишен, лед, кока-кола и многое-многое другое. Но ведь это все не для меня и мне подобных.

Не создавайте иллюзий, господа! Ведь не больно рвутся к вам в Израиль люди с достатком из Америки или Англии. Они предпочитают переводить вам валюту, а сами коротают свои дни подальше от огнедышащей почвы Израиля.

И самое главное. Для меня страшно, как, впрочем, наверное, и для любого человека, остаться без Отчизны, без земли, где покоятся твои предки, пусть даже с самой трудной судьбой.

И снова память заставляет меня вспомнить незабываемое.

1926 год. Куоккала. Финляндия. Я и мои друзья Павел Радимов, Исаак Бродский и Александр Григорьев приехали за границу в гости к Репину. Старый Репин принял нас ласково, долго-долго жал руки, расспрашивал о России, о новой жизни.

Он тосковал вдали от любимой Родины. По вечерам уходил один на берег Финского залива и любовался огнями Сестрорецка, который был Советской Россией. В хорошую погоду иногда ветер доносил музыку Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, которую играл оркестр в курзале.

— С того берега...— говорил мне Репин, и я видел в его лучистых глазах слезы.

Что же вы хотите, госпожа Меир и другие, чтобы мы бросили нашу Родину, наше с такой борьбой и кровью добытое счастье и, забыв отчую землю, отплыли к эфемерным чужим берегам? Чтобы мы отдали вам своих детей и внуков, чтобы вы бросили их в бездну азартной, авантюристической политики, граничащей с безумием? Чтобы мы стали слепым орудием в руках международных финансовых баронов?

Нет! Эта игра не выйдет!

Круглые сутки над планетой бушует океан эфира. Днем и ночью бегут и бегут над землей волны радио — длинные и короткие, чистые и мутные, а порой и грязные. Сколько их, этих голосов... Они бывают грозны и крикливы, а иногда сладки и медоточивы, иные просто ядовиты. Среди них «Голос Израиля».

«Бойтесь данайцев, дары приносящих» — можно сказать о тех речах и посулах, которые даются на этой волне. Горе легковерным...

Отражение чувств людей, обманутых сионистской пропагандой и покинувших нашу Родину, я прочел в большой подборке писем в газете «Правда».

Факты, только факты... Как они ни горьки, но правда, и только правда истории, дела, и только дела указуют на вас, господа сионисты! Вы кричите о великих традициях культуры еврейского народа, о древней его истории, о гуманизме.

Но что вы принесли миру сегодня?

Высокую поэзию Генриха Гейне? Или гений Альберта Эйнштейна? Прозрачную гармонию музыки Мендельсона? Или изумительные, полные лиризма картины Исаака Левитана?

Нет, сионисты и правители Тель-Авива как будто заняли у истории лишь варварство гуннов, дикость фашистских отрядов СС, муштру и солдатчину. Сионисты поставили на вооружение расизм — оружие своих самых лютых врагов.

...Кто из нас не помнит потрясающие образы, созданные Шекспиром? Мятущийся Гамлет, коварный Яго, нежная Джульетта, преступная леди Макбет... Навеки словно высек из камня своих героев великий английский чародей. И, пожалуй, один из самых сильных персонажей, созданных рукой гения,— алчный Шейлок.

«Венецианский купец». Едва ли необходимо пересказывать эту всем известную пьесу, в которой корысть и мизантропия сталкиваются с силами любви и чести. Хищный Шейлок — символ ростовщичества и наживы — добивается того, чтобы должник отдал ему недоимку — кусок своего живого мяса. Заплатил кровью за золото.

Мораль сегодняшних сионистов — мораль шейлоков. Это мораль отсутствия морали. Холодный, банковский расчет. Дебет и кредит — вот их кредо. Вот почему были возможны чудовищные альянсы сионистов с Эйхманом или возможен визит министра иностранных дел Израиля Аббы Эбана к милитаристам (читай: реваншистам) Федеративной Республики Германии.

Новые шейлоки... Это они гонят на мирные города и села ОАР «фантомы». Это они толкают на разбой молодых израэлитов. Это они благословляют колючую проволоку концлагерей и резерваций для арабов.

Вы сеете ветер зла, господа сионисты! Вы пожнете бурю ненависти и презрения свободолюбивых народов всего мира!

СЛОВО РЕДАКТОРУ МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ГАЗЕТЫ «ЮМАНИТЕ»

СОВЕСТЬ НЕПРИМИРИМА

Ив МОРО

Недавно я побывал в Суэце, где моим глазам представилась картина, от которой я отвык за двадцать пять лет,— картина военных разрушений. Эвакуация гражданского населения, отсутствие всяких признаков жизни делали руины Суэца более страшными, чем разрушенные французские города в Нормандии летом 1944 года.

Как огромные мертвые руки, простираются на фоне ярко-голубого неба остатки разбитых стен. Вот дом, как бы разрубленный надвое ударом гигантского топора. Немного дальше — фасад с зияющими глазницами окон, сквозь которые виднеются искореженные балки, нагромождения битого кирпича и щебня.

По краям большой улицы — разбитые тротуары, магазины, кинотеатры. Напротив — испещренные осколками снарядов стены лицея для девочек. От соседней мечети остался лишь минарет. Чудом держится остов колокольни католической церкви «Доброго пастыря». Не уцелел рядом госпиталь.

Можно долго бродить среди руин Суэца и не встретить ни души. Все разрушено, все мертво.

Тишину утра, которое я провел, блуждая по разбитым улицам, нарушил лишь залп египетского поста противовоздушной обороны: в небе засекли израильский самолет. Стервятники довольно часто совершают налеты на Суэц. Здесь некого убивать и никогда не было никаких военных объектов.

Следует уточнить, что город Суэц был разрушен не во время июньской войны 1967 года. Главные бомбардировки имели место только год спустя. Преступное разрушение!

Возникает вопрос: не собираются ли тель-авивские экстремисты воспроизвести подобные преступные акции на всей территории Объединенной Арабской Республики?

Недавно израильская военщина торжественно заявила о начале новой фазы воздушной войны против Египта. В частности, речь шла о том, чтобы нанести удар по району Каира, в самое сердце Объединенной Арабской Республики.

И действительно, с тех пор умножились «рейды в глубину». Одним из самых жестоких был налет на предместье Каира Абу-Заабаль.

Как утверждают израильские правители, эта эскалация имеет ту же цель, которой их армия не смогла добиться в июне 1967 года,— покончить с существующим режимом в Египте. Но бомбардировки не принесли ожидаемого психологического эффекта, наоборот, воля египтян к сопротивлению окрепла, укрепилась преданность народа существующему строю. Граждане ОАР верят в будущее, и для этого есть все основания: успехи, одержанные движением национального освобождения во многих арабских странах. Египтяне знают, что могут рассчитывать на всестороннюю помощь Советского Союза и других социалистических стран, а также на солидарность рабочего класса и сил мира и прогресса во всем мире.

Вот почему, несмотря на израильские налеты, улицы Каира выглядят, как обычно. Даже во время тревоги не прекращается движение. «Внутренний фронт», как говорят в Египте, держится хорошо. В любом разговоре у всех на устах — пример Вьетнама. Мне приходилось часто слышать, как египтяне говорили: «Под градом бомб вьетнамцы выстояли и смогли нанести победоносные удары агрессорам. Вдохновимся их примером!»

И вот еще что можно часто заметить: израильская эскалация, как и агрессия в 1956 и 1967 годах, поразительным образом совпадает с совершенно определенными намерениями империалистов. Все больше поддерживая израильских лидеров, обещая им новые партии оружия, президент Никсон буквально открыл «зеленую улицу» агрессорам. Это неоспоримо. Как и то, что Соединенные Штаты покровительствуют Тель-Авиву в такой же несправедливой войне, которую сама Америка ведет уже много лет против Вьетнама. Одинаковы даже методы ведения этих войн — варварские воздушные налеты. Одинаковы и цели империалистов на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии — всячески препятствовать освобождению народов. Революции в Судане и особенно в Ливии неприятно поразили Вашингтон.

Империалисты не хотят смириться с тем, что из их рук ускользают огромные нефтяные богатства Ливии. Они в ярости оттого, что им приходится эвакуировать свои военные базы, расположенные на территории этой страны. Нанести военные удары по Египту в надежде, что падение существующего там строя отразится на других арабских странах, представляется империалистам выходом из тупика, в котором они сейчас находятся.

Израильская эскалация чревата опасными последствиями для всего мира. Совесть человечества не может с этим примириться. Единственный путь — потребовать от израильского правительства и его заокеанских покровителей соблюдения норм международного права и особенно выполнения резолюции, единогласно принятой Советом Безопасности 22 ноября 1967 года.

Как известно, главные положения этой резолюции требуют вывода израильских войск с оккупированных ими арабских земель.

Жолио-Кюри в Варшаве на II Всемирном конгрессе сторонников мира. В первом ряду президиума Александр Фадеев.

СЛАВНЫЙ ЖОЛИО-КЮРИ

Михаил КОТОВ,
ответственный секретарь Советского Комитета защиты мира

Имя этого человека знает весь мир. Это незабвенный Жолио-Кюри, великий ученый нашего времени, доблестный сын и патриот Франции, выдающийся борец за мир.

19 марта исполняется 70 лет со дня рождения Жолио-Кюри. А более десяти лет назад его не стало среди нас. Мне вспоминаются страницы жизни этого человека, памятные встречи с ним на конгрессах сторонников мира в Париже и Варшаве, Вене и Стокгольме. Имя Жолио-Кюри неразрывно связано с движением сторонников мира, он открывал в 1949 году конгресс в Париже и призывал народы объединить усилия в защиту мира на земле. Он был одним из авторов знаменитого Стокгольмского воззвания, требующего запрещения производства и применения оружия массового уничтожения людей. Жолио первым поставил свою подпись под Стокгольмским воззванием, после него этот документ подписали 500 миллионов людей доброй воли. Варшава 1950 года. Здесь собрался Второй Всемирный конгресс сторонников мира. Известно, что его проведение намечалось в Шеффильде. Но правительство Англии было против. Жолио-Кюри не пустили на остров. И тогда Варшава гостеприимно пригласила к себе делегатов.

В Варшаве в 1950 году Второй Всемирный конгресс избирает Жолио-Кюри первым председателем Бюро Всемирного Совета Мира.

...Он всегда любил быть с людьми и тратил уйму времени на беседы со своими соратниками по борьбе за мир. Трогательными и задушевными были его встречи с советскими друзьями — Александром Фадеевым, Александром Корнейчуком, Николаем Тихоновым, Ильей Эренбургом, Вандой Василевской, многими видными советскими общественными деятелями.

Жолио-Кюри был человеком огромного таланта, дерзания, трудолюбия, благородства, был великим жизнелюбом, добрым семьянином. Еще юношей он начал работать лаборантом в Парижском институте Мари Кюри. Здесь он встретил Ирен Кюри, с которой потом прошел всю жизнь. Вместе с Ирен он сделал немало научных открытий. Под руководством Жолио и при участии Ирен был пущен первый французский атомный реактор. Оба они удостоены Нобелевской премии.

* * *

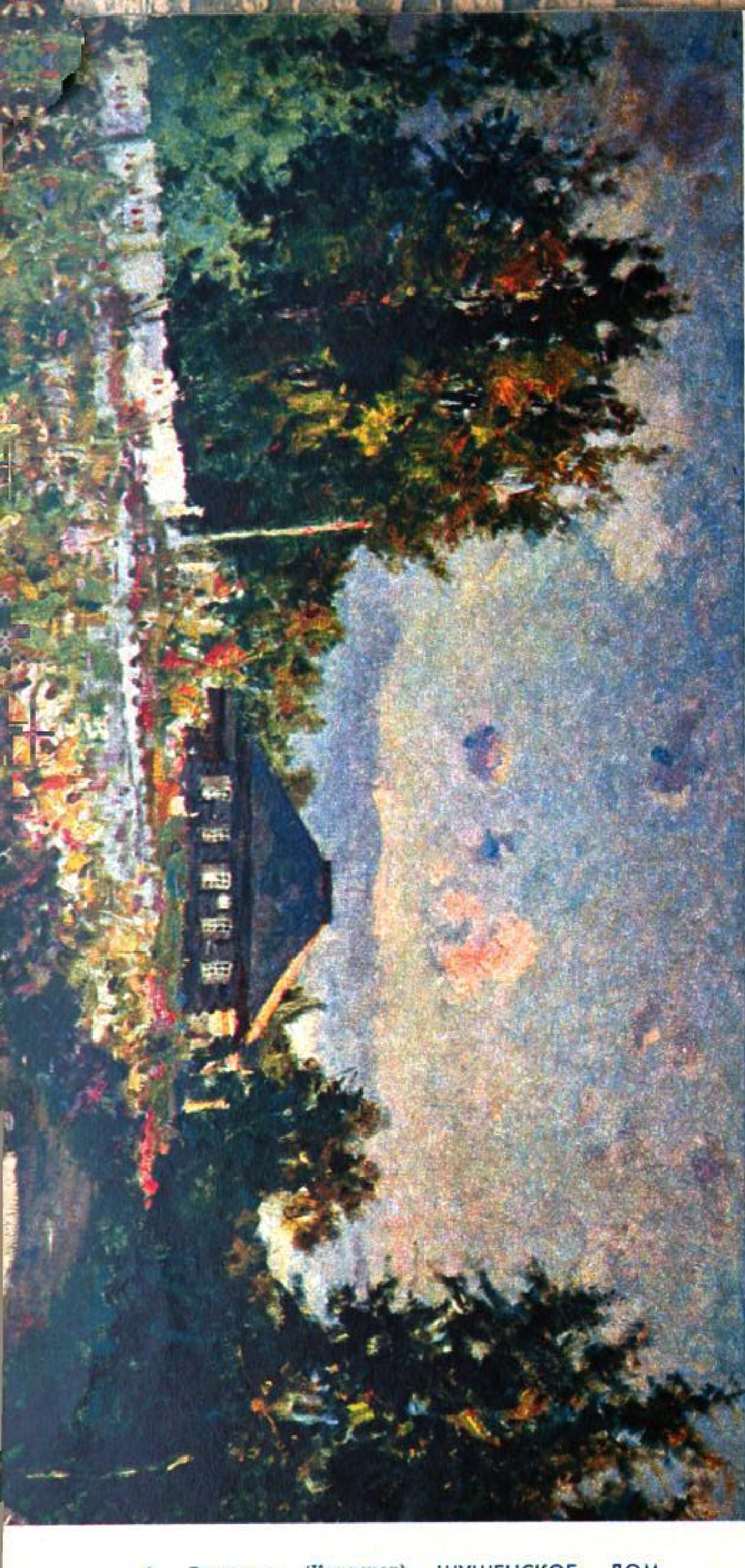
Во многих странах можно встретить людей, грудь которых украшает почетная медаль. На ней изображен Жолио-Кюри. Этой медалью отмечают тех, кто отважно сражается за мир.

Воды морей и океанов бороздит сейчас белоснежный советский корабль, носящий имя Фредерика Жолио-Кюри.

Великий ученый был большим другом Советской страны. И мы с большой любовью чтим память этого человека, имя которого сегодня служит примером для миллионов людей, отстаивающих дело мира.

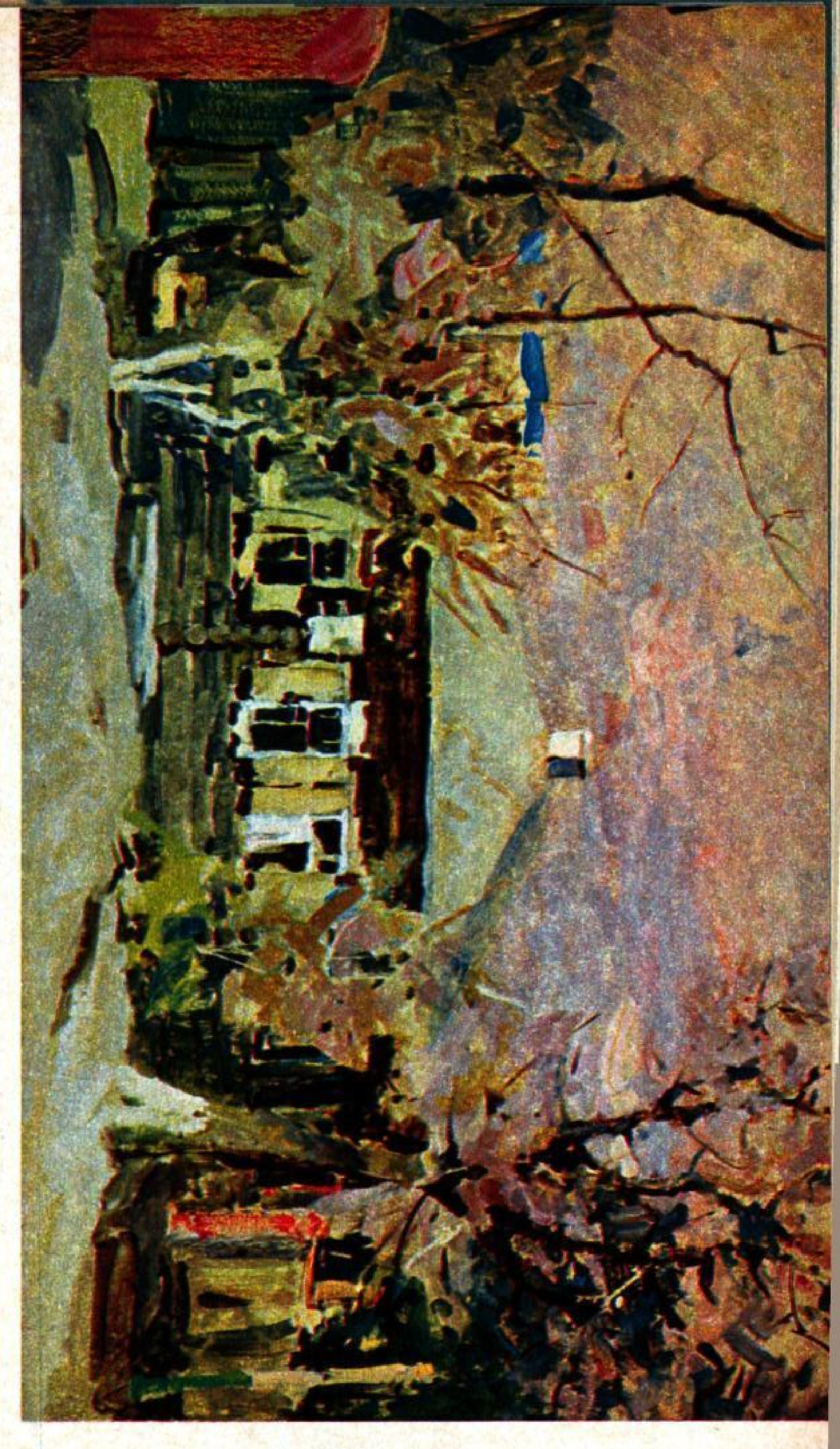
В. Югай (Киев). ШУШЕНСКОЕ.

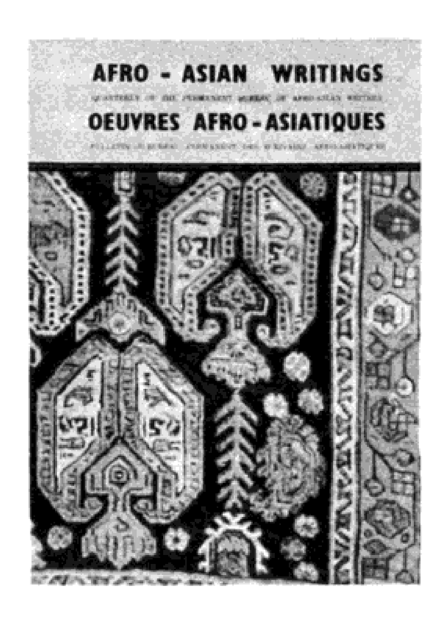
А. Васильев (Кишинев). ШУШЕНСКОЕ. ДОМ ВДОВЫ ПЕТРОВОЙ, ГДЕ ЖИЛИ В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ в 1898—1900 ГОДАХ.

РЕКА ШУША.

ШУШЕНСКОЕ. ДОМ ЗЫРЯНОВА, ГДЕ ЖИЛ В. И. ЛЕНИН в 1897—1898 годах.

ГОЛОСА КОНТИНЕНТОВ

В 1968 году по решению Постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки был основан журнал «Афро-азиатская литература». Выходящий на трех языках — арабском, английском и французском, журнал привлекает внимание самого широкого круга читателей. К настоящему времени вышли первый, второй-третий (сдвоенный) и четвертый номера. С пятого номера журнал по решению редколлегии будет носить название «Лотос».

Основные задачи, стоящие перед журналом,— борьба против империалистической идеологии, за национальную независимость, социальную справедливость и прогресс, а также пропаганда многоязычной литературы народов Азии и Африки.

В статье «Поэзия и национальная борьба» Мурси Саад эд-Дин (ОАР) подчеркивает, что афро-азиатские писатели пишут так же, как борются, что их литературный труд творится ими по велению сердца, так как долг писателя — служить своему народу в его борьбе за суверенитет и чувство собственного достоинства.

Непосредственному отражению этой борьбы в литературе посвящены многие литературно-критические статьи, художественным свидетельством этой борьбы являются многие рассказы и стихи писателей стран Азии и Африки, нашедшие место на страницах журнала.

Анализируя современную арабскую поэзию, Мурси Саад эд-Дин подробно останавливается на творчестве Салаха Гахина, отмечает острую социально-политическую направленность его произведений. Чувством национальной гордости и духом интернационализма пронизана поэма Гахина «Ночью», посвященная теме единства арабов. Актуальность сочетается в творчестве поэта с глубиной, ароматом и силой, присущими египетской народной песне,— недаром Салах Гахин — первый ученик Байрама ат-Туниси, блестящего поэта, чей голос был всегда поистине голосом народа.

Говоря о творчестве египетского писателя Абдель Рахмана аль-Шаркави, Мурси Саад эд-Дин выделяет прежде всего его высокий гуманизм. Герои аль-Шаркави борются за свою родину, и, как бы ни была жестока борьба, они остаются глубоко человечными, им не чужды любовь и нежность.

Две статьи посвящены теме сопротивления в алжирской литературе. Стремления и чаяния народа отражает творчество Малека Хаддада. Общий настрой его книг ярко и точно сформулирован в замечательных словах, написанных им самим: «Стой твердо на земле Алжира, держись за нее, твои ноги — это ноги солдата, которые наконец обрели свою землю».

Большое внимание уделено в этих обзорах произведениям Мулуда Маммери, в частности роману «Опиум и палка», где описывается разоренная колонизаторами деревня, показывается роль различных общественных слоев в революционной борьбе.

Много говорится и об основоположнике современного алжирского романа Мухаммеде Дибе, всегда верном высказанному им писательскому кредо: «Все мастерство наших писателей и художников служит нашим угнетенным братьям и делает культуру орудием нашей битвы».

Поэзия арабских стран представлена в вышедших номерах журнала поэмами и стихами египетских, ливанских, иракских, иорданских, суданских поэтов. Из разнообразной прозы выделяется своей психологической достоверностью новелла египетского писателя Юсуфа Идриса «Кошелек» и остросоциальный рассказ аль-Шаркави «Скорпион». Герой рассказа — безработный, вынужденный добывать себе на пропитание ловлей скорпионов и умирающий от укуса ядовитой гадины.

Особому вопросу — проблемам и задачам, стоящим перед арабской интеллигенцией, посвящает свою статью «Современный арабский поэт и три различных взгляда на свободу» ливанский поэт и критик Адонис.

Значительное место в журнале занимает творчество писателей Палестины. Поэт Махмуд Дервиш в своих стихах призывает к освобождению оккупированной родины; к любимой, героической земле протягивает в приветствии руки лирический герой поэмы Муина Бсису «Лампа и мельница». Рассказ Юсефа Шоруру «Лицом к рингу» повествует о боксере арабе Ибрагиме, оказавшемся в Лондоне, в доме друзей, где ведется разговор о его многострадальной родине. Смысл рассказа — убежденность в правоте борьбы за освобождение арабских земель, в решительном стремлении с оружием в руках включиться в эту борьбу. В посвящении к рассказу автор пишет: «Моему брату Федлу, чьи слова полны надежды и воодушевлены зелеными лугами той земли, которую мы покинули, содрогаясь от мрака этих дней. Я уверен в его убежденности, что мы не одиноки в любви к своей земле и борьбе за ее освобождение».

«Сегодня Палестина требует немедленного урегулирования своего вопроса и взывает к чувству справедливости всего мира»,— пишет Камаль Джумблатт (Ливан) в статье «Тема свободы и ее отражение в афро-азиатской литературе».

Идеологическое обоснование агрессии нашло широкое отражение в сионистской литературе, о чем свидетельствует специальная работа по этому вопросу Гассана Канафани. Обзор этой работы сделан Филиппом Галлабом. «Сионистская литература,— пишет автор обзора,— стала современным выразителем расовой дискриминации». Используя все средства для достижения своих целей, сионизм фиксирует внимание на преследовании евреев в Европе, особенно в нацистской Германии, призывая мстить арабам Палестины, совершенно неповинным ни в каком расовом преследовании. Таким образом, ради оправдания агрессии отбрасывается правда, а «процесс массового промывания мозгов», на котором, по замечанию Гассана Канафани, держится сионистская литература, рассчитан на то, чтобы направить читателя на путь расизма.

Характерна крайняя субъективность писателей сионистского толка: герой рассказа Яиля Даяна «Благословение на испуганного» стремится к мщению, оправдывает насилие; не отражает реальной жизненной правды, а лишь нагнетает чувство драматизма «Оливковое дерево» Беньямина Тамуза, где описывается разница между арабом, связанным с землей Палестины, и эмигрантом, у которого нет этой связи.

Результатом сионистской пропаганды, действующей на умы западных читателей, явилось — за несколько месяцев до начала израильской агрессии — присуждение Нобелевской премии израильскому писателю Шеламоэлю Иозефу Агнону за роман, в котором автор призывал к расширению границ страны, выражал презрение по адресу других народов. В присуждении премии сыграла роль не точка зрения одного писателя и даже не группы отдельных лиц, а деятельность международной сионистской организации, пытающейся управлять общественным мнением.

О резолюции в поддержку борьбы арабских народов против израильской агрессии, выработанной на встрече писателей стран Азии и Африки в Ташкенте, пишет в передовой статье, открывающей четвертый номер, главный редактор журнала, известный писатель Объединенной Арабской Республики Юсеф эс-Сибаи.

Подводя итоги этой встречи, автор статьи перечисляет ряд практических мер, принятых Постоянным бюро в целях дальнейшей популяризации афро-азиатской литературы. В их числе — установление ежегодной премии «Лотос», организация встреч и симпозиумов: представитель Сенегала объявил о решении его правительства провести афро-азиатский симпозиум поэзии в Сенегале, от представителей индийских писателей получено приглашение провести IV конференцию писателей стран Азии и Африки в Индии в конце 1970 — начале 1971 года.

Юсеф эс-Сибаи резюмирует: «Обмен мнениями поможет нашей работе, объединение афро-азиатских писателей с прогрессивными писателями всего мира будет способствовать делу борьбы афро-азиатских народов против империализма и колониализма во всех его проявлениях за достижение свободы, подлинной независимости и культурного развития».

«Освободительная борьба продолжается во всем мире, беспримерен в ней героический народ Вьетнама»,— пишет ливанец Камаль Джумблатт в упоминавшейся выше статье «Тема свободы и ее отражение в афро-азиатской литературе». О несокрушимой духовной силе вьетнамского народа говорится в докладе делегации Демократической Республики Вьетнам «Литература и национально-освободительное движение во Вьетнаме», мужеством дышат произведения вьетнамских писателей, опубликованные в журнале.

Японская литература, представленная в вышедших номерах рассказами и стихами, раскрывает социальные противоречия, неизбежно рождающие протест. Так, стихотворение Хадзиме Кидзима «Поворотный пункт», начинающееся словами: «Мне семнадцать лет. Я ужасно голоден. Я везде ищу еду»,— заканчивается следующими красноречивыми строками:

Я совсем один среди
бесчисленных бедняков,
Я — юное существо среди
переполненных улиц.
Я марширую с незнакомыми
людьми
И требую равноправия
для любой расы.
Я превращаюсь в гражданина...

Вниманием и сочувствием к жизни простых тружеников проникнуты произведения индийских писателей, среди которых наиболее заметен рассказ Махендры Боры «Рыба и человек». Известный индийский писатель Мулк Радж Ананд выступил с интересной статьей «Азиатское мышление», в которой в историческом аспекте прослеживается связь мышления жителя Азии с древней цивилизацией.

Органическая связь традиций и современности, развитие различных культур рассматриваются в целом ряде работ из разных стран. Среди них статьи о тенденциях в современной поэзии Непала, об африканской литературе, о литературных направлениях Бирмы, об индийских народных песнях, о традиционных праздниках в Гане, о египетском фольклоре.

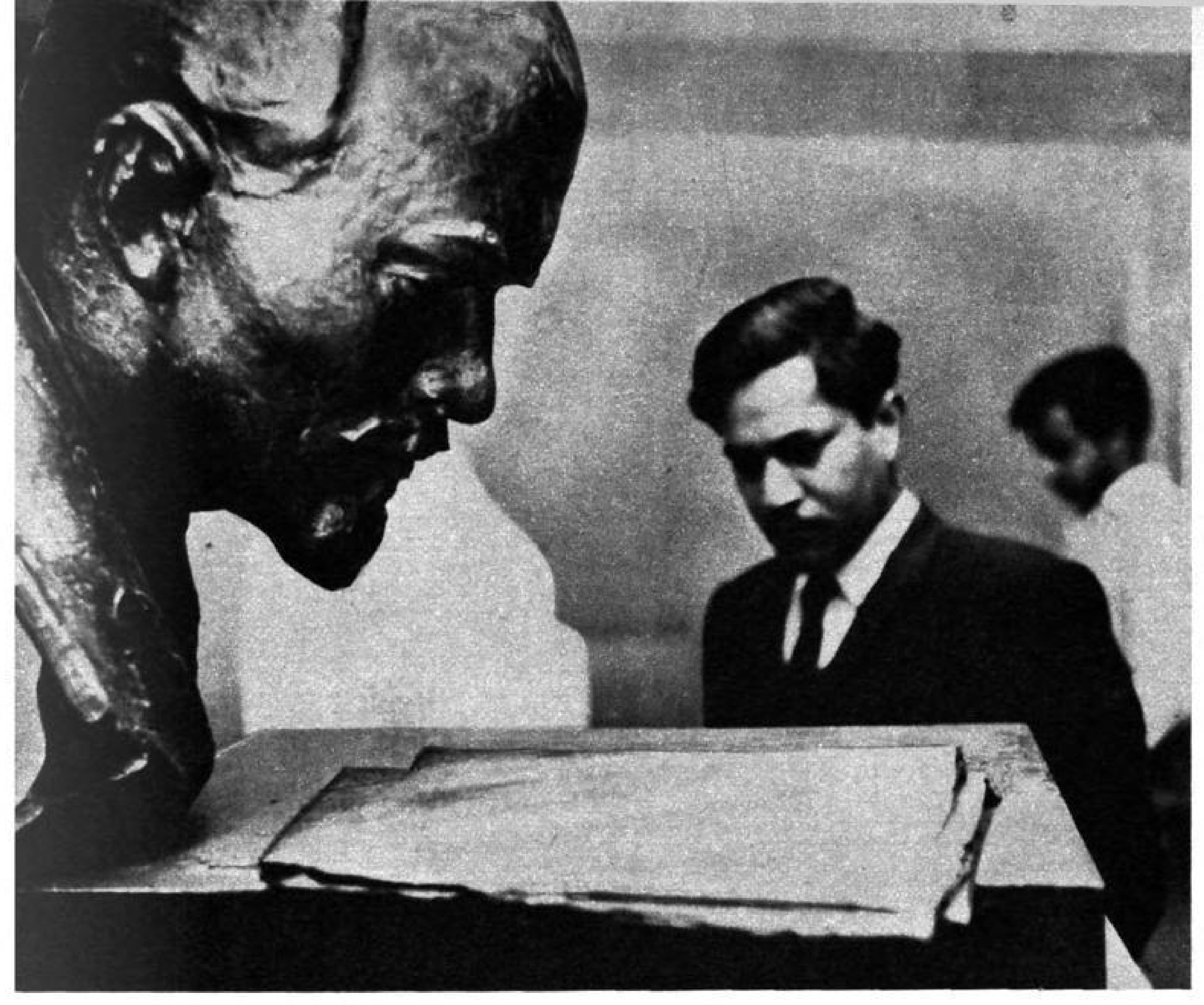
Активно сотрудничают в журнале «Афро-азиатская литература» советские писатели: в вышедших номерах напечатаны стихи Василия Федорова и Сергея Наровчатова, рассказ Юрия Нагибина «Комаров», впервые увидевший свет на страницах «Огонька», и другие произведения.

Братская дружба писателей двух континентов ярко проявилась в дни встречи в Ташкенте, когда представители тридцати четырех стран вместе с народами Советского Союза отметили 525-ю годовщину со дня рождения великого узбекского поэта и философа Алишера Навои.

Встречами в Ташкенте навеян напечатанный в журнале лирический рассказ-воспоминание африканского писателя Алекса Ла Гумы «Вернись в Ташкент».

Рождение журнала «Афро-азиатская литература» свидетельствует о знаменательных переменах, происходящих в культурной жизни стран Азии и Африки, а преследуемая им цель — способствовать дальнейшему развитию африканских и азиатских культур на почве их обоюдного сближения — делает журнал чрезвычайно полезным и нужным явлением в международной литературной жизни.

Н. КОРОТАЕВА,
Н. ЦВЕТКОВА

Скульптура Е. В. Вучетича.

Е. В. Вучетич, губернатор штата Нью-Дели А. Н. Джха, Д. А. Налбандян и посол СССР в Индии Н. М. Пегов на открытии выставки в Дели.

А. СОФРОНОВ

ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦ

СНОВА В ДЕЛИ

В начале февраля 1955 года, в снежный, вьюжный день вместе с журналистом Михаилом Сагателяном я впервые летел в Индию. До этого, в конце 1949 года, в составе делегации советских писателей, возглавляемой Николаем Семеновичем Тихоновым, я побывал в Пакистане. Помнится наш путь в Лахор. Около недели в Ташкенте мы ожидали, чтобы открылись от облачности вершины Гиндукуша и мы могли перелететь в Кабул, откуда уже на машинах через Афганистан, минуя Хайберский проход, отправиться в Лахор, куда нас пригласили прогрессивные писатели Пакистана на свой национальный конгресс. Мы летели через Гиндукуш тогда на самолете «ИЛ-14», пользуясь, хотя и короткий срок, кислородными масками.

Сейчас мы летели из Москвы на самолете «ИЛ-62» без посадок, прямо в Дели. Ночной полет всегда вызывает воспоминания. За окнами черное небо с редкими звездами. Ровно гудят турбины. В самолете не так уж много пассажиров. Тепло и как-то не по-земному тихо.

Пятнадцать лет назад я летел для того, чтобы в течение двух месяцев работать в Дели в комитете по подготовке Первой конференции азиатских стран по ослаблению напряженности в международных отношениях. В апреле 1955 года конференция открылась, заложив фундамент солидарности народов Азии. В те горячие, незабываемые дни состоялась встреча делегатов с премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру. В декабре 1956 года там же, в Дели, состоялась Первая конференция писателей Азии. В ее работе участвовала большая делегация советских писателей, возглавляемая таджикским поэтом Мирзо Турсун-заде. И в этой конференции принял участие Джавахарлал Не-

Премьер-министр Индии Индира Ганди беседует с писателями.

Советский писатель Камиль Яшен выступает на собрании Общества индийско-советской дружбы в Дели.

АТЬ ЛЕТ

ру. Он приехал на одно из заседаний конференции и внимательно выслушал выступления делегатов. Тогда же узбекская поэтесса Зульфия внесла предложение, чтобы следующая конференция была проведена в столице Узбекистана городе Ташкенте. Приглашение Зульфии было принято единодушно.

Дальше события, связанные с укреплением солидарности народов Азии и Африки в их борьбе за свободу и национальную независимость, пошли семимильными шагами. В декабре 1957 года в Каире состоялась Первая конференция солидарности народов Азии и Африки, а в октябре 1958 года — Первая конференция писателей Азии и Африки в Ташкенте.

Теперь мы снова летели в Дели, для того чтобы принять участие в заседании Индийского комитета по подготовке IV конференции писателей Азии и Африки, которая должна открыться в Дели 14 ноября 1970 года, в день рождения Джавахарлала Неру.

...Ровно рокотали турбины самолета. За окнами чернела ночь. Но не спалось. Изредка я спрашивал стюардессу, где мы находимся, и получал ответы:

— Над Актюбинском.

— Подлетаем к Самарканду.

— Уже за Гималаями, скоро начнем снижение...

И тут я невольно вспомнил тот год, когда мы неделю сидели в Ташкенте для того, чтобы миновать в благоприятных условиях неласковые вершины Гиндукуша.

...Самолет и впрямь скоро пошел на снижение. Замелькали огни аэродрома Палам, и мы оказались в объятиях наших друзей.

Ночная прохлада и тишина делийских улиц сопровождали нас по пути в отель «Джанпат», тот самый отель, который открылся в конце 1956 года, и мы были одними из первых его жителей.

ВСТРЕЧА С МУЛК РАДЖ АНАНДОМ

Старый наш друг, вечно молодой и неутомимый Мулк, романы и рассказы которого так хорошо известны у нас в стране, встретил нас на другой день в Академии искусств, президентом которой он является. Все эти годы мы не только публиковали его произведения в Советском Союзе, но и встречались с ним на различных конференциях и заседаниях, связанных с афро-азиатским писательским движением. Только в прошлом году мы трижды виделись в Москве, Ташкенте и Каире. Но теперь он уже был нашим радушным хозяином, являясь ответственным секретарем Индийского подготовительного комитета по созыву IV конференции. Время как будто не очень тронуло нашего друга. Все те же рубчатые вельветовые брюки, коричневая легкая куртка, легкий шелковый шарф на шее. И все те же брызжущие энергией смоляные глаза. Над столом Ананда большой портрет Рабиндраната Тагора.

— Предстоящая конференция вызвала большой интерес у индийских писателей,— не дав нам передохнуть, заговорил Мулк.— И не только у писателей... Индийская общественность очень отзывчиво встретила весть о том, что в Дели соберутся писатели Азии и Африки. Мы это ощущаем уже сейчас, хотя только начинаем подготовку к ней. Вы знаете, страна наша живет очень напряженно. Идут большие идеологические бои. Реакционные силы, и это совершенно естественно, сопротивляются прогрессивным изменениям, которые проводятся сейчас правительством Индии, возглавляемым Индирой Ганди. Она пообещала принять нас в ближайшие дни. Завтра открывается сессия парламента, будет обсуждаться бюджет. И там предстоят бои... Но мы верим в успех. Время работает на нас. Писатели участвуют своим творчеством в этом деле.— Ананд вытащил небольшие книжечки.— Вот свидетельства этому. Здесь стихи известных наших поэтов Баччана, Амриты Притам и Мусафира, посвященные Ленину и Вьетнаму... Мы начали выпуск бюллетеня «Лотос», в нем подробно рассказываетсяо том, что мы собираемся сделать для того, чтобы наша конференция прошла успешно...

Видно было, что Ананд переполнен желанием рассказать нам побольше. Но потом он вдруг прервал свой монолог и сказал:

— Впрочем, вы все это услышите на самом заседании... Лучше я вам покажу нашу живопись.

Мы отправились осматривать здание академии... На одной из витрин увидели много фотографий Тагора, охватывающих различные периоды его жизни.

— Мы знаем, как у вас в стране любят Тагора... Он один из тех, кто проложил первые мосты дружбы между нашими народами.

...По стеклам академии барабанил дождь. На улицах было хмуро и пасмурно. Провожая нас к выходу, Ананд сказал:

— У нас уже было сравнительно жарко. Для вас, конечно... Днем до тридцати градусов. Это, наверное, вы привезли прохладу из Москвы... Снег, конечно бы, здесь не удержался, но дождь очень похож на московский.

ПОРТРЕТ ИНДИРЫ ГАНДИ

Мы знали о том, что в Дели только что с большим успехом прошла выставка двух замечательных советских художников — Евгения Вучетича и Дмитрия Налбандяна. Об этом нам сообщил руководитель Информационного центра советского агентства печати «Новости» Леонид Павлович Владимиров.

— Индира Ганди посетила эту выставку и тепло отозвалась о работах художников,— сказал Владимиров.— Сейчас выставка отправлена в Бомбей, а затем завершит свою жизнь на индийской земле в городе Лакнау.

— Как жаль, что мы не застали наших друзей в Дели...

— Наполовину,— ответил Владимиров,— Вучетич уже улетел в Москву, но Налбандян еще здесь. Он гость индийского правительства. Много здесь работал... Написал портрет Индиры Ганди...

— На самой выставке?

— В ее служебном кабинете...

— Как бы нам повидать и портрет и самого Налбандяна?

— Все уже запланировано. Он сейчас на приеме у министра образования, а вечером мы отправимся к нему в отель.

Разговор этот происходил в новом здании Информационного центра АПН. Владимиров рассказывал нам о большом интересе индийских читателей к событиям современной советской жизни.

— Только один журнал «Страна Советов», издаваемый АПН в Индии, выходит тиражом в 550 тысяч экземпляров. Многие индийские газеты широко пользуются нашей информацией. Индийцы хотят знать подлинную правду о советских людях, а не ту, что постоянно печата-

ется в некоторых реакционных изданиях и инспирируется иностранными источниками.

...Вечером мы оказались в отеле «Ашока». Мы застали Дмитрия Налбандяна в приподнятом настроении.

— Весь месяц я чувствовал внимание со стороны индийских друзей. Атмосфера дружбы сопровождала нас, где бы мы ни были,— говорил Налбандян.— На выставке было много посетителей. Они высоко оценивали работы моего друга Евгения Вучетича...

— О себе он умалчивает,— сказал Владимиров,— но я дополню Дмитрия Аркадьевича... Он старый друг Индии... Его работы об Индии, и особенно картина, на которой изображены Ганди и Неру, пользовались огромным успехом. И первый портрет Индиры Ганди...

— Я его сделал в пятьдесят седьмом году,— сказал Налбандян.— Но, конечно, мы с Вучетичем были очень обрадованы, когда Индира Ганди посетила нашу выставку. Она была очень внимательна к нам... Именно там я и попросил у нее разрешение написать ее новый портрет. Она согласилась. Конечно, это не так просто — писать портрет, когда тот, кого ты пишешь, очень занят и не имеет возможности позировать. Перед моими глазами во время первого сеанса прошло не меньше десяти человек... И даже в самой атмосфере этого приема я почувствовал, как много лежит на плечах этой женщины... Потом было еще два сеанса. Конечно, я бы еще и еще писал, но что делать? К концу последнего сеанса Индира Ганди сказала: «Вери найс» — и моей кистью расписалась на портрете...

Налбандян поднялся и, взяв несколько эскизов и рисунков, расставил их вдоль стены. Среди них были портреты Индиры Ганди и президента Индии В. Гири. Здесь же были работы с изображением различных людей, с которыми встречался художник в Индии. Это был как бы своеобразный отчет, дружеские чувства художника к тем, кто и сам ответно несет в своих сердцах эти чувства к народу Советского Союза.

СРЕДИ ИНДИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Накануне заседания Индийского подготовительного комитета из Каира прилетела делегация писателей ОАР во главе с прекрасным египетским писателем Абдель Рахманом аль Шаркави. Вместе с ними мы отправились на встречу с индийскими писателями. На заседание собрались литераторы, пишущие на различных языках, составляющих современную литературу Индии... Здесь были пишущие на хинди, бенгали, пенджаби, урду... Они приехали в Дели из штатов Пенджаб, Бенгали, Мадрас, Махараштра, из Бомбея, Калькутты и других индийских городов. Члены парламента старейшие писатели Х. Р. Баччан, Гурмукх Сингх Мусафир заняли места рядом с Анандом, Амритой Притам, Дамодараном, Саджад Захиром и другими. Среди участников было много молодых индийских писателей.

К тому, что нам было известно раньше, Мулк Радж Ананд добавил, что индийские писатели предполагают направить с дружеским визитом делегации во Вьетнам, на Ближний Восток и в страны Африки, с тем чтобы индийские писатели познакомились с борьбой народов в этих районах мира и познакомились ближе перед конференцией с писателями этих стран.

Камиль Яшен рассказал о большой работе, которую Союз советских писателей ведет по подготовке конференции. Абдель Рахман аль Шаркави сообщил о том, что в журнале «Лотос» (органе афро-азиатских писателей) в четырех вышедших номерах опубликовано 127 литературных произведений из 42 стран Азии и Африки.

Председательствовал на заседании комитета вице-канцлер колледжа общественных наук города Симлы профессор Рей, крупнейший ученый, специалист по творчеству Рабиндраната Тагора.

— Все честные литераторы должны активно поддержать движение афро-азиатских писателей,— говорил Рей.— Повестка дня конференции, предложенная постоянным бюро Афро-азиатской ассоциации писателей, охватывает наиболее острые проблемы современной жизни. Она отражает нашу борьбу за сохранение всех культурных ценностей. С идеями конференции должно ознакомиться все человечество, так как именно эти идеи являются близкими и волнуют всех людей, заинтересованных в гуманизме и дружбе народов. Прошедшие годы открыли нам многое, и мы стали понимать значительно больше, за что должен бороться писатель. Писатель должен своим творчеством способствовать сохранению общечеловеческих ценностей.

На разных языках звучали на встрече не только речи, но и стихи. Наш старый друг Саджад Захир, только что вернувшийся из поездки по южным штатам Индии, рассказал нам:

— Я выступал там на многих собраниях писателей. Особенно мне хочется подчеркнуть активное желание молодых литераторов Индии участвовать в конференции. Идеи дружбы афро-азиатских прогрессивных литератур владеют сейчас умами и настроениями литературной молодежи.

ВСТРЕЧА С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ ИНДИИ

Как и обещал нам Мулк Радж Ананд, в последний день нашего пребывания в Дели состоялась встреча индийских, советских и египетских писателей с Индирой Ганди. Честно говоря, мы немного волновались: найдет ли премьер-министр Индии время для того, чтобы принять писателей? Шло заседание парламента, обсуждавшего бюджет страны. Но все состоялось, как было запланировано. В пять часов вечера мы вошли в кабинет Индиры Ганди. Она пригласила присесть гостей возле своего пятиугольного стола. За ее спиной висела многокрасочная карта Индии. В вазах стояли ярко-красные и желтые цветы. В кресле, в котором сидела Индира Ганди, когда-то сидел ее отец Джавахарлал Неру.

Мулк Радж Ананд высказал просьбу Индийского подготовительного комитета о том, чтобы премьер-министр Индии по традиции, идущей от Неру, была почетным председателем конференции.

Камиль Яшен рассказал о дружеских связях индийских и советских писателей. Он упомянул о том, что в СССР за годы Советской власти было издано 613 книг индийских писателей тиражом более 23 миллионов экземпляров.

Абдель Рахман аль Шаркави передал привет премьер-министру Индии от писателей ОАР и отметил традиционную дружбу индийских и арабских литератур.

Рядом с Индирой Ганди на столе лежали очки. Время от времени она надевала их и делала короткие записи в блокнот.

Когда представители трех литератур завершили свои короткие выступления, Индира Ганди обратилась к нам:

— Мы в Индии довольны тем, что конференция состоится у нас. Эта встреча будет иметь большое значение в развитии литератур Азии и Африки. Она будет способствовать улучшению взаимопонимания между нашими народами и укреплению мира на земле. Очень важна роль взаимных переводов. К сожалению, мы пока не имеем возможности делать такие переводы в широких масштабах. У нас очень немногие знают английский язык. Поэтому очень важны прямые переводы с одного на другой язык, они взаимно обогащают наши культуры. Я надеюсь, что конференция пройдет успешно. Мы готовы оказать всяческое содействие в ее проведении.

Мы поднялись. Перед тем как попрощаться, я спросил:

— Вы посетили выставку советских художников Вучетича и Налбандяна... Как вам понравилась выставка?

— Очень интересная выставка, на ней было представлено много хороших произведений...

— Мы видели ваш портрет, написанный художником Налбандяном. Можем ли мы опубликовать его в журнале «Огонек»?

— Конечно, если он вам понравился... Я ведь расписалась на этом портрете...

Индира Ганди протянула нам руку и по-русски сказала:

— До свидания...

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Всего шесть дней на этот раз мы были в Дели. Каждый день, проезжая по улицам столицы Индии, мы встречали печатные плакаты, на которых среди других слов выделялось одно: ЛЕНИН.

Индийские друзья рассказывали нам о многих конференциях и заседаниях различных научных учреждений и общественных организаций, посвященных столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Еще во время одной из писательских встреч поэтесса Амрита Притам вручила мне для публикации в Москве стихи, посвященные Ленину.

Посол СССР в Индии Николай Михайлович Пегов рассказал нам, что только в одной Калькутте в эти дни поставлены четыре пьесы, посвященные жизни и борьбе Владимира Ильича в различные этапы его деятельности. Пьесы эти написаны индийскими драматургами.

На приеме в посольстве ОАР в Дели директор одного из индийских колледжей говорил мне:

— Все сейчас понимают, что освобождение от колониального гнета пришло к нам благодаря Октябрьской революции, благодаря идеям, высказанным Лениным. Понимание этого, может быть, пришло и не сразу, но именно в эти годы, несмотря на империалистическую пропаганду, это понимание охватывает все большие круги индийского народа. Многие убедились в том, что Советский Союз является нашим верным, бескорыстным другом. А это и есть ленинизм в действии. И самое главное, что все это происходит в нашей стране без какого-либо нажима. Просто мы живем в период больших социальных, прогрессивных перемен, которые стали возможными благодаря Ленину и его учению.

Нас пригласили на собрание Индийско-советского общества дружбы. В зале было очень много людей разных профессий.

Министр промышленности Индии Рагунатха Редди говорил о великом значении Октябрьской революции и ленинских идей в национальном освобождении индийского народа.

Главный редактор газеты «Пэтриот» и еженедельника «Линк» лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Аруна Асаф Али говорила, что все то, что происходит сейчас в мире, совершается с именем Ленина на устах многих миллионов людей земного шара.

Известный киноактер Балрадж Сахни сказал:

— Я не знал об этом собрании. Но когда узнал, приехал для того, чтобы сказать слова благодарности великому Ленину и Советскому Союзу.

* * *

Поздней ночью мы улетали из Дели. Самолет в Москву шел из Сингапура. В аэропорту было тихо и прохладно. Мы еще были полны впечатлений от встреч за эти шесть дней и особенно теплой встречи с премьер-министром Индии Индирой Ганди.

Аэропорт наполнила шумная группа советских туристов, летящих из Австралии. И снова, уже в самолете «ИЛ-62», когда ровно заработали турбины, подумалось о том важном, что произошло в последние годы, один за другим приносящие все бóльшие победы на пути дружбы и понимания между нашими народами. И еще один ночной полет от Дели до Москвы показался очень коротким.

Всего шесть часов двадцать минут

Дели—Москва.

К 75-летию со дня рождения Максима Рыльского

РОДНИК ЖИВОЙ ПОЭЗИИ

Максим Рыльский принадлежал и принадлежит к той могучей когорте украинских деятелей литературы и искусства, которая возглавляется великими именами Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, Михаила Коцюбинского...

Он относится к той великой плеяде украинских поэтов, прозаиков, деятелей литературы и искусства, которые являются гордостью всей высокой социалистической культуры нашего многонационального Советского государства.

Максим Рыльский был человеком, владевшим колоссальными знаниями в области мировой культуры. Эти знания он множил, насаждал их на своей родной земле, создавал на национальной почве выдающиеся произведения, пропитанные духом интернационализма и безмерной любви к людям труда.

Духом дружбы и братства между народами пропитано не только его творчество, но и вся его деятельность на протяжении многих десятилетий. Недаром он говорил, что счастье и светлое будущее человечества возможно только в тесном сотрудничестве с русскими, белорусами и всеми народами Советского Союза, в глубоком уважении к работящим умам и работящим рукам во всем мире.

Несчастен тот, кто под пургою вьюжной
Идет один, в молчанье, без пути:
Лишь с дружной песней, лишь толпою
дружной
Пустыни мира можем мы пройти.

(Перевод М. Зенкевича.)

Так писал поэт еще в 1925 году в стихотворении «Пришла зима...» Этот дух дружбы не покидал Максима Рыльского до самых последних дней его жизни.

Пламенный советский патриот, поэт огромного масштаба, он отразил в своем творчестве всю нашу бурную эпоху, накал борьбы двух классов в период крушения капитализма.

О, кто сказал — кругом идиллия
И розы без шипов?
Я вижу — рушатся Бастилии
На стыке двух миров.

(«Кое-кому». Перевод Ю. Саенко.)

В самый напряженный период борьбы советского народа против ударных сил международного капитала — гитлеровских полчищ поэт поднимается во весь рост, как боец, идущий в атаку, и громогласно, гордо, на весь мир говорит: «Я — сын Страны Советов!»

Острое перо поэта беспощадно разило врагов во время Великой Отечественной войны. Не притупилось оно и после поражения фашистских армий, когда развернулась битва между двумя враждебными идеологиями.

В творчестве Максима Рыльского ясно просматривается черта, составляющая главную суть всей советской поэзии,— воспевание человека, его труда, его благородных помыслов. Причем человека, живущего в определенном обществе, где «в н а ш е превращается м о е», где «в каждой виноградине струится живое вдохновение труда».

Во всех стихах М. Рыльского, во всей его поэзии, в удивительных своею глубиной исследовательских статьях, в его публицистике, в том числе знаменитых «Вечерних беседах», чувствуется непередаваемо светлая любовь к родной стране, к ее талантливым труженикам. Эта любовь настолько органична, так нежна, что тихо и мягко проникает в самое сердце, безраздельно овладевая им.

Известна любовь поэта к великим мыслителям, к выдающимся своим современникам, к молодому поколению, представители которого получали от поэта своевременную, подчас столь необходимую помощь. Видимо, эта любовь побуждала Максима Рыльского писать свои поистине прекрасные и глубокие статьи о Шевченко и Пушкине, о Лермонтове и Мицкевиче, о Лесе Украинке и Ботеве, вести титаническую работу по переводам на родной язык замечательных творений мировой и русской классической поэзии.

Это же чувство диктовало поэту-академику строки великолепных литературных портретов наших современников — Николая Тихонова, Остапа Вишни, Александра Довженко и Павла Тычины... Это же чувство любви к Родине, к народу вело его к глубинным источникам старинных народных дум, к богатейшим сокровищам народного творчества.

Глубоким и тонким знатоком народной жизни и культуры, блестящим лиро-эпическим талантом, философом по мышлению, борцом за правду называл Максима Рыльского поэт Андрей Малышко. И это — точное определение.

Максим Рыльский был активным и пламенным борцом за правду Ленина. В одном из своих стихотворений о вожде, «Комната Ленина в Праге», написанном в 1946 году, он говорит:

Здесь, в этой комнате рабочей,
Друзья встречались той порой,
Чтоб смело правде глянуть в очи
И кривде дать смертельный бой.

(Перевод мой.— А. П.)

В этой правде века, в этой борьбе за победу ленинских идей вся суть жизни и философии поэта.

Вот почему поэзия Максима Рыльского, искуснейшего мастера художественного слова и знатока его родниковых волшебных источников, не может не привлекать нас своей обаятельностью и совершенством.

Александр ПРОКОФЬЕВ

●

Максим РЫЛЬСКИЙ

* * *

Стая черных ворон надо мною
Занялася химерной игрой,
То мережкой летит кружевною,
То, как туча, висит над землей.

Гам и крики. А солнце смеется,
Где-то слышится молота бой...
Что-то в грудь мою светлое льется,
Прорастает весенней травой...

Больше света в лучистом просторе!—
В нем расплавлю я черное зло,
В нем расплавлю я тяжкое горе,
Что мне на сердце камнем легло...

1913 г.

В парке

Здесь обруч мчится вперегон с багряным
Листом осенним. Тонких две ноги
В чулочках детских. Облаков круги
Плывут над парком огненно-румяным.

Мы счастливы — а завтра, знаю, станем
Еще счастливее. И пусть враги
Плетут, как петли черные, шаги,
Им не поймать нас злым своим арканом.

Встань, девочка! Подумай, осмотрись:
Не знаешь ты, как раньше тлела жизнь
Вот здесь, у пьедестала Николая.

О том отец да мать седая знают,—
Из слез их, что когда-то пролились,
Октябрьский день как вечность вырастает.

1938 г.

Молодость

В молодом
и радостном
огне
Жизнь сияет и тебе и мне —
Здесь, в советской нашей стороне,
Где струится ясный день погожий,
Где сердца все с синей далью схожи,—
Молодость стоит на страже тоже.

И врагам не сокрушить нас — нет.
Не ходить им в поле по весне —
В молодом
и радостном
огне.

1938 г.

Переводы с украинского Юрия САЕНКО.

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

ОРЛИНЫЙ ВЗЛЕТ

На карту нашей республики еще не нанесена пятисоткилометровая река — канал Иртыш — Караганда. Канал этот в первую очередь даст воду молодым промышленным городам Казахстана: Экибастузу и Темиртау. Новые города республики — это, как правило, центры новых экономических районов с развитой транспортной сетью, искусственными водоемами и линиями мощных электропередач.

Еще сравнительно недавно в Казахстан завозили и ткани, и стекло, и подковы, и гвозди, а ныне его продукция идет более чем в 70 стран мира.

На колхозных и совхозных полях республики работают почти 190 тысяч тракторов, около ста тысяч комбайнов и более ста тысяч грузовых автомобилей.

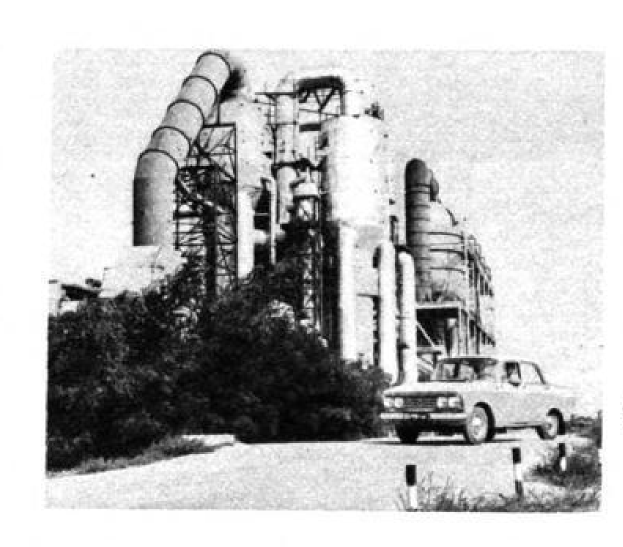
За партами в школах Казахстана сидит около трех миллионов ребятишек, в 43 вузах и 179 техникумах обучается более трехсот тысяч человек. По уровню и темпам подготовки кадров с высшим и средним образованием наша республика, в которой прежде было ничтожное число грамотных, опередила такие страны, как Франция, Италия, ФРГ, Англия, Япония. Почти во всех областях современных знаний ведется исследовательская работа в многочисленных научных учреждениях, возглавляемых Академией наук республики. Если в прошлом у нас не было ни одного ученого-казаха, то теперь из числа казахов и, что мне особенно приятно отметить, из числа казашек вышло около 70 докторов наук и более тысячи кандидатов наук и доцентов.

У нас в Казахстане в дружбе и добром согласии живут и трудятся представители более ста национальностей и национальных групп. Именно эта великая дружба народов — драгоценный плод ленинской национальной политики нашей партии — способствует орлиному взлету экономики и культуры Казахстана, позволяет с каждым днем увеличивать его вклад в дело коммунистического созидания.

У. БАГАЕВ,
редактор газеты «Социалистик Казахстан»

Алма-Ата. Проспект Коммунистический.

◄ Эта опреснительная установка обеспечивает водой жителей города Шевченко.

Фото И. Будневича (АПН).

ДВА КОЛОСА, ГДЕ РОС ОДИН

Климент Аркадьевич Тимирязев говорил: тот, кто вырастит два колоса там, где рос один, заслужит благодарность всего человечества. Именно этого добились североказахстанские хлеборобы в нынешней пятилетке. Одиннадцать целинных урожаев на севере Казахстана дали государству около полумиллиарда пудов зерна, только за четыре года пятилетки здесь получена почти треть миллиарда пудов. Хлеб пятилетки тут называют хлебом века.

Хлеб века! Это результат четырехлетней работы по внедрению научно обоснованной системы земледелия. От пахоты перешли к безотвальной обработке почвы, что способствует большим накоплениям влаги в малоснежные зимы и предохраняет посевы от летних бурь. Сроки сева пшеницы передвинули на последнюю декаду мая, что сберегает посевы от нередких июньских засух. Сеют только сортовыми районированными семенами, главным образом «саратовскую-29» и «безенчукскую-98», тогда как прежде возделывали великое множество сортов пшеницы.

Сейчас казахстанские хлеборобы ведут борьбу за высокий урожай юбилейного года.

Н. ВАРОВ,
корреспондент КазТАГ

У ПОДНОЖИЯ МОХНАТОЙ СОПКИ

«Если на Медео появится искусственная дорожка, то все катки мира можно закрывать». Так сказал знаменитый «летучий норвежец» Фред-Антон Майер, который в январе этого года впервые побывал в Алма-Ате.

Звучное слово Медео спортивный мир услышал в 1951 году. Тогда наши конькобежцы стартовали в голубой чаше катка, расположенного у подножия Мохнатой Сопки, и сразу же внесли несколько поправок в таблицы высших достижений.

«У русских свои секунды», «Медео — это блеф, там, без сомнения, укороченная дорожка»,— так прореагировали пресса и специалисты Запада.

Но с каждым годом недоверие к Медео таяло, словно мартовский лед. Овладев скоростями здесь, советские спортсмены поднимались на высшие ступени пьедесталов почета европейских и мировых чемпионатов. На Медео начинались спортивные биографии Софьи Кондаковой и Евгения Гришина, Риммы Жуковой и Бориса Шилкова, Тамары Рыловой и Инги Артамоновой, Лидии Скобликовой и Валерия Муратова...

Потом на Медео был установлен еще один рекорд: здесь прогремел самый крупный мирный взрыв, и противоселевая плотина защитила столицу республики. После перерыва на высокогорном катке вновь раздались выстрелы стартовых пистолетов и были снова показаны отличные результаты. Архитекторы и конструкторы института «Алмаатагипрогор» закончили работу над проектом высокогорного спортивного комплекса. В скором будущем здесь появится стадион на 10 тысяч мест с искусственными дорожками, открытый пятидесятиметровый плавательный бассейн, спортивный зал, корпуса пансионата с башнями обозрения, мотель и другие сооружения.

В. АГЕЕВ,
спортивный обозреватель «Казахстанской правды»

Мангышлак. Нефтепромысел Жетыбай.

Фото И. Будневича (АПН).

ПО СЛЕДАМ КОСМИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Шесть миллионов лет назад в районе созвездия Орион произошло грандиозное событие — одновременный взрыв нескольких десятков звезд. Так утверждает выпускник Московского государственного университета имени Ломоносова, сотрудник Астрофизического института Казахской Академии наук Ш. Н. Сабитов. На протяжении трех с лишним лет он ведет наблюдения за чрезвычайно слабым газово-пылевым облачком, расстояние от которого до Земли, по самым скромным подсчетам, около 1 500 световых лет.

При взрыве была выброшена огромная масса газа. Образовавшееся гигантское газовое кольцо первоначально расширялось со скоростью много тысяч километров в секунду. Сегодня скорость его расширения угасает и составляет не более 10 километров в секунду. Это первое, что удалось выяснить и обосновать Шамилю Сабитову. Но не единственное. Он также установил, что облачко (или часть того газового кольца, за которой он наблюдает) связано со звездой Ригель, хотя их и разделяет расстояние в шестьдесят световых лет, и светится облачко главным образом за счет этой звезды. Кроме того, казахский ученый вычислил размеры пылевых частиц, заполняющих межзвездное пространство созвездия Орион, средний диаметр их — 0,00001 сантиметра.

Казахский Астрофизический институт ведет исследования по широкой программе, начиная от далекой внегалактической туманности и кончая ближайшими нашими соседями — Луной и Солнцем. Здесь работают службы по солнечной короне и хромосферным вспышкам, по кометам как показателям солнечной активности, по искусственным спутникам и т. д. Минувший год был для ученых годом неустанных поисков и находок. Так, группа планетчиков получила спектры далеких планет солнечной системы. Некоторые спектрограммы имеют принципиальный характер. Они требуют пересмотра отдельных представлений о составе и структуре атмосферы, окружающей планеты-гиганты.

А. БЛИНСКИЙ,
корреспондент «Казахстанской правды»

ТЕПЛОЕ ОТНОШЕНИЕ К НЕФТИ

Казахстан, который еще недавно не играл заметной роли в советском нефтяном балансе, в последнем году пятилетки будет давать свыше миллиона тонн нефти в месяц. Три четверти ее добычи производится на промыслах полуострова Мангышлак. Запасы черного золота позволят получать в дальнейшем до 35 миллионов тонн в год.

Для доставки нефти с полуострова построена железная дорога, через Каспий нефть перевозят танкеры. Но эти виды транспорта уже не справляются с растущим потоком черного золота, и потому ускоренными темпами прокладывается магистральный нефтепровод Мангышлак — Куйбышев. Казахская нефть по трубопроводу «Дружба», который берет начало в районе Куйбышева, пойдет даже в страны Восточной Европы.

Первая — азиатская — часть этой подземной магистрали протяженностью 864 километра уже действует. Трубопровод — горячий. Дело в том, что высокопарафинистая мангышлакская нефть застывает уже при плюс тридцати градусах. Поэтому в пути ее подогревают специальные печи, установленные на трассе нефтепровода через каждые шестьдесят—семьдесят километров. По стальной подземной реке уже перекачаны миллионы тонн горючего.

Мангышлак — это не только нефтяные скважины, это еще и новые города. Города в суровой пустыне. В столице полуострова — городе Шевченко уже почти сто тысяч населения. Почвы Мангышлака засолены, можно представить, сколько труда положили шевченковцы, чтобы озеленить свой город. Теперь на его улицах много деревьев, повсюду зеленеют газоны и скверы. Каждой весной здесь высаживается около восьмидесяти видов цветов.

Р. ЛЕЯМАН,
корреспондент КазТАГ

ЧТО ПРЯЧЕТ ОТРАР?

Отрарский оазис. В V—XV веках это был крупнейший культурный центр Казахстана и Средней Азии. Сейчас здесь обнаружено более 50 развалин средневековых городищ и отдельных усадеб.

— В нынешнем году,— рассказывает Кемаль Акишев, заведующий отделом археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР,— мы приступим к раскопкам наиболее крупного городища оазиса Отрара. В его предместьях жили ремесленники, мастеровые. В Алтын-Тобе, например,— золотых дел мастера, в Пшакши-Тобе — оружейники, в Куйрык-Тобе — мясники...

Производя раскопки, мы надеемся найти библиотеку ценнейших рукописей, о которой сообщают арабо-персидские источники. Находка этого бесценного сокровища наряду с другими материалами самобытной культуры позволит приподнять завесу над многими тайнами средневековой истории Казахстана.

О. ОГНЕВ,
заслуженный работник культуры Казахской ССР

ПОЛМЕТРА ДО СОКРОВИЩ

Лисаковская железная руда придет и на Казахстанскую Магнитку.

Фото Ю. Куйдина.

В степи, рядом с пшеничными нивами, заложен гигантский железорудный карьер. Здесь будут разрабатывать Лисаковское месторождение, которое протянулось на сто километров в длину. Промышленные запасы этой колоссальной залежи достигают около трех миллиардов тонн.

Мощные экскаваторы уже прокладывают выездную траншею, по которой повезут руду из карьера. Для переработки потока железорудного сырья строится самая большая в Советском Союзе Лисаковская обогатительная фабрика.

Месторождение на протяжении десяти с лишним километров прикрыто сверху лишь полуметровым слоем земли. Добытчикам руды многие годы не потребуется вести дорогих вскрышных работ.

Казахстанские геологи установили, что под степями Кустанайской области природа запрятала огромные залежи железных руд. Геофизические исследования дали основание специалистам высказать предположение, что Кустанайский железорудный бассейн на севере, по-видимому, продолжается до сибирской тайги, а на юге — до Аральского моря.

В. ГАНЖА,
корреспондент КазТАГ

Рафаэль Санти. МАДОННА КОННЕСТАБИЛЕ. Около 1504 года. Эрмитаж.

Е. ВУЧЕТИЧ,
вице-президент Академии Художеств СССР,
народный художник СССР

РАФАЭЛЬ

Наш строгий век начисто отвергает чудо. Я тоже не верю в чудеса. Но перед живописью Рафаэля я останавливаюсь, как перед чудом.

Коротка была его жизнь. Он умер тридцати семи лет, оставив неповторимый след в искусстве. С тех пор минуло почти пять столетий. Людская признательность окружила его имя поклонением, а его биографию украсила легендами.

...Рассказывают, что в Урбино, по соседству с домом Санти, размещалась мастерская некоего Бенедетто Ронкони, прославившегося гончарным мастерством и художественной росписью по керамике. Однажды мастер получил большой и ответственный заказ от правителя края герцога Гидобальдо де Монтефельтре. Герцог просил изготовить для него блюдо и вазу из лучшей майолики с красочной многофигурной композицией.

Бенедетто Ронкони сам не мог взяться за роспись: он почти потерял зрение. У него были четыре ученика. И один из них, двадцатилетний Лука, дружил с семилетним Рафаэлем, нисколько не смущаясь разницей в возрасте. Лука любил Пацифику, дочь Бенедетто, и она любила его. Над ними нависла беда: Бенедетто Ронкони объявил конкурс на лучшую роспись и обещал победителю право на брак с Пацификой.

Лука был искусным гончаром, но писать красками не умел. Он заранее знал, что конкурс им будет проигран. Тогда маленький Рафаэль пришел на помощь своему старшему другу: собрал кисти и краски и сел рисовать тайком. Мальчик расписывал вазу с весны и до позднего лета, забыв игры и забавы.

И наконец настал день, когда герцог Гидобальдо приехал принять заказ. Десять художников, десять искателей руки Пацифики представили свои работы. Герцог и его свита остановились, потрясенные, возле вазы, расписанной Рафаэлем. Больше всех других был поражен Бенедетто. Он заявил герцогу в ответ на его поздравления, что у него нет ученика, способного создать подобное. Кто же мог так расписать вазу?

Лука не посмел присвоить себе чужую славу. Все стояли в замешательстве, автор не объявлялся. И только когда герцог настойчиво попросил художника отозваться, из общей толпы вышел Рафаэль.

Герцог, ни слова не говоря, снял с себя золотую цепь и надел ее на Рафаэля.

— Вот тебе первая награда,— сказал герцог.— Ты их получишь еще много, чу́дное дитя!

Рафаэль потребовал право на руку Пацифики, а затем торжественно уступил это право своему счастливому другу. Легенда есть легенда, но она отражает, каким остался художник в народной памяти...

Гений, однако, как известно, не рождается из ничего и не возрастает на бесплодной почве.

Рафаэль родился в Урбино в 1483 году. Конец пятнадцатого века в Италии обозначился расцветом Возрождения. Философская система гуманизма, творчество выдающихся художников и писателей восславили Человека как центральную фигуру мироздания.

Герцоги Урбинские Федериго да Монтефельтре и его сын и наследник Гидобальдо собрали при дворе философов, художников, музыкантов. Отец Рафаэля Джиованни Санти был поэтом, художником, и Рафаэль рос в артистической среде.

Семнадцатилетним юношей Рафаэль переезжает в Перуджу. Начинается его серьезное ученичество. Он занимается у большого мастера живописи Пьетро Ваннучи, известного под именем Перуджино. Глубокая лиричность этого мастера, его нежность, спокойствие и мягкость нашли отзвук в душе Рафаэля. Рафаэль переимчив. Он быстро усваивает живописную манеру своего учителя, изучает под его руководством работу над фресками, знакомится с техникой и образной системой монументальной живописи.

Некоторое время Рафаэль еще находится под сильным влиянием Перуджино; лишь робко, как мгновенный всплеск, вдруг возникает или неожиданное композиционное решение, несвойственное Перуджино, или вдруг своеобразно начинают звучать краски на полотнах. И, несмотря на то, что его работы этого периода подражательны, мы не можем отстраниться от сознания, что делал их большой мастер. Это прежде всего «Мадонна Коннестабиле», хранящаяся в Эрмитаже, «Три грации», «Сон рыцаря». Все это завершается созданием монументального полотна «Обручение девы Марии» в городе Чивита-Кастеллана. Это как бы последний его поклон учителю. Рафаэль уходит в большую жизнь.

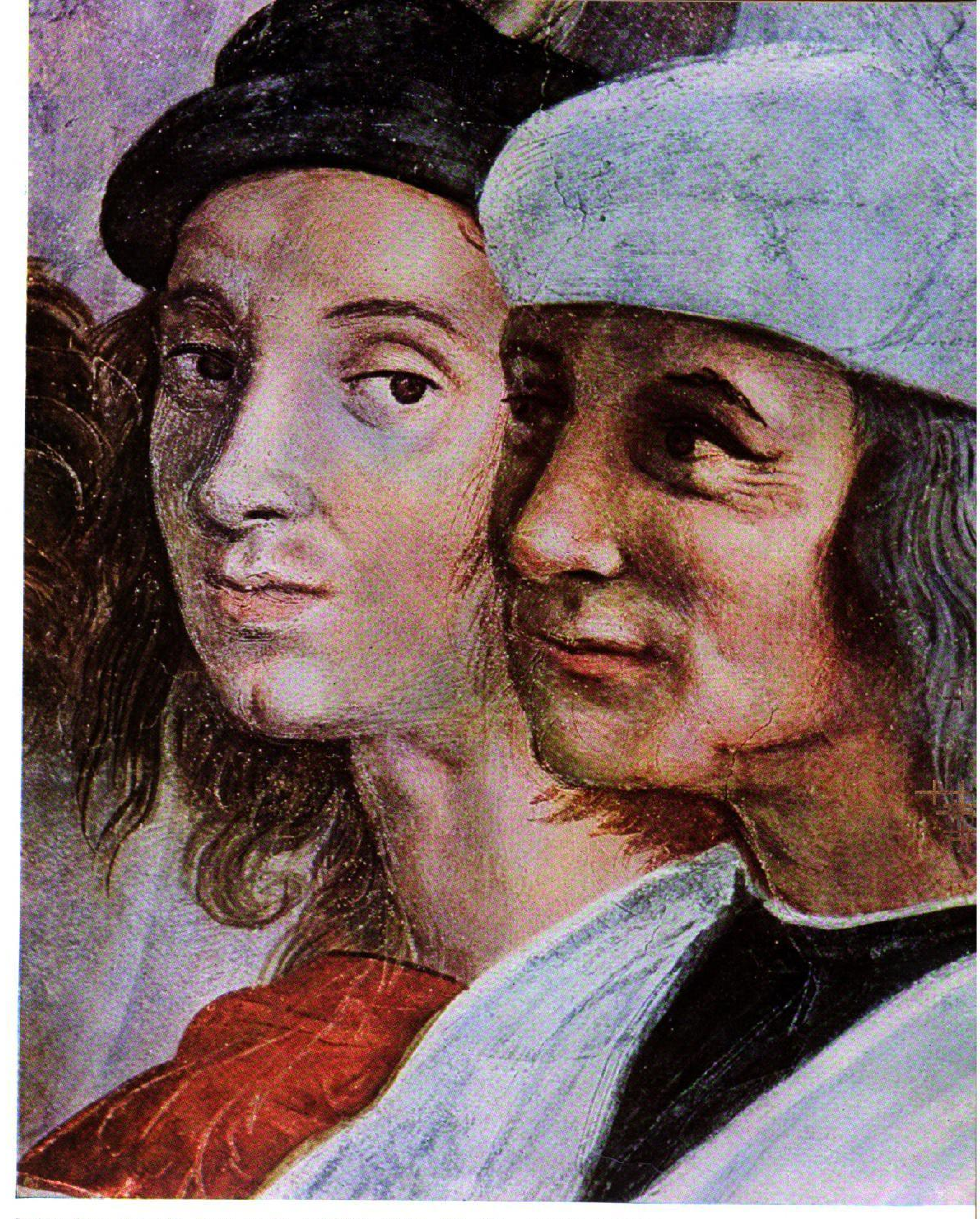
В 1504 году он приезжает во Флоренцию, где сосредоточился центр итальянского искусства, где зарождалось и поднялось Высокое Возрождение.

Первое, что увидел молодой Рафаэль, ступив на землю Флоренции,— была фигура Давида на площади Синьории. Эта работа Микеланджело не могла не поразить Рафаэля, не могла не оставить следа в его восприимчивом воображении.

В это время во Флоренции работал и великий Леонардо. Как раз тогда вся Флоренция с замиранием духа следила за поединком титанов — Леонардо и Микеланджело. Они работали над батальными композициями для Зала Совета. Роспись Леонардо должна была изображать битву флорентийцев с миланцами при Ангиари в 1440 году.

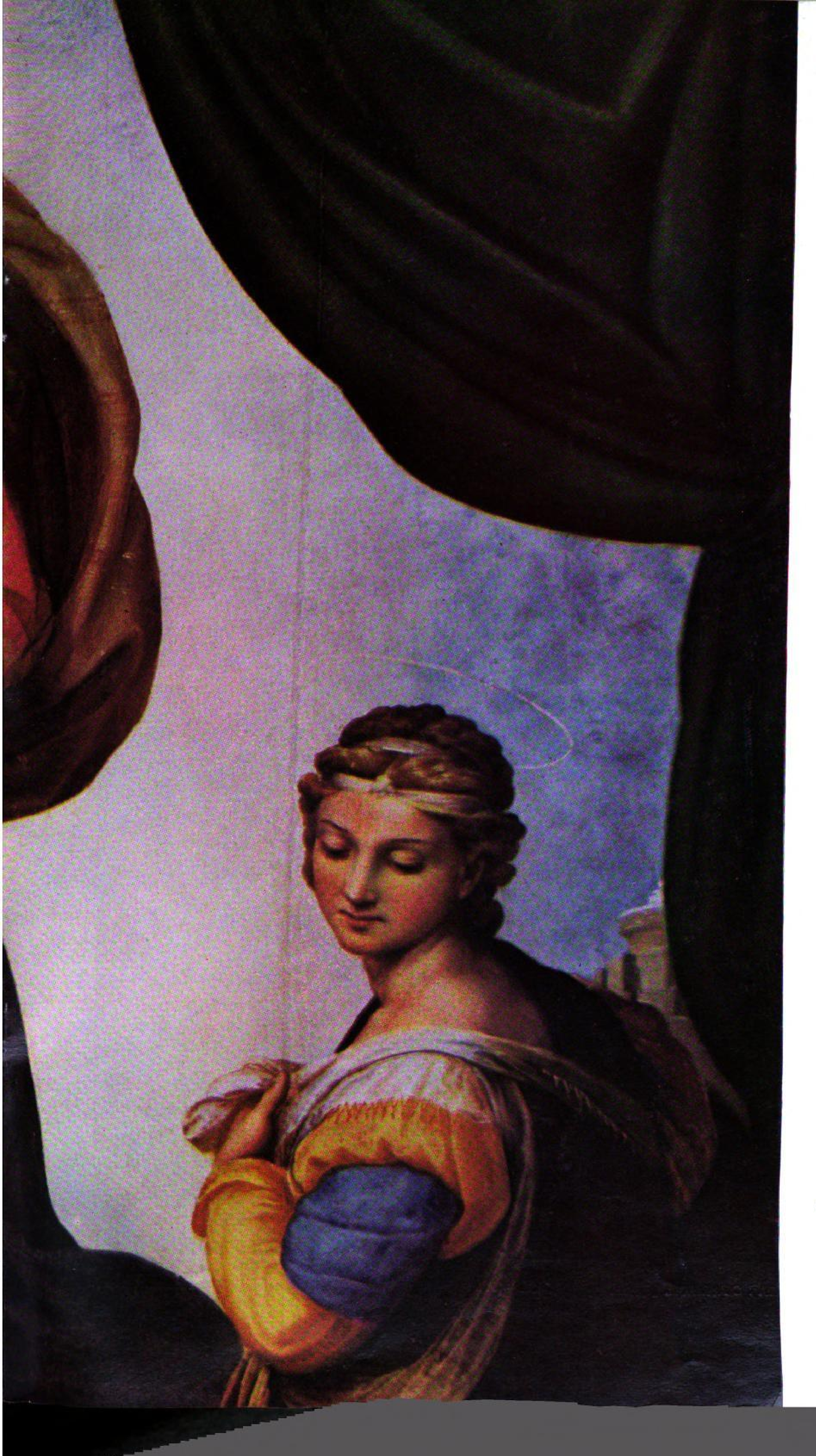
Микеланджело писал битву флорентийцев с пизанцами в 1364 году. В 1505 году флорентийцы имели возможность оценить оба картона, выставленные вместе.

Поэтичный, величавый Леонардо и бунтующий, поражающий стра-

Рафаэль Санти. 1483—1520. Деталь фрески. АФИНСКАЯ ШКОЛА. 1509—1511. РАФАЭЛЬ И СОДОМА.
Станца делла Сеньятура. Ватикан. Рим.

Рафаэль Санти.
СИКСТИНСКАЯ МАДОННА
(фрагмент).
1515—1519.

Картинная галерея. Дрезден.

Рафаэль Санти. ВСТРЕЧА ПАПЫ ЛЬВА I С АТТИЛОЙ. (Деталь фрески). 1512—1514. Ватикан. **Рим.**

стью Микеланджело! Битва стихий. Из пламени этой битвы надо выйти молодому Рафаэлю неопаленным, оставаясь самим собой.

Во Флоренции Рафаэль овладевает всей той суммой знаний, которые необходимы художнику, чтобы подняться вровень с этими титанами. Он изучает анатомию, перспективу, математику, геометрию. Все яснее и отчетливее проступает его поиск прекрасного в человеке, его поклонение Человеку, развивается у него почерк монументалиста, мастерство его становится виртуозным.

Мне довелось провести не один час и не один день перед картинами и фресками Рафаэля и в Италии и в других странах.

Всего и не перескажешь, что может испытать человек при встрече с его полотнами и росписями.

Но естественно, что художник прежде всего хочет узнать, как сделаны эти шедевры, какими средствами достигнуто чудо, какова технология этого изумительного письма.

Как же писал Рафаэль? Я спросил однажды об этом большого мастера живописи.

— Не знаю, чем,— ответил мне живописец.

— То есть как не знаешь? Он писал кистью?

— Не знаю. Скорее всего не кистью — дыханием он писал!

Привычного прикосновения кисти на картинах Рафаэля обнаружить невозможно. Его поэтические образы требовали какой-то особенной, виртуозной техники и вместе с тем столь же простой, как в музыке Моцарта или в стихах Пушкина.

«Сикстинская мадонна» написана нечеловечески просто. Там нет следов инструмента, никаких следов художнической работы. О такой живописи на Древней Руси говорили: «Дымом писано».

Если в полотнах Тициана нас поражает температура кипения страстей, трепет жизни, горячий колорит, то на полотнах Рафаэля звучит мечта о прекрасном, о совершенной Красоте.

Я долго думал: в чем же сила «Сикстинской мадонны»? Мать с младенцем — люди писали это тысячи раз. Пишут и в наши дни. Сюжет не сошел с полотен, и, наверное, он никогда не будет исчерпан. Здесь дело, конечно, не только в легенде, не в том, что художники писали Богоматерь и ее сына Иисуса. Художниками всегда владеет мечта написать сущность великого материнского чувства.

Но все же почему «Сикстинская мадонна» получила высочайшее признание?

Карамзин, например, писал, что Рафаэль выразил «в образе Марии красоту, невинность и святость». Ничего не возразишь, но и вместе с тем здесь мало что раскрыто. Фет восклицает: «Когда я смотрел на эти небесные воздушные черты, мне ни на мгновение не приходила мысль о живописи или искусстве... Я лицом к лицу видел тайну, которой не постигал, не постигаю и, к величайшему счастию, никогда не постигну... Разве это картина, разве это сочинено?»

Но я думаю, что точнее всех передал смысл этого произведения Жуковский. И не случайно. Процессы, происходившие в русском искусстве, в особенности в поэзии, в пушкинское время, наиболее тонко перекликались и с эпохой Рафаэля и с его искусством.

«Чем далее глядишь,— писал Жуковский,— тем живее уверяешься, что перед тобой что-то неестественное происходит... занавес раздернулся, и тайна небес открылась глазам человека. Все происходит на небе: оно кажется пустым и как будто туманным, но это не пустота и не туман, а какой-то тихий, неестественный свет, полный ангелами, которых присутствие более чувствуешь, нежели замечаешь... Св. Сикст и мученица Варвара стоят также на небесах: на земле этого не увидишь... все в размышлении... и святые и ангелы... Один только предмет напоминает в картине о земле: это Сикстова тиара, покинутая на границе здешнего света... Перед глазами полотно, на нем лица, обведенные чертами, и все стеснено в малом пространстве и, несмотря на то, все необъятно и неограниченно».

Мать держит на руках ребенка и несет его к нам, в наш мир. Святое таинство свершилось — родился человек. Теперь перед ним жизнь. Евангельский сюжет — это только предлог для решения путем сложной аллегории извечной идеи. Жизнь для вступающего в нее человеческого существа не только радость, но и искания, падения, взлеты, страдания.

Женщина несет сына в холодный и страшный, полный свершений и радости мир. Она мать, она предчувствует судьбу своего сына, все, что ему уготовано. Она видит его будущее, поэтому в ее глазах — ужас, ужас перед неизбежным, и скорбь, и страх за своего младенца. И все же она не останавливается у земного порога, она переступает его.

Она мать!

Были попытки со стороны утилитаристов обвинить Рафаэля в том, что у младенца слишком осмысленный взгляд, что это не взгляд ребенка. Здесь мы сталкиваемся с давним спором о возможностях искусства изобразить правду жизни не ее копированием, а ее философским осмыслением. Мы не должны забывать, что Рафаэль писал икону, писал в эпоху, когда люди безоговорочно верили в евангельскую легенду, он пользовался этой легендой, чтобы выразить свою идею.

У младенца Сикстинской мадонны глаза осмысленны. Это бог, и, как бог, он тоже посвящен в тайну своего будущего, он тоже знает, что его ждет в этом мире, в который распахнулся занавес. Он прижался к матери, но не ищет у нее защиты, а как бы прощается с ней, лишь только вступив в этот мир и принимая всю тяжесть испытаний.

Невесом полет мадонны. Но еще мгновение — и она ступит на землю. Она протягивает людям самое дорогое — своего сына, нового человека. Примите его, люди, он готов за вас принять смертные муки. Это основная мысль, которую художник выразил в живописи.

Именно эта идея пробуждает в зрителе добрые чувства, связывает Рафаэля с именами первейшими, возносит его как художника на недосягаемую высоту.

Не раз и от разных людей мне приходилось слышать такую легенду. Рафаэль писал «Сикстинскую мадонну». Вещь была не закончена, а ему пришлось отлучиться на некоторое время из города. Художники, смертельно ему завидовавшие, решили воспользоваться отъездом мастера, чтоб исполнить свой мрачный замысел.

Был праздник. У большого храма собралась толпа.

Враги Рафаэля выставили нищим и бродягам бочки с вином и пустили слух, что Рафаэль на своей картине, изображающей Пресвятую с младенцем на руках, нарисовал портрет известной в городе куртизанки. Это вызвало взрыв негодования.

Разъяренную толпу художники повели в мастерскую Рафаэля. Они были уверены, что разбушевавшиеся бродяги, поддержанные благонамеренными горожанами, в религиозном фанатизме уничтожат картину. Расчет казался безошибочным... Взломали двери мастерской. И вот они уже у цели. На мольберте, прикрытый покрывалом, стоял огромный холст.

Наступила решающая минута. Толпа полна жажды разрушения, жажды порвать, расправиться, растоптать, постоять за святую веру.

Кто-то из художников поднимается по лесенке к мольберту и срывает легкое покрывало...

Впервые Сикстинская мадонна встретилась с людской толпой. Она как бы вышла к ней, спустилась со своей высоты в эту и радостную и страшную земную жизнь.

Толпа замерла. Замолкли крики. В молчании люди покинули мастерскую.

Это легенда!

А вот быль: «Сикстинская мадонна» была спасена от гибели в наше время. В 1945 году гитлеровцы в преддверии краха спрятали в глубоких шахтах картины Дрезденской галереи, где им грозила гибель. Шахты заминировали. Малейшая неосторожность — и катастрофа! Советские солдаты, рискуя жизнью, спасли картины для человечества...

Работы Рафаэля во фресковой живописи — вершины мирового монументального искусства. Никто ни до него, ни после не создавал ничего подобного по масштабу, по совершенству композиции, гармонии и красоте.

В 1508 году двадцатипятилетний Рафаэль приезжает по приглашению папы Юлия II в Рим. Ему поручают роспись в Ватикане. Прежде всего надо было сделать фрески в Зале Подписи, который отводился Юлием II под библиотеку и кабинет. Росписи должны были отразить различные стороны духовной деятельности человека — в науке, философии, богословии, искусстве.

Стендаль в очерках «Прогулки по Риму» писал: «Тициану, Паоло Веронезе и всем художникам венецианской школы, Фра Бартоломео, Андреа дель Сарто и всем художникам флорентийской школы недоставало души, чтобы быть на высоте таких сюжетов. «Юриспруденция», «Теология» и т. д. под их кистью стали бы самое большее красивыми, здоровыми девушками более или менее независимого вида. Только Рафаэль и Корреджо могли изобразить такое величие!»

Здесь он перед нами не только живописец, но художник-философ, дерзнувший подняться до огромных обобщений.

Зал Подписи — станца делла Сеньятура — воссоединил представления эпохи о силе человеческого разума, о силе поэзии, о законности, о гуманности. В живых сценах столкнул художник философские идеи. В историко-аллегорических группах Рафаэль оживляет образы Платона, Аристотеля, Диогена, Сократа, Эвклида, Птолемея.

Монументальные произведения требовали от мастера знания самой сложной техники живописи — фрески, математического расчета и стальной руки. Это был поистине титанический труд!

В своих станцах Рафаэлю удалось найти небывалый синтез живописи и архитектуры. Дело в том, что интерьеры Ватикана были очень сложны по конструкции. Перед художником вставали почти невозможные по трудности композиционные проблемы. Но Рафаэль вышел из этого испытания победителем.

Станцы являются шедеврами не только по пластическому решению фигур, характеристик образов, колорита. В этих фресках зритель поражается величием архитектурных ансамблей, созданных кистью живописца, созданных его мечтой о прекрасном.

В одной из фресок Зала Подписи среди философов и просветителей, как бы участником этого высокого диспута, мы видим и самого Рафаэля. На нас смотрит задумчивый молодой человек. Большие, красивые глаза, глубокий взгляд. Он видел все: и радость и горе — и лучше других чувствовал Красоту, которую оставил людям.

И когда мы произносим имя Рафаэль, мы тут же вспоминаем «Сикстинскую мадонну», но, вспоминая «Сикстинскую мадонну», мы не можем не обратиться к его «Мадонне Коннестабиле», к «Обручению Марии», к «Мадонне с щегленком», к его прекрасным портретам итальянских женщин, которых он не уставал писать, к портретам его современников, к картинам остродраматическим, к его эпическим произведениям: «Изгнание Элиодора», «Видение Иезекииля».

Рафаэль был великолепнейшим портретистом всех времен и народов. Образы его современников папы Юлия II, Бальтасара Кастильоне, портреты кардиналов рисуют нам гордых, мудрых и сильных духом людей эпохи Ренессанса. Пластика, колорит, острота характеристик образов на этих полотнах потрясают.

Трудно себе представить, что бы мог сделать этот человек, ушедший из жизни в тридцать семь лет.

«Я скажу Вам,— писал в одном из своих писем Рафаэль,— что для того, чтобы написать красавицу, мне надо видеть много красавиц... но ввиду недостатка в красивых женщинах я пользуюсь некоторой идеей, которая приходит мне на мысль. Имеет ли она какое-либо совершенство искусства, я не знаю, но очень стараюсь его достигнуть».

Свой короткий рассказ о Рафаэле Санти, о художнике, о чуде, посетившем нашу бренную землю полтысячелетия тому назад, мне хотелось бы закончить латинскими стихами, которые в переводе на русский звучат так: «Здесь покоится тот Рафаэль, при жизни которого великая прародительница всего сущего боялась быть побежденной; а после смерти его она боялась умереть».

ПОЛИПОВ В ИСТИННОМ СВЕТЕ

Анатолий ИВАНОВ

Рисунок И. УШАКОВА.

Председатель райисполкома Петр Петрович Полипов, закончив рабочий день, взял портфель, намереваясь пойти домой, но вместо этого сел в мягкое кресло для посетителей и задумался.

Думал он в последние дни все о том же — о Субботине. Секретарь обкома партии уже неделю живет в Шантаре, разъезжает с Кружилиным по колхозам, но в исполком ни разу не зашел, о письме, которое он, Полипов, написал в обком, ничего не говорит. Полипов тоже ничего не спрашивает.

Но приехал-то Субботин по поводу его письма, это уж Полипов знает. Что он готовит ему, какой сюрприз? Созовет бюро райкома и объявит, что жалоба Полипова на секретаря райкома необъективна? Но это не жалоба, не такой он дурак, Полипов, чтобы писать жалобы. Это просто письмо коммуниста в вышестоящий партийный орган с просьбой разъяснить непонятное. Да, не вовремя снова бросили Субботина на сельские дела. Прежний секретарь по сельскому хозяйству разъяснил бы Кружилину, что такое самовольство. Так разъяснил, что долго бы у того чесались определенные места. А потом этот козырь долго лежал бы в кармане у Полипова. Но кто же знал, что все так получится?

И вообще везет этому Кружилину. Осенью совсем было запурхался с восстановлением эвакуированного завода, уборка хлебов шла медленно и вяло. И он, Полипов (здесь Полипов внутренне усмехнулся, сохраняя на лице хмурую задумчивость; он умел это делать — смеяться про себя), не особенно форсировал косовицу, сквозь пальцы смотрел на то, что почти во всех хозяйствах жатва идет вдвое медленнее, чем могла бы идти при более четкой организации и строгом контроле. Он носился из колхоза в колхоз, поднимая шум только вокруг обмолота и хлебосдачи, требуя бросать сюда все силы, тягло, транспортные средства.

— Скоро начнутся ветры, непогода, зерно повыхлещет,— сказала однажды ему Полина Сергеевна, жена, глядя в районную газетку, где печатались уборочные сводки.— И окажется Кружилин в интересном положении. Хоть локти искусай, а сдавать государству нечего будет... А если еще под снег на корню уйдет немного...

— Замолчи! — прикрикнул, багровея, Полипов, понимая, что она, как всегда, поняла его тайные расчеты.— Ты что говоришь, в чем ты меня... Выдумаешь черт те что!

Конечно, это было бы идеально, если бы завод еще месяц-полтора не дал продукции, а уборка в районе завалилась. Спрос всегда с главного хозяина, и Кружилин вылетел бы из райкома, как пробка из бутылки, очистив место для него, Полипова. Но завод через две недели начал выпускать снаряды. В результате — приветственные телеграммы из области и из Наркомата боеприпасов. Теперь Кружилин сам взялся за уборку. Он, наоборот, сквозь пальцы смотрел на хлебосдачу, требуя косить, косить, косить хлеба, метать скошенное в скирды. Хлебосдача резко упала, из области шли грозные звонки и телеграммы. Кружилин на них почти не обращал внимания, а он, Полипов, обращал и все более мрачнел. (Здесь Полипов снова усмехнулся, но на этот раз в открытую, его широкое лицо скривилось, будто он хватил чего-то кислого.) Да, мрачнел, потому что понимал: настанет день, и придет из области поздравление за выполненный план хлебопоставок, а все грозные телеграммы превратятся в пустые бумажки.

Так все оно и произошло. В итоге ни одна из пружин, сжимаемых им, Полиповым, под Кружилиным не сработала, они потихоньку выпрямились, даже не покачнув его в кресле.

Что же оставалось ему, Полипову? Только председатель колхоза Назаров, которому Кружилин разрешил вопреки строжайшему запрещению из области потихоньку засеять половину площадей рожью. Ах, если бы к тому же завод еще не выпускал снаряды, а район не выполнил плана хлебосдачи?! Но тем не менее после некоторых раздумий Полипов написал письмо, памятуя: то, что написано пером, не вырубишь топором. Он писал его ночью вот в этом же кабинете, за этим столом, философски размышляя, что жизнь быстротечна и изменчива, а обстоятельства могут живо сложиться так, что и это письмо вспомнится, будет к месту и, может быть, сыграет свою роль когда-нибудь...

В дверь стукнули, Полипов вздрогнул.

— Да. Кто там?

В кабинет вошел Субботин.

— Размышляешь? Здравствуй. Уезжаю я сейчас, попрощаться зашел.— Он снял фуражку, но раздеваться не стал.

— И на том спасибо,— усмехнулся Полипов.— Я думал: не зайдешь.

— Почему же? Я обязан поговорить с тобой, поскольку ты просишь в своем письме разъяснений насчет Назарова и Кружилина.

— Что ж, разъясни.

Субботин сел в другое кресло напротив Полипова. Их разделял узенький столик, приставленный к массивному столу хозяина кабинета. Субботин положил руки на вытертое зеленое сукно, крепко сцепил сухие пальцы.

— Слушай, Петро. Скажи мне откровенно: зачем ты написал это письмо? — тихо проговорил Субботин.

— Странный вопрос...

— Да, может быть, если бы я задавал его кому-нибудь другому, но мы с тобой в Новониколаевске одни и те же опасности делили, в одних тюрьмах сидели. Скажи мне как старшему товарищу.

— Ты сам прекрасно понимаешь, почему. Я коммунист, Иван Михайлович. Товарищ Сталин и наша партия учат нас принципиальности. А здесь налицо вопиющее самовольство...

— Я просил откровенно, как товарищу...— поморщился Субботин.

— Я разве не откровенно говорю?

На улице давно стояла густая темень. В кабинете ярко горели две большие лампочки под дешевыми стеклянными абажурами. За окнами, освещенные падающим из окна светом, виднелись голые, чуть заснеженные, молодые еще топольки и клены. Летом, одетые листвой, они весело помахивали в окна, но сейчас было неприятно оттого, что из черной темноты к самым стеклам тянутся сухие, закостеневшие на холоде, голые ветви.

— Значит, разговора у нас не получится, Полипов,— сухо сказал Субботин и встал.— А жаль...

— Конечно, трудно мне говорить с тобой, поскольку, так сказать, твоими стараниями я был освобожден... а точнее, отстранен от партийной работы,— проговорил Полипов. Уголки его широкого рта отвисли, будто он собирался заплакать. Но не заплакал, а продолжал тем же тоном: — Сначала из Новосибирска сюда переведен, как в ссылку. Потом из райкома вышвырнули. А дальше уж и не знаю, куда меня еще... Кружилин как-то заикался — на колхоз. Все логично.

Субботин слушал молча, глядел на Полипова с сожалением, болью и с явно скользившей во взгляде неприязнью.

— В ссылку вышвырнули... Ах, Полипов, Полипов... Вот я и хотел поговорить с тобой как старший товарищ, как человек с человеком, хотел понять тебя наконец и, может быть, помочь... чтобы тебя, как ты выражаешься, не вышвыривали и дальше, чтобы ты не скатился окончательно в пропасть.

— О-о! — Желтые брови Полипова поползли вверх.— Вон как даже вопрос стоит?!

— Ну а как же ты думал?! — с явно прорвавшейся болью вымолвил Субботин, шагнул к Полипову, сделал движение, будто хотел взять его за плечи, но передумал.— Там, в Новосибирске, ты превратился в партийного чинушу, в бюрократа самой жесткой пробы. Я думал, здесь, в районе, живая практическая работа тебя подлечит, жизнь продует тебе мозги... А ты...

— А что же я?! — Полипов тоже поднялся, заходил по кабинету.— Что же я, ударил в грязь лицом, да?! Тогда что называется не ударить в грязь лицом? Район при мне вышел в передовые по всем показателям: по хлебу, по мясу, по шерсти...

— Погоди же,— попросил Субботин.

— Нет, не погожу! — крикнул Полипов яростно, будто стоял перед ним не секретарь обкома, а председатель или бригадир какого-нибудь колхоза, с которыми он привык разговаривать таким вот образом.— Не погожу, потому что есть мнения, а есть объективные факты. Кто раньше всех и больше всех давал в области хлеба? Полипов. А молока, мяса? Полипов! Чей район все время был на областной доске почета? Полипова...

Субботин глядел на него с изумлением, по-

Глава из романа «Вечный зов», который будет опубликован в журнале «Москва».

том его изумление сменилось прежней жалостью. Секретарь обкома сел на свое место. Полипов враз умолк.

Минуты полторы или две они сидели молча, даже не шевелясь.

— Ну, что же, Петр Петрович...— проговорил наконец Субботин тяжело.— Теперь мне совсем ясен смысл твоего письма в обком. Где-то я еще сомневался, верил... или хотел верить в твою искренность, в заблуждения, может быть, в непонимание чего-то.

— Я понимаю одно — самовольные действия, как, например, кружилинские, к добру не приведут.

— Ты вот, работая тут до Кружилина первым секретарем райкома, самовольно не действовал. Все по параграфам, все по директивам. И довел район до нищенства. До критической точки. За это тебя и сняли, потому что нельзя больше было терпеть: все твои заступники в области не только увидели вывеску твоего, как ты говоришь, района, но разглядели, что там, за этой вывеской. И ты это, в общем-то, понимаешь.

— Ну, зачем уж так—до нищенства, до точки?! Недостатки у меня, как и у каждого секретаря райкома, были в районе. Ты их возвел в степень, там, в обкоме, все представил в специальном освещении. Я не маленький, знаю, как это делается. Но я знаю и другое: все течет, все изменяется...

— Это как понять? — спросил Субботин негромко.

— А так... Такими, как я, коммунистами с дореволюционным стажем, партия не бросается...

— Не гордись ты своими прошлыми заслугами,— попросил Субботин.— Гордись настоящими. А их у тебя нет.

— Ты считаешь нет, я считаю есть. Ты их только мусором завалил. Но ничего, подождем.

— Постой, постой... Чего, собственно, ты ждать собираешься? — И Субботин вытянул даже худую шею, будто ответ Полипова мог пролететь мимо его ушей.

— Все течет, говорю... Война к тому же... Может быть, тебя переведут куда-нибудь из Новосибирска, может быть, я попрошусь в другую область. Ну, а на крайний случай...— Полипов помедлил секунду, поглядел в глаза Субботина.— Сколько тебе лет-то?

Субботин только шевельнул морщинами на лбу.

— В крайнем случае подождем, когда ты на пенсию уйдешь.

Опять стояла несколько минут тишина в пустом, гулком кабинете, за окном которого уныло торчали из темноты голые ветви деревьев.

— Да-а... Все, выходит, ты учитываешь, все рассчитываешь намного вперед.

— Рассчитываю,— с циничной обнаженностью сказал Полипов.

— Я всяко о тебе думал... Но, признаться, в истинном свете увидел тебя только сегодня. Что же с тобой произошло, Полипов? — грустновато, скорее сам у себя спросил Субботин.

— И каков же я в этом свете?

— Сразу и не объяснишь. Интриган, завистник, карьерист — это, пожалуй, не то, это слишком мелко для тебя, бледно характеризует. Не знаю, не знаю...— Субботин устало потер морщинистые щеки.— Но что вот партийности в тебе нисколько не осталось, так это точно...

— Ну это, знаешь ли...— рассыпал нервный смешок Полипов.— Тебе, конечно, никто не волен запретить какие угодно выводы и домыслы делать. Но ты их оставь, пожалуйста, при себе.

— А может быть, этой нашей партийности в тебе никогда и не было,— не обращая внимания на слова и смешок Полипова, раздумчиво добавил Субботин.— И еще: может быть... возможно, и сейчас даже в истинном, в самом истинном свете я тебя все-таки не вижу еще? А?

Полипов как-то странно откинул назад большую голову, приоткрыл рот, и угол этого открытого рта начал дергаться, а толстые щеки бледнеть.

— Да ты...— хрипло выдавил он, задохнулся, мотнул головой, вскочил. И закричал, срываясь на визг: — Да ты... ты как смеешь?! Я спрашиваю: какое ты имеешь право?!

Субботин поднялся с трудом, выпрямился. И проговорил спокойно, глядя не в глаза Полипову, а на его обиженно дрожащие щеки:

— А Кружилина мы тебе съесть не дадим. В скором времени мы пригласим его, Кружилина, на бюро обкома, обсудим итоги уборочной, положение дел на заводе и в районе. За что-то будем хвалить, за что-то ругать, что-то посоветуем. Но, как ты сам понимаешь, больше будем хвалить... А насчет Назарова... Я думаю, обком согласится с моим мнением, что Кружилин, как политический руководитель района, имел право в интересах дела, поскольку рожь дает на ваших землях более высокий урожай, разрешить одному колхозу в опытном порядке на половине площадей посеять эту культуру. Война — и каждый килограмм хлеба на вес золота. До свидания.

И Субботин вышел, не оборачиваясь.

Домой Полипов явился взбешенный, как тигр, и напуганный, как заяц, за которым весь день гонялся охотник. Жена долго не открывала, и он, стоя на крыльце, что есть силы колотил носком сапога в дверь.

— Дрыхнешь, что ли?! — бросил он ей со злостью, когда она откинула засов.— Сидишь под замками, как принцесса.

И громко затопал по крашеному полу коридорчика, освещенного тусклой лампочкой.

* * *

После приезда Кружилина Полипов, демонстративно освободив райкомовскую квартиру, стал жить в этом небольшом, в две комнаты, аккуратном домике, стоявшем сразу за бревенчатым зданием исполкома.

Детей у Полиповых не было (то ли по вине мужа, то ли по ее собственной — Полина Сергеевна этого понять не могла, а к врачам обращаться стеснялась), и единственной ее заботой и обязанностью было убирать квартиру и готовить обеды. Делать это она умела и любила, но кухонные и квартирные дела отнимали времени немного, и она зимой целыми днями бесцельно ходила по пустым комнатам, валялась на диванах с книжками или журналами в руках, а летом занималась разведением цветов. И тот, райкомовский, дом и этот, райисполкомовский, всегда утопали в многочисленных пестрых и пышных клумбах.

Когда-то Полина Сергеевна была женщиной стройной, даже хрупкой, несмотря на полные бедра и немного сутуловатую спину. Но от

многолетней праздной жизни, несмотря еще на сравнительно молодые годы — она была на пятнадцать лет моложе мужа,— располнела, расползлась. Бедра стали еще толще, на них трещали все юбки; образовался второй подбородок.

Ей было двадцать пять лет, когда она вышла замуж, вернее, женила на себе Полипова.

Осенним вечером 1930 года в квартире Полипова раздался телефонный звонок:

— Извините, пожалуйста. С вами говорит Свиридова. Я хотела бы зайти к вам...

— Какая Свиридова? По какому делу?

— Я хотела к вам на работу зайти, но не осмелилась. У меня неделю назад умерла мать. Я осталась совсем одна.

— Ничего не понимаю. Чем же я могу вам помочь?

— Я не за помощью,— вздохнула женщина в трубку.— Я хотела об отце поговорить... Ведь вы знали моего отца... Вы вместе с ним в Новониколаевской тюрьме сидели.

Долго молчал Полипов, сжимая трубку так, что побелели пальцы.

— Алло... Что же вы молчите? — спросила неведомая женщина или девушка.

— Да, да...— дважды вздрогнул Полипов, как под ударами.— Кажется, что-то припоминаю. Сергей Свиридов, как же... Да, мы сидели с ним в одной камере бывшей Новониколаевской тюрьмы. Это было, кажется, в девятьсот шестом году. Так что же вы хотите?

— Я сказала — увидеться с вами.

— Да, да... Ну что же, заходите... как-нибудь.

— Если позволите, я сейчас...— И, не дожидаясь ответа, повесила трубку.

Год назад Полипов демобилизовался из армии, после некоторых колебаний приехал в Новосибирск, в котором не был одиннадцать лет, стал работать заведующим отделом обкома партии. Он был еще не женат, жил в небольшой двухкомнатной квартире, из окон которой была видна Обь и железнодорожный мост через реку.

Звонившая по телефону долго ждать не заставила. Открыв двери, Полипов увидел довольно миловидную женщину в простеньком, наглухо застегнутом до самой шеи жакете. У нее были красивые, ярко-коричневые глаза, густые, соломенного цвета волосы, зачесанные назад и собранные на затылке в тяжелый жгут, который чуть оттягивал назад голову.

— Это я,— сказала она застенчиво.

— Проходите.

Она села на кожаный диванчик, плотно сдвинув колени, и тотчас по щекам ее покатились слезы. Она вынула из большой черной сумки платочек, прижала его к красивым глазам. Плечи ее затряслись, колени оголились. Полипов глядел на эту девицу и тревожно думал: откуда она знает, что он сидел в тюрьме с ее отцом? Хотя, конечно, Свиридов мог сказать ее матери или ей самой об этом, когда он в восемнадцатом году несколько раз заходил к ним на квартиру. Помнит ли она, что он заходил? Что она знает о его отношениях с ее отцом? И вообще что ей нужно от него?

— Успокойтесь,— сказал он машинально.— Простите.... как вас звать?

— Полина,— жалобно сказала она.— Вы извините, что я... Я знаю, что отец... был сначала революционером, был с вами, потом... изменил своим идеалам, оказался в лагере врагов революции... Я отца не оправдываю. Но мне жаль его. И я подумала: может, вы знаете о нем какие-то подробности? Мать говорила мне, что он потом застрелился. Почему он застрелился?

— Откуда же это знать мне?

— Да, конечно...— Она встала. Красивые глаза ее начали вдруг туманиться, сделались беспомощно-глупыми. Неожиданно она схватила его руку, крепко сжала в своих горячих ладонях, и он почувствовал, как дрожат ее пальцы.

«Что за черт, да уж не пришла ли она... совратить меня?!» — мелькнуло у Полипова. Сделать это ей было нетрудно, он, Полипов, давно не видел женщин, в квартире они одни. И он не удержался бы, наверно, если бы голову не разламывало от мысли: «Помнит или нет Свиридова, что он заходил к ее отцу, когда тот был уже следователем в белочешской контрразведке? Помнит или нет?»

Он резко вырвал руку. И сразу глуповато-беспомощное выражение в ее глазах исчезло, в них появился живой блеск, затрепетал презрительно-насмешливый огонек, еще больше напугав Полипова.

— Извините,— сказала она.— Я пойду. Немного растрепалась, можно мне чуточку причесаться?

— Пожалуйста,— растерянно сказал он и ушел на кухню.

Из кухни он слышал, как она ходила по комнате. Потом зажурчала вода в ванной, и снова его необычная гостья ходила по комнате. Затем все стихло. Выглянуть из кухни, проверить, что делает его гостья, он долго не решался.

Наконец все же выглянул. В коридоре никого, в комнате тоже, дверь в спальню чуть приоткрыта, электричество там не горело.

— Послушай, девочка,— проговорил он, чувствуя, как перехватывает горло.— Это уже немножко нахально и непристойно.

Ни звука, ни шороха. «Что за черт? А может, она ушла?» Полипов с колотящимся сердцем толкнул дверь спальни. Тотчас тяжелые руки обвили его шею.

— Позвольте... Позвольте... — сдавленно крикнул он, отталкивая прильнувшую к нему девушку.

— Петр Петрович... Петя...— Она пыталась поймать его губы.— И нахально и непристойно... Но я не могла больше. Я люблю... Как только ты сюда приехал, как увидела... Но я не знала, как... А сегодня решилась. Я решилась...

— Перестань же! — выкрикнул он, отшвырнул ее.

— Да ты мужчина или нет?! — И она, взмахнув руками, снова ринулась к нему, толкнула Полипова на кровать.

Он упал на спину, лицо ему засыпали пахучие женские волосы.

...Потом они долго молчали, как бы соображая, что же произошло. Разговора начать не могли ни тот, ни другой.

— Значит, ты меня... любишь? — Полипов стыдился своего голоса.

— Я же сказала,— спокойно ответила она.

— Но если любят, не так все это происходит...

— Зато надежно,— промолвила она с откровенной насмешкой.— Видишь, никуда ты не делся.

Полипов рывком привстал на кровати.

— И часто ты вот так... совращаешь?

— Не-ет...— протянула она, словно успокаивая его.

Полипов немножко помолчал и поинтересовался:

— Но почему именно меня?

— А за кого же мне еще замуж идти, как... не за друга моего отца? — спросила она, будто даже удивленно.

— Ты... ты замуж за меня собралась?! — закричал он, опять приподнимаясь.— И какой я ему друг?

«Влип... вот это влип! — больно стучало у него в голове.— Ведь думал же еще — не надо, не надо в Новосибирск после армии ехать...»

— Но почему именно меня ты в мужья выбрала?!

— Я одна осталась, мать в самом деле умерла. Работать я не могу...— раздумчиво заговорила она.— Я не пыталась даже устроиться куда-то, все эти годы мы жили с мамой, как мышки в норе, забытые всеми. И все боялись: а вдруг кто обратит на нас внимание, что за Свиридовы такие? В общем, оставил нам отец наследство... А теперь, значит, мать умерла, а я Полипова буду. Вздохну наконец спокойно.

— А меня, меня спросила ты?! Я-то согласен ли еще?! — яростно прохрипел он.

Но эта ярость нисколько не тревожила ее, она лежала по-прежнему на спине, разметав по подушке волосы, не спеша продолжала:

— А почему тебя я выбрала? Удачливый ты и ловкий. Отец мой давно в земле лежит, зарыли его неизвестно где, как собаку какую-нибудь, ты же увернулся, в начальниках ходишь. А ведь ты вместе с отцом большевиков-то предавал...

Полипов дернулся всем телом, опять, в третий раз, приподнялся рывком, сел.

— Ты-ы?! — вращая глазами, закричал он, что было силы, не слыша, не понимая, что голоса у него уже нет, что из горла вырывается не хрип, а свистящий шепот.— Кого... Каких большевиков? Ты что сочиняешь?!

Она не торопясь выпростала из-под одеяла голую руку, сквозь рубашку больно вдавила ему в плечо острые ногти и властно прижала его рядом с собой к подушке:

— Лежи ты... Выбрала я тебя не сама, ума не хватило бы на это. Мне бывший мамин любовник это посоветовал.

— Какой... Какой еще любовник?

— Лахновский Арнольд Михайлович, бывший следователь Томской жандармерии. Не забыл? Этот еще ловчее тебя; совсем в большие люди вышел. В Москве он сейчас живет. Еще что спросишь?

* * *

Пройдя в свою комнату, служившую домашним кабинетом, Полипов швырнул на стол портфель, плюхнулся на диван.

Он пролежал недвижимо, может, полчаса, может, час, глядя в потолок. Иногда закрывал глаза, будто засыпая. На плоском, широком лбу его время от времени собирались морщины, потом разглаживались...

— Что случилось? С Кружилиным опять поцапались? — Полипов не слышал, как вошла жена.

— Нет... Поговорили с Субботиным. На полную катушку поговорили. Откровенно...

— Да ты что?! — У Полины Сергеевны тревожно дрогнули выщипанные брови.

— В общем, Полина моя дорогая, дела мои хуже надо, да некуда. Кружилина теперь голой рукой не возьмешь. А меня Субботин, кажется, обложил, как волка в чащобе, красными флажками.

— Я говорила, Петя, надо бы с этим Кружилиным как-то иначе, незаметно. Стоит лишь написать не в обком, а куда следует... И не так, как ты написал...— Полина Сергеевна рассматривала свои аккуратно подстриженные ногти.— Сумел же многих горластых прижать, которые тебе мешали. Вот и Лахновский в последнем письме советует...

— Слушай, Полина...— рвущимся голосом заговорил он, схватив ее за плечи.— Вы со своим Лахновским за кого меня считаете? Все еще за подлеца, за мерзкого человека?!

— Петя! Петя! — не на шутку испугалась она, вырвалась, отскочила.— Что я тебе обидного сказала?

— Что сказала? — переспросил он и тоже поднялся. Она попятилась от него, прижалась спиной к стене. Он опять цепко взял ее за плечи и снова сильно встряхнул. Она стукнулась о стену затылком.— Ты чему это меня учишь, а? И когда вы со своим Лахновским, с этим троцкистом недорезанным, перестанете учить меня?

— Петенька! — Она быстро-быстро заморгала ресницами, и глаза ее наполнились влагой. Схватив его руки, она прижала их к своему пылающему лицу, орошая слезами, принялась их жадно и торопливо целовать.

Полина Сергеевна плакала щедро и горько, по-настоящему. Она могла в любое время выдавить из себя какое угодно количество слез.

— Мы с тобой живем уже второй десяток, Полина. А ты все обращаешься со мной так... толкаешь меня на такие поступки, будто я... будто я враг Советской власти. А я врагом ей никогда не был. Да, в молодости я смалодушничал, было это... Испугался за свою жизнь. Но, вырвавшись из лап этого твоего Лахновского, я не стал предавать товарищей по партии. Я ни одного не предал...

Он говорил эту ложь тяжело и медленно, часто останавливаясь, с трудом подыскивая слова, понимая, что жена отлично знает, что он лжет.

Полина Сергеевна, стоя теперь возле темного окошка, медленно заплетала волосы, задумчиво смотрела в черноту за стеклами, ничего там не видя, не различая. Она слушала мужа, иногда тихонько кивала головой, делая вид, что верит всему, понимая, что муж отлично знает, что она только делает такой вид, а на самом деле не верит ни одному его слову.

— Я, что же, Полина, я человек не простой, сложный, видимо,— продолжал между тем Полипов, несколько стыдливо, испытывая ка-

кую-то странную потребность говорить, говорить, что угодно, лишь бы не останавливаться.— Да я, конечно, имел недостатки в юности. И сейчас... Что же, я честолюбив. Ты знаешь, мне очень неприятно было, когда меня из области сюда, в район, перевели. Еще более меня обидело, что, мягко говоря, из райкома выставили. За что? Ты-то знаешь, как я работал, не жалея здоровья. И район передовой был по всем показателям. И вдруг, пожалуйста, на второй план. Разве справедливо? Разве не обидно?

— Милый! — Полина Сергеевна торопливо подошла к мужу.

— Я человек непосредственный и, конечно, не могу скрыть, как другие, этой своей обиды, она заметна всем,— продолжал он.— И неприязни к Кружилину скрыть не могу, хотя и сознаю, что он-то менее всего виноват... в моих несчастьях... Ты понимаешь меня, Полинушка?

— Понимаю, понимаю,— закивала она.

— И к тому же, когда я вижу, что Кружилин делает ошибки, я не могу их не замечать,— уже как ни в чем не бывало, своим всегдашним голосом заговорил он: — Вот с этим Назаровым, например. И молчать, покрывать его ошибки не могу. Какими бы недостатками я ни обладал, партийная принципиальность во мне живет. Я воспитан в таком духе с самой юности, когда только-только начинал революционную работу. Воспитан тем же Субботиным. А он называет теперь меня интриганом, завистником. Как немного нужно в наше время, чтобы перевернуть факты, придать им совершенно другую окраску и оболгать человека! Но... запомни, Полина. Я... я и впредь не поступлюсь своей принципиальностью, но... но никогда не опущусь до того, чтобы мстить Кружилину мерзкими способами... на которые ты намекаешь. Ты или твой Лахновский! Слышишь? — сжал он ее плечи.— Понимаешь?

— Конечно,—сказала она, глядя ему в глаза.

Она сказала «конечно», хотя могла бы сказать совершенно иное. Многое-многое могла бы она сказать ему, и он знал, что она может это сказать, но не скажет, ибо так и ей и ему было удобнее.

Все в их жизни — и отношения, и чувства, и слова — было ложью, и оба они понимали это. Сейчас Полипов не верил ей точно так же, как в тот далекий теперь уже вечер, когда она бросилась на него в спальне, бессвязно шепча о любви. И она знала, что он ее не любит, никогда не любил и никогда не женился бы на ней, если бы она не женила его на себе таким способом. Но они оба делали вид, что верят в искренность чувств, слов и поступков друг друга, потому что эта ложь была, очевидно, той формой их отношений, той оболочкой, в которой только и возможно было их сосуществование. Под этой скорлупой они приспособились дышать, двигаться, говорить, смеяться — словом, приспособились жить. Расколись эта оболочка, оба онемели бы, задохнулись от хлынувшего на них свежего воздуха.

— Пойдем, Петя, ужинать,— сказала жена.

— Да, пойдем. Но Субботин-то, Субботин каков? П-подлец... У тебя, говорит, партийности нисколько не осталось, а может быть, и не было ее никогда...

Направившаяся было в кухню Полина Сергеевна резко остановилась. В ее широко открытых глазах плескался откровенный испуг.

— Ты понимаешь, какой мерзавец?! — В голосе его звенел неподдельный гнев.— Какие выводы делает?! И вообще, представляешь, какое мнение он обо мне будет... высказывать теперь в области?!

Поужинали они молча, не глядя друг на друга, чувствуя друг к другу обоюдную брезгливость, отчуждение. Это случалось каждый раз, когда приходилось разговаривать о таких вещах, как сегодня.

В кровати Полипов долго лежал неподвижно, уткнув лицо в горячее плечо жены. Потом спросил неожиданно:

— Сколько же лет сейчас этому Лахновскому?

— Около семидесяти уже.

— Всех троцкистов передавили, а этот сумел в какую-то щёль забиться... Когда он подохнет только!

Еще лежали некоторое время молча в темноте.

— Да-а, Кружилина теперь ни с какого боку не возьмешь,— вдруг проговорил Полипов, закладывая руки за голову.

— Как же теперь мы будем, Петя? Субботин тебя действительно обложил.

— Ничего, ничего, вывернусь...

— Да как?

— Не знаю. Спи... Ничего сейчас не знаю. Вот лежу и думаю...

* * *

Утром Полипов поднялся, как обычно, рано, на улице было еще темным-темно. Окна залепило мокрым снегом: ночью была небольшая метель.

— Как же теперь мы, Петя? — разливая чай, опять спросила жена.

— Да, положение не из веселых, откровенно сказать,— накладывая в стакан с чаем варенье, проговорил Полипов.— Я хотел в другую область попытаться, но... не знаю. С такой аттестацией отправят, что долго чихать будешь. Не обойдешь, не объедешь этого Субботина. Надо сделать какой-то другой маневр.— Он отхлебнул раза два из стакана, помедлил.— На фронт я попрошусь.

В стакане у Полины Сергеевны звякнула ложечка.

— Не вижу я лучшего выхода, Полинушка,— проговорил Полипов.— Этим я все отрублю, сброшу с себя всякие... наклеенные на меня ярлыки. А после войны буду, как чистенький листок бумаги...

— Немцы под самой Москвой. Как она еще закончится, война...

Полипов чуть не выронил стакан. Он успел подхватить его второй рукой, пролив на колени горячий чай, вскочил, с грохотом отбрасывая плетеный стул, крикнул, багровея:

— Не смей! Слышишь ты, не смей! — Широкая грудь его сильно и тяжело заходила, сжатые кулаки, которыми он упирался в стол, побелели, в глазах полыхнуло что-то незнакомое для Полины Сергеевны. Она видела его всякого, знала, когда он лгал для себя и для нее, и сейчас, глядя на его трясущиеся щеки, на метавшие молнии глаза, на взмокшую прядь волос, косо перечеркнувшую широкий лоб, никак не могла понять, искренняя эта его вспышка или, как всегда, показная. Если показная, то до какой же степени притворства может дойти этот человек и есть ли все-таки там, на дне его души, хоть немного чего-нибудь человеческого?

— Петя?!

— Как ты... можешь?! Как ты могла сказать такое?! — бросал он тяжелые слова в ее красное, еще пухлое от сна лицо.— Даже подумать... даже подумать... Я действительно мерзкий человек, как сказал Субботин. Я карьерист, мелкий завистник, интриган. Я тебе сейчас скажу даже больше... Я расправился с некоторыми, ты знаешь, не только потому, что они мешали мне. Я их боялся! Они однажды спросили у меня... Мы сидели у меня в кабинете, и они спросили: «А скажи, Петр Петрович, каким образом тогда, в девятьсот восемнадцатом году, тебе удалось вырваться из белочешской контрразведки, из лап Свиридова? Каким образом ты сумел убежать, с чьей помощью?» Я не знаю, из любопытства они спрашивали или подозревали что? Но я испугался. И я решил... решил, чтобы они больше об этом у меня не спрашивали... не имели возможности спросить... Да, я подлец! Я живу какой-то ложной, неестественной жизнью. И ты это знаешь... Может быть, я таким и останусь до конца. Ты это знай... Знай! Знай! — выкрикнул он, будто пролаял, дважды дернулся на диване, словно хотел вскочить, но его что-то не пускало.— И вот я, человек... некрасивый внутренне и внешне... Думаешь, этого не знаю? Но я русский, и мне ненавистна даже мысль, что русскую землю будут топтать чужеземцы... И, кроме того, я уверен, немцам, фашистской Германии никогда не одолеть Россию. И никому не одолеть. Заруби это себе на своем остром и хищном носу...

Полина Сергеевна отошла к столу, налила себе еще чашку, но пить не стала. Она поднесла фартучек к глазам, всхлипнула.

— Перестань сейчас же! — жестко проговорил он.

— Хорошо, хорошо...— поспешно кивнула она, почувствовав наконец, что муж сегодня в самом деле какой-то не такой, как всегда, что он взял сегодня над ней верх и что сейчас с ним надо говорить откровенно и серьезно.— Хорошо, Петя... Но как же я одна останусь? Без тебя, без...

— Проживешь как-нибудь... Работать станешь. В библиотеке, скажем. Я устрою тебя, если мне удастся на фронт уехать... Я думаю, удастся, тот же Субботин поможет. Это для всех нас выход. Единственный способ избавиться друг от друга...

Полипов встал, сходил в свой кабинет за портфелем, оделся. Полина Сергеевна проводила его до порога.

— Неужели ты на самом деле решился на фронт?

— На самом... Это необходимо.

* * *

Над Шантарой стояла еще ночь. Лишь на востоке, над Звенигорой, небо было заметно разжижено, в центре этого светлеющего пятна бледнели, потухая, мелкие, как пыль, звездочки. Выйдя на крыльцо и глянув на темное небо, Полипов облегченно вздохнул, будто при утреннем свете он не мог бы найти дорогу в исполком. Но он заблудился, кажется, и в темноте, потому что, сойдя с крыльца, не свернул, как обычно, за угол своего дома к калитке, ведущей на исполкомовский двор, а по заснеженной дорожке вышел на улицу и, втянув голову в плечи, увязая в снегу, побрел вдоль нее.

Через несколько минут остановился напротив небольшого домика, в котором жил директор эвакуированного к ним в район завода Антон Савельев. Полипов не так давно сам вселил сюда его семью, помог даже внести перетянутый багажным ремнем узел с постелью и два чемодана — все имущество, которое Елизавета Никандровна с сыном привезли с собой. Самого Савельева в тот день в Шантаре не было: он по делам завода находился в Новосибирске.

— Устраивайтесь,— сказал Полипов, опуская на пол тяжелый чемодан.— Я сделал для вас все, что мог. Антон будет доволен, ему тоже надоело в палатке жить.

— Спасибо,— не глядя на Полипова, ответила Елизавета Никандровна.

— Лиза...— шагнул к Савельевой Полипов.— Признаться, я не на такую встречу рассчитывал...

— Я вообще ее не ожидала.

— Лиза! Наше детство и юность прошли рядом... Я думал, у нас есть что вспомнить.

— Извините, я очень устала за дорогу...

И все, больше она с ним не разговаривала.

Домик под двускатной железной крышей был без палисадника, низкое крыльцо выходило прямо на улицу. По обеим сторонам двери по окошку. Окна были прикрыты щелястыми ставнями, в эти щелки проливались струйки электрического света.

Полипов перешел на противоположную сторону улицы, разглядел под нависшими ветвями заснеженных деревьев скамеечку, сел и стал глядеть на закрытые окна дома Савельевых. Зачем он глядел на них, что его привело сюда? Да, он любил когда-то Лизу, любил, кажется, искренне и глубоко, но потом... Потом это чувство заглохло, как глохнет болото, которое с годами затягивает зеленой травянистой ряской. Годы, они, оказывается, свое делают.

Мучить воспоминания о Лизе начали его после женитьбы на Свиридовой. Думая иногда об отце жены, он тотчас начинал думать и о Лизе, она вставала перед глазами — истерзанная, измученная до смерти, с растрепанными волосами, вся в кровоподтеках, прикрывающая лохмотьями кофточки дряблые, тоже в кровоподтеках груди — такая, какой он видел ее там, в белочешской контрразведке, где хозяйничал отец Полины. Она, Лиза, ползала по полу, ощупывая каждую плашку, ловила руками воздух и, задыхаясь, шептала: «Юра... Юронька, сынок! Куда вы дели моего сына?!» Этот шепот ввинчивался ему в мозги, разворачивая их. Он совал голову под подушку, пытаясь избавиться от ее голоса...

Но постепенно эти воспоминания посещали его все реже, наконец, оставили совсем...

И вот появился в Шантаре сперва Антон Савельев, потом и сама Лиза. Узнав, что приезжают Савельевы, он почувствовал, как

ворохнулся в груди противный холодок. Но, ворохнувшись, тотчас растаял. Никто, абсолютно никто, кроме собственной жены да бывшего жандармского следователя, затем ярого троцкиста Лахновского, непонятно каким образом сумевшего избежать в свое время суда и расплаты, не знал о его прошлом. Но ни жены, ни тем более Лахновского он не опасался — тот сам боялся всего на свете. Во времена памятных процессов над троцкистами Лахновский, исчезнув из Москвы, затаился где-то в южном городишке. Иногда, правда, он писал — не ему, Полипову, а его жене, не проставляя ни обратного адреса, ни фамилии. По прочтении писем жена немедленно их уничтожала. «Слушай, может, он не матери твоей любовником был, а твоим? — спросил однажды Полипов.— Переписка у вас, гляжу, активная...» «Как тебе не стыдно! — вспыхнула Полина Сергеевна.— Это у них с мамой было, когда... мы еще в Томске жили. Я тогда еще ребенком была». Полипов хмыкнул и ничего больше не сказал. Про себя подумал, что в восемнадцатом году, когда он заходил к Свиридовым, Полине было уже лет тринадцать. И неизвестно, сколько после этого Лахновский жил еще в Сибири и где жил, пока не перебрался в Москву. Но, в общем-то, мать ли Полины состояла любовницей Лахновского, сама ли Полина стала ею, когда подросла, ему было безразлично. Жену он не любит и никогда не любил.

Если самого Савельева Полипов встретил в Шантаре более или менее спокойно, то приезда Лизы ждал с некоторым волнением. И действительно, едва она вышла из вагона и взглянула на него — глаза ее сразу подернулись ледяной корочкой, лицо стало деревянным. И потом, при редких случайных встречах, глаза были такие же, стеклянные, неживые...

«Все это так,— вздохнул Полипов, сидя на припорошенной снегом лавочке.— Но какого черта меня сегодня притащило сюда, зачем я тут сижу и глазею на эти окна, за которыми, наверное, ходит она?»

Под нависшими заснеженными ветвями было темно, хотя рассвет уже проливался над Шантарой. В утреннем сумраке тонул дом с закрытыми ставнями и другие дома вдоль улицы, горевшие яркими желтыми квадратами. Но все они были от Полипова, казалось, далеко-далеко...

«Да какого черта? — подумал он, угрюмо усмехаясь, втягивая и без того короткую шею в поднятый меховой воротник пальто.— И вообще что со мной, почему я за эту осень наделал черт его знает сколько глупостей? С этой хлебосдачей зачем я так? Кружилина хотел подсидеть? Жена даже заметила. Впрочем, она, стерва, все замечает... Назаров этот... Наконец, Субботин. Зачем я с ним действительно так откровенно? И с женой зачем? Она и без того знает, что я карьерист, завистник — словом, подлец. Подлец?!»

Это слово, произнесенное мысленно, все равно свистнуло, как плеть, и больно обожгло. «Когда же я, Полипов, стал подлецом? Ведь был же в юности порядочным человеком. Был! Тот же Субботин — Полипов помнит, помнит это! — сказал о нем: «Он настоящий парень, наш Петро. Побольше бы нам таких». Это было в Новониколаевской тюрьме, куда их всех вместе посадили после октябрьской стачки 1905 года. Он, Полипов, просидел тогда два года, вышел на волю зимой, на исходе 1907-го. Через несколько месяцев в Новониколаевске вновь появился бежавший с этапа Субботин. Полипов, Антон и Лиза, освободившиеся из тюрьмы почти одновременно, встретили Субботина в условленном месте, помогли незаметно добраться до города. А еще через месяц его, Полипова, по рукам и ногам оплел словами жандармский следователь Лахновский. И он стал подлецом...

...Полипов торопливо поднялся, сел. Он не помнил, как пришел в свой служебный кабинет, как лег на диван. Ржавый скрип диванных пружин больно резанул по сердцу. Перекосив рот от этой не то воображаемой, не то действительной боли, Полипов, облокотясь на толстые колени, уронил в ладони голову, чувствуя, как горят щеки. Да, сейчас Лиза для него ничто, а тогда, тогда?! Он любил ее тогда, боже, как он любил! Он надеялся, что Лиза, устав ждать Антона... Глупо, глупо! Но это сейчас ему ясно, что он сделал непоправимую глупость, а тогда... Он не предполагал почему-то, не мог взять во внимание, что Лиза будет такой верной своему чувству к Антону, не предполагал, что Антон окажется великим мастером побегов из тюрем, превзойдя в этом даже Субботина. Едва Антон оказывался на свободе, Полипов выдавал его местонахождение. Через несколько месяцев Антон совершал новый побег, Полипов снова его выдавал... Так продолжалось вплоть до Февральской революции. В мае 1918 года Полипов выдал его в последний раз, сообщив Свиридову, что Антон Савельев в день выступления чехословаков будет в Новониколаевске проездом из Москвы в Томск... Лиза, получив телеграмму от мужа, засобиралась к отъезду. Полипов видел, что Лиза давно уже не жалует его прежней теплотой и искренностью, при встречах с ним замыкалась, становилась холодной, в глазах появлялась ледяная пленочка. И Полипов иногда подумывал с опаской: «Неужели она догадывается обо мне, о той роли, которую я играю в судьбе Антона?» И тут же отметал свои опасения: ни одна душа, кроме Лахновского, не знает об этом. Лишь ему, и то специальным шифром, на условленный адрес, пересылал Полипов сведения об Антоне, о новониколаевской подпольной организации. Только перед самым мятежом чехословаков о его, Полипова, деятельности стало известно еще одному человеку — Свиридову. Теперь Полипов не исключал, что неясные предположения Лизы, если они у нее были, могут каким-то непредвиденным способом подтвердиться. Однако, несмотря на это, он за несколько часов до прибытия поезда, в котором ехал Антон, пошел домой к Лизе и, почти забыв о всяких предосторожностях, заговорил:

— Лиза! Не езди в Томск! Не езди...

— Что ты говоришь?! — Глаза ее вспыхнули испуганно, в них было недоумение.— Он же мой муж!

— Все равно, все равно...— Полипов терял всякий контроль над собой.— Здесь я, а там тебя некому будет защитить...

— Петр, опомнись! — Лиза уронила в раскрытый чемодан какую-то тряпку.— Разве в Томске не Советская власть?

— Я к тому, что... Здесь я член ревтрибунала, а там... чужой город...— пролепетал он, чувствуя, что сам выдает себя.

— Странные ты слова говоришь. И всегда как-то вел себя... Каждый раз, когда Антона сажали в тюрьму, ты уверял меня, что он не вернется больше,— задумчиво говорила она.— Уверял с таким видом, будто его судьба была тебе виднее, чем другим...

— Он убегал...

— Да, тюремные решетки задержать его не могли. Но каждый раз его местонахождение быстро становилось известным полиции и жандармам, будто кто...

— А это я выдавал его,— с нервным смешком произнес Полипов, ужасаясь своих слов.

— Да, я невольно об этом думала не раз!

— Спасибо...

— А потом казнила себя за такие мысли... И вот опять! Твои странные слова...

— Я для тебя всегда был странным. И все же умоляю: не езди в Томск! Не езди!..

— Да в чем дело? Объясни же!

— Н-не могу! — прошептал он, в самом деле едва удерживаясь, чтобы не объяснить всего.— Не знаю... Время тревожное... Предчувствие у меня такое... Потому что люблю тебя! Не хочу терять.

Проговорив это, он поднял голову и замолк. Лиза глядела на него неживыми глазами, и лицо ее было как деревянное. Полипов резко оторвал свое тело с дивана, пружины опять скрипнули. «Да, да, и здесь, в Шантаре, в день приезд выйдя из вагона, она поглядела на меня точно такими же неживыми глазами, и лицо у нее было как деревянное...»

Полипов, постояв, снова сел и ответил самому себе: «Ну и черт с ней... Тогда она ничего не знала, а теперь и подавно... Была бы уверена в чем-то, уж наверняка давно бы с мужем поделилась. А этого незаметно, слава богу... А что она думает обо мне про себя, это мне безразлично... К тому же скоро я уеду на фронт... Обязательно уеду. И вновь пути наши разойдутся. И уж теперь-то, надо полагать, навсегда...»

Михаил **АЛЕКСАНДРОВ**

Счаст

Отчего это слово — счастливец приходит на ум, когда думаешь об Иване Семеновиче Козловском?

Мы только что побывали у него дома. Был солнечный мартовский день, и за окном, над еще снежными крышами, молодо, жарко горели золотом купола кремлевских храмов. Шумела, куда-то торопилась деловая, будничная Москва. И здесь, в квартире на восьмом этаже большого дома на улице Неждановой, не было тишины и отрешенности от времени, как это порой бывает в домах людей, много сделавших в жизни и ушедших на отдых. Не было на стенах желтоватых театральных афиш и давно завядших венков — милых сердцу свидетелей отгремевшего блистательного успеха. Не было в словах хозяина, стройного и статного человека, с седой головой, ни сожалений о прошлом, ни умиления воспоминаниями.

— Дел стало еще больше, много больше... Вчера до поздней ночи записывали на радио колядки... Чудесные музыкальные миниатюры! Мне удалось припомнить мелодии, я записал их... Любопытно, что народные колядки появились на свете еще до христианства... Репетируем с большим хором Всесоюзного радио и органом... Кстати, неожиданно весьма пригодились вот эти цейлонские колокольчики, которые я получил в подарок во время поездки на этот остров весной, два года назад...

Нет, какие уж тут отрешенность и тишина! Если действительно есть в квартире театральные афиши, то совсем недавние. Вот такие, как эта: творческий вечер Ивана Семеновича Козловского в родном ему Государственном академическом Большом театре с программой сложной и трудной—сцена из «Бориса Годунова» и третье действие вагнеровского «Лоэнгрина». Только выдающимся вокалистам, тенорам в расцвете, под силу спеть на сцене Большого театра партию Юродивого, полную драматизма, и лоэнгриновскую знаменитую арию широчайшего диапазона.

— Вам не случалось слышать романс «Элегия» на слова Глеба Максимилиановича Кржижановского? — говорит Иван Семенович.— В январе этого года я пел «Элегию» на концерте в Большом зале консерватории. С оркестром и хором. История создания этого произведения такова. В свое время

ЛИВЕЦ

Владимир Ленский. «Евгений Онегин» П. И. Чайковского.

Юродивый. «Борис Годунов» М. П. Мусоргского.

Индийский гость. «Садко» Н. А. Римского-Корсакова.

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Глеб Максимилианович оказал мне честь — подарил свою фотографию и стихотворный текст «Элегии». Друг Владимира Ильича Ленина, революционер и замечательный ученый был, как известно, поэтом и музыкантом. Его «Варшавянка» долгие годы звучала мужественным гимном революционной борьбы. Надо ли говорить, с каким чувством благодарности я принял подарок из рук Глеба Максимилиановича? Естественно, захотелось донести «Элегию» до слушателей. По тем или иным причинам никак не удавалось создать музыку. Однажды ко мне в гости пришла Катя Кожевникова, девочка, ученица Центральной музыкальной школы при консерватории. Меня ведь часто навещает молодежь. Говорили о музыке, в которой Катя делает первые шаги. Катя увидела стихи «Элегии», попросила разрешить ей попробовать написать к ним музыку. И потом пришла снова, принесла ноты. Была удивительная мелодическая свежесть и подкупающая искренность в этом не совсем еще, конечно, зрелом опыте композиции. Кате помогли. Профессиональные музыканты поправили мелодию, оркестровали. Мне показалось, что будет уместным, если прозвучит в этой небольшой вокально-симфонической поэме с ее элегической грустью о краткости человеческого бытия и светлой верой в грядущее бессмертная песнь борьбы — «Варшавянка». Так общими силами зазвучала «Элегия». Мудрость пережитого и голос юности в ней как бы слились воедино, утверждая и прославляя жизнь.

...На рояле раскрыты ноты. Много нотных рукописей и только что изданных романсовых и песенных новинок лежит на столике у рояля.

— Каждый год я стараюсь подготовить новую концертную программу,— говорит Иван Семенович.— Поэтому все время что-то ищешь! Недавно, между прочим, Мстислав Ростропович чрезвычайно удивил и порадовал английского композитора Бриттена, подарив ему в Лондоне записанную нами в Москве его «Серенаду» на слова поэтов разных эпох. Представьте, там такой записи еще не сделано... Да, совершенно не хватает времени, совершенно... Всегда какие-то непременные хлопоты, заботы, волнения... Записать, например, колядки, о которых я вам рассказывал, думаете, просто? Пришлось вызывать из Киева хористов, знакомых с народной украинской музыкой... Некоторые из них прямо тут у меня и ночевали: зарабатывались, знаете ли, за полночь...

Иван Семенович, подыгрывая на рояле, негромко напевает одну из колядок. Право же, не каждому выпадает послушать, как поет дома, для себя, Козловский, словно размышляя, как лучше, как выразительнее передать самое существо мелодии, глубокой и могучей, рожденной давным-давно под высоким звездным небом Полтавщины или в запорожском песенном краю.

Голос светлый и чистый. Все тот же слышится сейчас, в квартире, светлый и чистый голос певца, который мы, люди постарше, слышим в концертных залах, в опере, по радио вот уж без малого полвека, не уставая любить его и удивляться ему. И, слушая, сам становишься вдруг мальчишкой, настраивающим самодельный детекторный приемник на ту волну, по которой передается из Большого театра «Садко» или «Онегин», «Риголетто» или «Ромео и Джульетта»... Он, молодой певец, тогда только еще приехал в Москву. А начинал в Полтаве, где в небольшом местном оперном театре успел перепеть едва ли не все знаменитые теноровые партии. Не знали московские искушенные меломаны, настороженно прислушиваясь и присматриваясь к новому премьеру столичной оперной сцены, что еще не так давно этот молодой солист ходил в солдатской шинели. Не знали, что прямо с фронта гражданской войны пришел он учиться в Киевское музыкально-драматическое училище имени Лысенко и что певцом стал, в сущности, случайно, потому лишь, что с ним занималась постановкой голоса редкой чуткости педагог Елена Александровна Муравьева, сумевшая угадать незаурядные вокальные данные юноши и абсолютный музыкальный слух.

В те годы еще пел Леонид Витальевич Собинов. Каково было молодому полтавскому певцу выходить на сцену Большого театра, петь те партии, которые пел великий актер? Но что-то символическое было в том, что именно сам Леонид Витальевич, почувствовав себя не в голосе на своем юбилейном спектакле, предложил Ивану Козловскому допеть за него Ромео. Московская взыскательная публика признала его достойным быть преемником славных традиций русского оперного искусства, мастерства Собинова и Шаляпина, Неждановой и Обуховой.

...Напевает Иван Семенович, подыгрывает на старом рояле.

Всегда он что-то искал, что еще не было найдено другими. Казалось бы, о чем беспокоиться певцу в зените славы, да еще блестящему лирическому тенору? Толпой ходят следом поклонники и поклонницы, билеты на спектакли с его участием берутся с бою... Но вдруг перед войной заговорила театральная и музыкальная Москва о появлении интересного оперного ансамбля. Премьера оперы «Катерина» на сюжет поэмы Тараса Шевченко привлекла внимание смелостью сценического решения, лаконичностью выразительных постановочных находок. Вслед за тем ансамбль поставил «Вертера» Массне и глюковского «Орфея». Спектакли шли в концертном исполнении, без обычных декораций, без театральных костюмов и грима. Лишь небольшие, точные штрихи помогали представить время, место действия, стиль эпохи. Ждали уже с нетерпением еще одной премьеры — «Царя Эдипа» Стравинского по трагедии Софокла. Работу над этим спектаклем оборвала война. Создателем и художественным руководителем экспериментального ансамбля был Иван Семенович Козловский. Забот и хлопот у этого человека опять было великое множество. Ведь пел он к тому же по-прежнему весь теноровый репертуар в Большом и успевал еще готовить циклы романсов и песен Чайковского, Шуберта, Шумана для своих, всегда аншлаговых, камерных вечеров.

В военное время Иван Семенович не покидал столицы, работал искусством своим для фронта, столь же самоотверженно и страстно, как труженики оборонных заводов. Вспоминается одна встреча с народным артистом страны в 1943 году. Иван Семенович жил тогда в гостинице. Был очень поздний и очень студеный вечер. Иван Семенович только что вернулся из рабочего клуба, в котором выступал с концертом, а перед этим еще побывал в военном госпитале, где пел для раненых. Был он худ, грел руки над стаканом чая, страшно устал. Но говорил вот с таким же, как сейчас, увлечением, что к юбилею Советской Армии готовит большой сольный концерт, будет петь в сопровождении квартета песни, рожденные войной. Помню, мне тогда показалось, что была бы очень кстати солдатская шинель, накинутая поверх концертного фрака. Во всяком случае, артист имел на это гражданское право.

Счастливец... Конечно, это так. Причем тут семьдесят лет, когда он их не считает и вовсе не собирается замечать? Это не фраза. Нам очень хотелось посидеть еще у Ивана Семеновича, но по тому, как он украдкой деликатно посматривал на часы, было ясно: пора и честь знать, нечего мешать занятому человеку.

Его ждала репетиция. Старый друг — концертмейстер Петр Павлович Никитин, боевой офицер в военные годы, тяжко израненный, но не пожелавший мириться с этим,— перебирал ноты, покашливал: запаздываем, мол, выбились из графика.

В соседней комнате настойчиво, раз и другой звонил телефон. Нам слышно было, как там отвечают кому-то, что Иван Семенович, разумеется, вовремя будет в радиостудии и что не преминет побывать в Доме композиторов, раз обещал послушать песенные новинки.

— Кстати, я вовсе не отказываюсь от идеи возобновить экспериментальный оперный... Думаю, в ближайшее время...

* * *

И надо же было случиться такому совпадению. Когда мы, возвращаясь от Ивана Семеновича, шли по улице, обходя осторожно весенние озерки, из открытой форточки на первом этаже дома донеслось пение. Видно, кто-то громко включил радио или проигрыватель с пластинкой.

— Козловский поет...— сказал прохожий паренек спутнице с такой интонацией, словно встретил хорошего знакомого.

Не знаю, есть ли счастливее доля, чем быть другом, близким каждому, с кем живешь на родной земле.

ПОЙМАННАЯ ЗВЕЗДА

ЛЕД И ПЛАМЕНЬ. * ИЗГНАНИЕ ПУСТОТЫ. * ХОЛОДНОЕ КИПЕНИЕ. * К ЧЕРНОМУ СОЛНЦУ. * «УРАГАН» — НА ОРБИТЕ НАУКИ.

Елена КНОРРЕ

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Каждый, кто хотел бы поймать рукой звезду, ощутить мертвящий холод космоса или увидеть, как ведут себя частицы, если их разогнать до околосветовой скорости, может сделать это, не покидая пределы темно-серого каменного здания, расположенного в центре Харькова. Здесь находится один из старейших научных центров нашей страны — Физико-технический институт Академии наук Украины. На протяжении четырех десятилетий в его отделах и лабораториях создают и изучают те самые «критические точки», которые открывают окно в волшебную кухню природы. Немало работ украинских физиков давно перекочевало в качестве эталонов в лучшие лаборатории мира. Научная школа Харькова дала такие имена, как Ландау, Синельников, Вальтер, Померанчук, Обреимов, Лифшиц... У этой школы давние традиции, восходящие к первым годам Советской власти.

Широко известна роль Владимира Ильича Ленина в становлении советской науки, в особенности физики. В 1918 году по прямому указанию В. И. Ленина был создан первый в Республике Советов научный физический центр — Физико-технический институт в Ленинграде. Его основатель, ученый с мировым именем академик А. Ф. Иоффе в соответствии с ленинскими указаниями предложил в середине двадцатых годов, когда страна приступила к реконструкции промышленности и индустриализации хозяйства, создать еще один центр физической науки.

«Мне представляется,— писал он,— институт должен быть связан с промышленностью, он должен быть там, где имеются промышленность и тресты. В этом отношении целесообразно было бы устроить центр, конечно, в Харькове».

30 октября 1928 года Совет Народных Комиссаров Украины утверждает «Положение об Украинском научно-исследовательском физико-техническом институте при ВСНХ УССР».

Трижды приезжает в Харьков академик Иоффе. Шестнадцать его лучших, наиболее способных учеников покидают Ленинград и становятся основателями харьковского центра. Первый директор института—профессор И. Обреимов, известный ученый, специалист в области кристаллов, проявил себя блестящим организатором, умелым руководителем.

В те далекие годы было трудно со средствами и оборудованием. Не хватало всего, начиная от квалифицированных специалистов, кончая резиновыми трубками и вентилями. Создали отличные мастерские, которые до сих пор — гордость института. До сих пор рассказывают легенды о знаменитом стеклодуве Егоре Васильевиче Петушкове. Этот мастер разогревал половину длинной, запаянной с одного конца трубы и втягивал ее во внутрь второй, неразогретой половины. Так получали идеальные цилиндрические сосуды для хранения жидких газов. За день Петушков изготавливал по пяти комплектов сложных трехступенчатых диффузионных насосов.

Институт быстро набирал силы и приобретал известность.

— Была в то время у нас отдельная комната — своего рода гостиная, с превеликим трудом отвоеванная у дирекции,— рассказывает питомец института, теперь известный ученый в области физики высоких давлений, Герой Социалистического Труда академик Л. Верещагин.— Называлась она «Харчевня горный кит». Все ее стены были исписаны формулами, вычислениями и подписями тех, кого мы приглашали к себе в гости. Часто бывали в Харькове знаменитый физик-теоретик Виктор Вайскопф и его жена Рут Фишер. Приезжали Нильс Бор, Поль Дирак, Поль Эренфест и другие столпы современной физики.

В УФТИ, как его тогда называли, был построен первый в Советском Союзе ускоритель заряженных частиц. 11 октября 1932 года на установке постоянного напряжения в 350 000 вольт с разрядной трубкой было впервые в СССР искусственно расщеплено ядро лития. Атом был разбит! Так началась продолжающаяся до сегодняшнего дня атака на атом, которую возглавили известные всему миру ученые К. Синельников и А. Вальтер. А теперь их дело продолжают А. П. Ключарев, И. А. Гришаев. В институте работает новый линейный электронный ускоритель на два миллиарда электроновольт — крупнейший в Европе.

Но первой лабораторией института и предметом особых забот академика Иоффе стала лаборатория низких температур или, как ее называли, криогенная (криос — по-гречески холод).

«Для того, чтобы придать Украинскому институту всесоюзное значение,— писал Иоффе из Ленинграда,— мы отказались от организации у нас лаборатории низких температур и решили организовать ее в Харькове... Это—дорогое заведение, которое, предполагается, будет единственным в Союзе...»

* * *

Что такое «низкие температуры»? Слово «холод» совершенно не выражает того, что скрывается под этим понятием. Минус двести семьдесят три и шестнадцать сотых по Цельсию — абсолютный нуль — это мир, о котором почти ничего не известно. А то, что удалось узнать, настолько поражает воображение, открывает такие перспективы, что дух захватывает.

Самая низкая существующая на Земле температура — минус восемьдесят три по Цельсию. Такой холод полностью преображает мир знакомых вещей. Быстрая ртуть становится прочнее стали, резина разбивается, как хрупкое стекло, а бензин не подожжешь и пылающим факелом.

Но от минус 80 до минус 270 дистанция огромного размера. И свойства вещества в этом интервале преображаются, как по волшебству.

Но чтобы изучить и затем использовать эти свойства, надо прежде всего уметь получать холод у себя на Земле, пока нет космических лабораторий, получать просто и дешево или хотя бы не очень дорого.

Основной способ добычи холода — сжижение газов, превращение их в жидкость. Собственно, криогенная наука и стала быстро развиваться с того момента, когда шестьдесят лет назад известному голландскому ученому Камерлинг-Оннесу удалось, сжимая под давлением, превратить в жидкость благородный газ гелий. Эта бесцветная, прозрачная жидкость имеет температуру 267,9° ниже точки плавления льда.

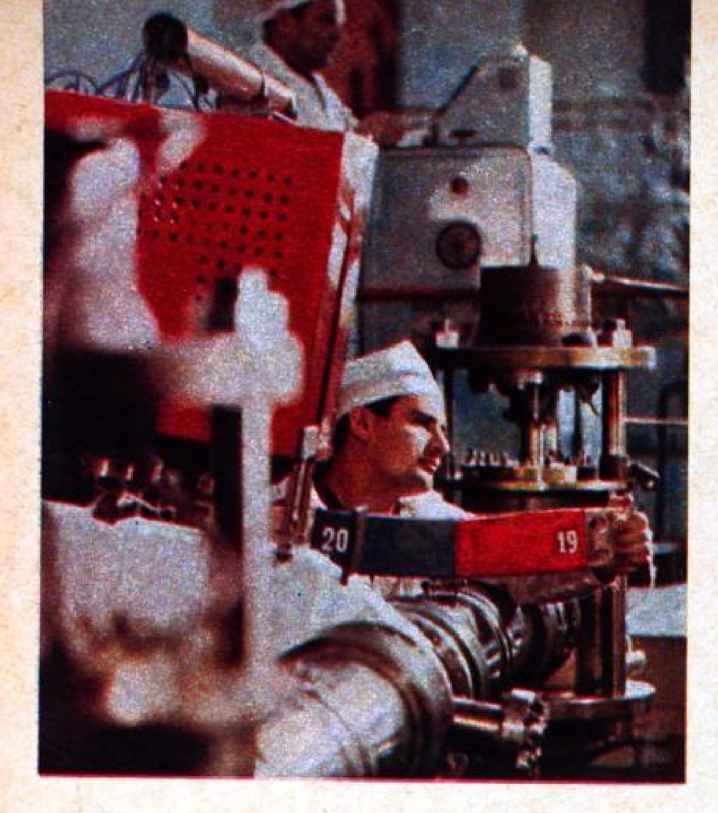
Но этот процесс чрезвычайно дорогой и сложный. На протяжении почти полувека жидкие газы считались весьма экзотическими жидкостями. Их использовали лишь крупнейшие ученые в самых богато оснащенных лабораториях мира и при этом дорожили каждым граммом, как сокровищем. Все изменилось, когда удалось найти новый способ быстрого сжижения газов. Благодаря трудам академика П. Л. Капицы, разработавшего детандерный метод сжижения кислорода и других газов, в конце тридцатых — начале сороковых годов жидкие газы и даже гелий в Советском Союзе использовали студенты для университетских практикумов. А жидкий водород (температура минус 239,9 градуса Цельсия) был впервые в СССР получен в 1931 году в криогенной лаборатории в Харькове. Немного позже здесь создаются промышленные установки для жидкого водорода и гелия. Начался бурный расцвет физики низких температур.

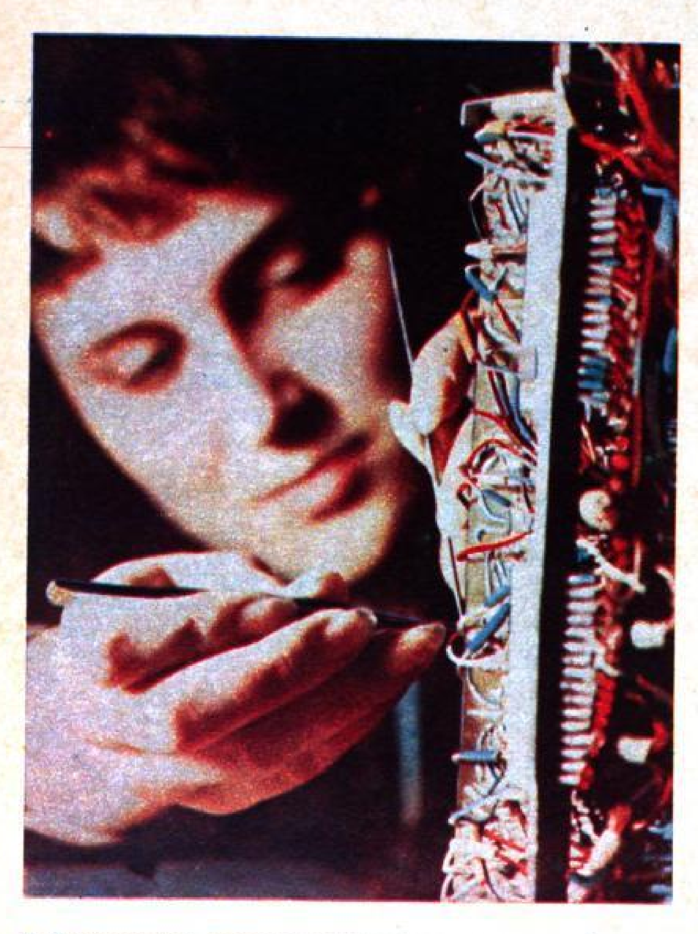
То далекое время кажется теперь почти легендой. Сейчас в помещении, где стоят ожижительные машины, лежит на столе обычная школьная тетрадка. Сотрудники лабораторий вписывают в нее заказы на завтра на десятки литров гелия.

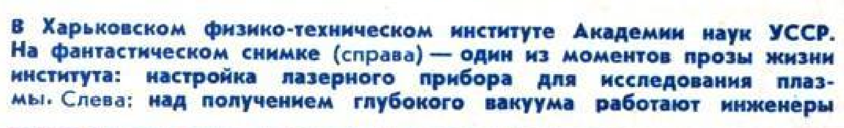
Будничное, обычное дело. Сколько надо, столько и будет. Никому не кажется это чудом — возможность создавать космический холод прямо на столе.

В 1939 году Б. Г. Лазарев, ныне академик АН Украины и руководитель отдела низких температур института, вместе с Л. С. Кан решили еще одну сложную задачу — создание высоких давлений при глубоком холоде.

Как правило, давление при нормальных и повышенных температурах создают сжатием. Но как создать сильное и, главное, равномерное давление, если обычный воздух около абсолютного нуля становится твердым телом? Лазарев и Кан решили использовать для этого воду. Вернее, ее необыкновенное свойство расширяться при замерзании. Так был создан прибор, получивший в науке название «Ледовая бомба».

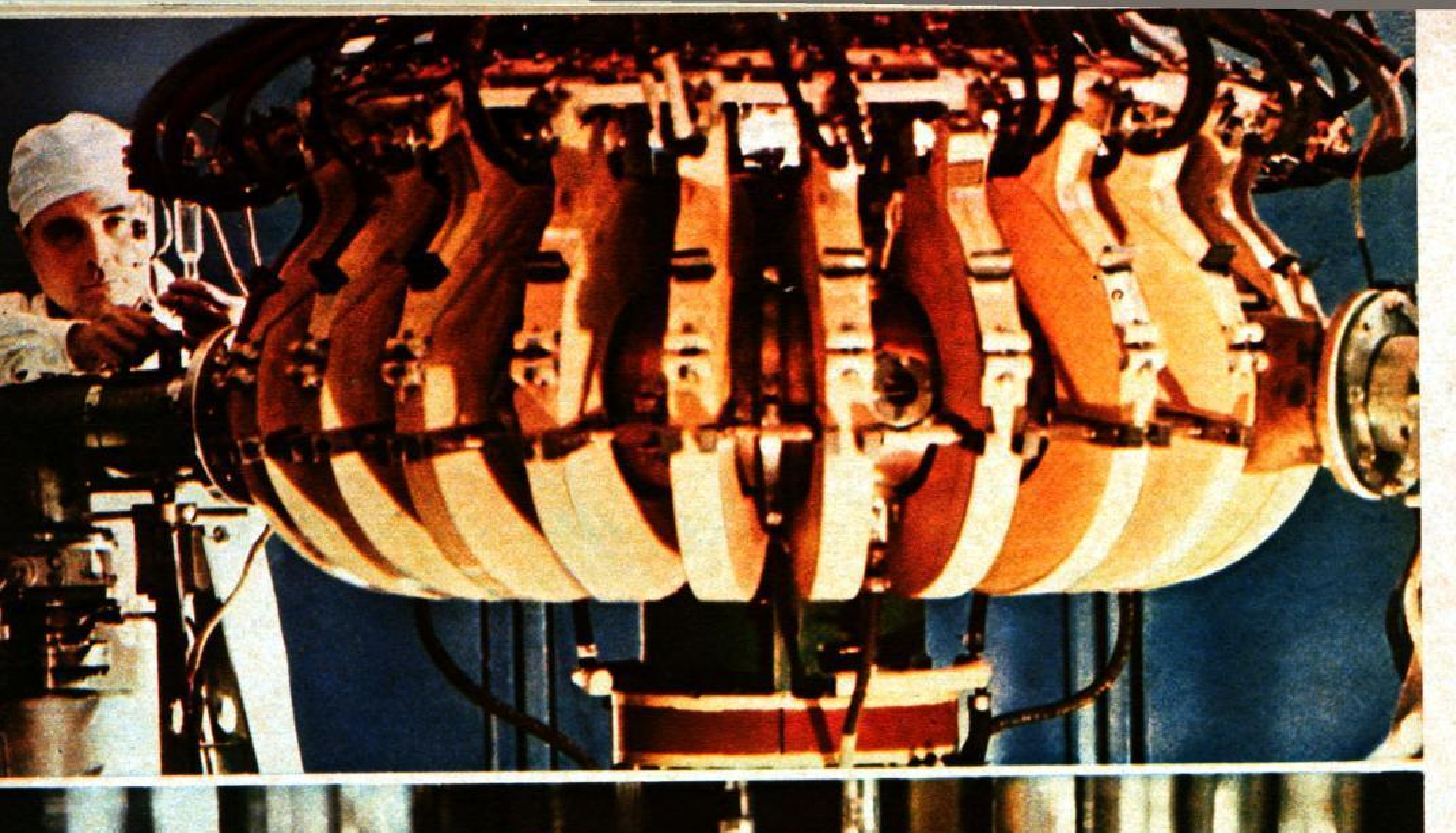

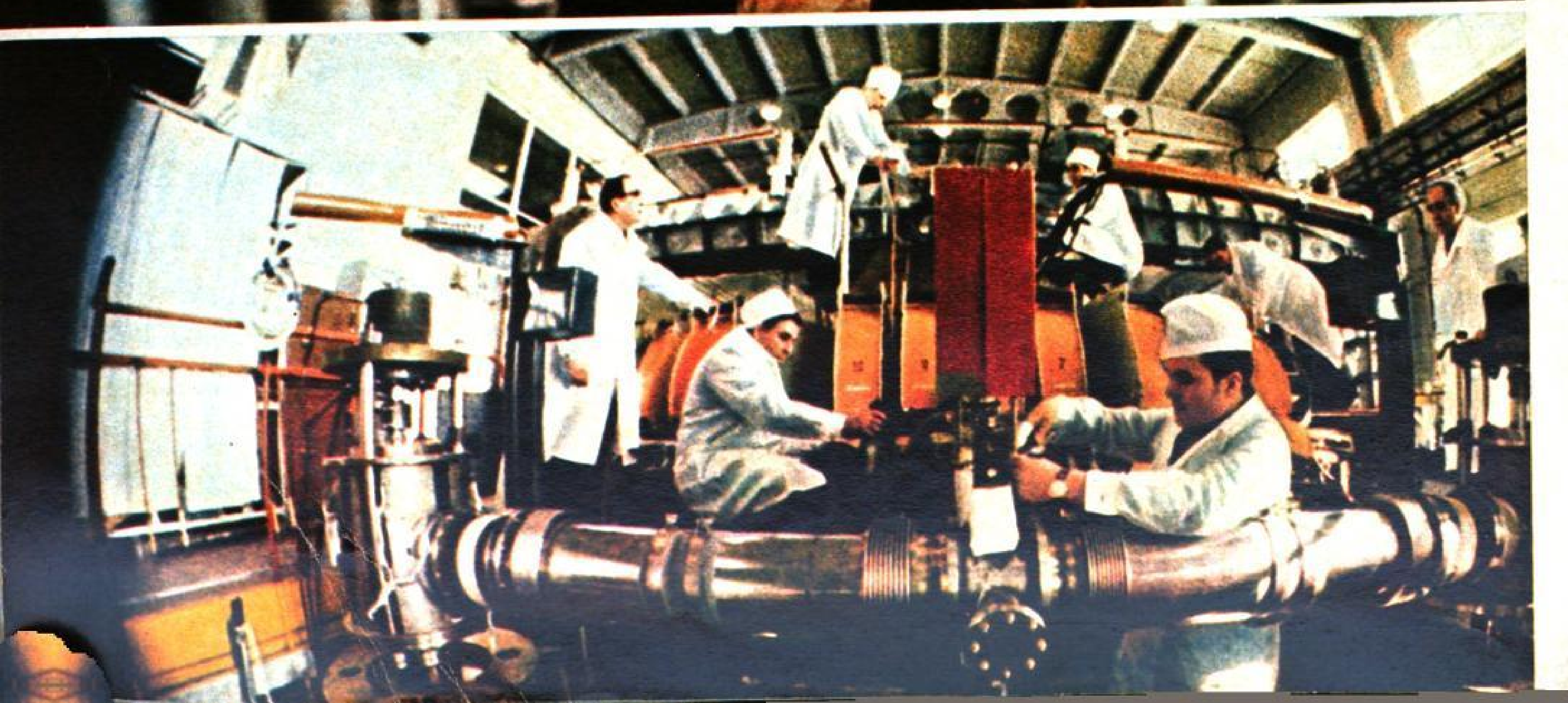
В Харьковском физико-техническом институте Академии наук УССР. На фантастическом снимке (справа) **— один из моментов прозы жизни института: настройка лазерного прибора для исследования плазмы.** Слева: **над получением глубокого вакуума работают инженеры В. А. Стеценко и П. И. Конотоп. Монтажница Татьяна Беляева собирает криотронную схему.** Внизу слева: **общий вид главного зала линейного ускорителя электронов;** справа: **машинный зал института.**

В центре — **академик АН УССР Б. Г. Лазарев — ведущий ученый в области физики низких температур.** Вверху и внизу: **установки для исследования плазмы. Они помогают ученым глубже заглядывать в тайны термоядерных процессов.**

Так к середине двадцатого века ученые овладели двумя мощными критическими точками — низкими температурами и высоким давлением. Этими могущественными средствами обогатился арсенал методов для изучения необыкновенного свойства, получившего название «сверхпроводимость». Оно было обнаружено в 1911 году также Каммерлинг-Оннесом.

С проводниками электрического тока, прежде всего с металлами, мы имеем дело постоянно. Даже воздух при высоком напряжении может стать проводником. Но любой самый идеальный проводник оказывает току сопротивление. При этом выделяется тепло. Потери на тепло в энергосистемах составляют до десяти процентов. Образно выражаясь, это значит, что каждая десятая электростанция работает вроде бы впустую.

И вот Каммерлинг-Оннес заметил, что проводники, погруженные в жидкий гелий, полностью теряют сопротивление, становятся сверхпроводниками. Раз включенный ток будет циркулировать в замкнутом кольце практически вечно. Надо ли говорить, какие перспективы открываются перед техникой, перед экономикой, если учесть, что кладовая сверхпроводников быстро пополнялась различными сплавами. Перенос энергии без потерь — об этом может только мечтать человечество! Интерес к проблеме сверхпроводимости был колоссальным. Однако явление оказалось весьма капризным. Оно наступало скачком и скачком исчезало. Малейшие изменения температуры и магнитного поля уничтожали сверхпроводимость. И вот теоретики, в частности член-корреспондент АН СССР И. Лифшиц и его группа, разработали теорию расположения и перемещения электронов в металле. Без этого нельзя было понять и странное поведение сверхпроводимости.

Пока сверхпроводящие линии электропередач от Братска к Северному полюсу или на Мангышлак — мечта. Но мечта осуществимая.

Однако уже есть области, где сверхпроводимость успешно применяется сегодня. Сверхпроводящие пленки и крохотные реле — криотроны успешно работают в электронно-вычислительных машинах. В Харькове была создана модель цифровой вычислительной машины на 504 проволочных криотронах. Она умещается на трех маленьких, величиной с игральные карты, пластинках. А надежность, долговечность и потребление минимальных доз энергии позволяют использовать такие машины в любых условиях: на дне океана, на космической станции за пределами атмосферы, при грозах Венеры и холоде Юпитера.

* * *

Если отдел низких температур — старейший в институте, то отдел термоядерных исследований — самый молодой. Молод и его руководитель профессор В. Т. Толок — ученик академика АН УССР К. Д. Синельникова, основателя отдела.

В лабораториях «термоядерного» отдела изучают вещество при самых высоких, звездных температурах, когда оно набор ионов и электронов — плазма. Плазма — звездная материя. Если научиться ее нагревать и удерживать в нагретом состоянии, человек создаст земное солнце — источник огромной энергии, питать который будет обычная вода.

Но для создания термоядерного реактора требуется прежде всего обуздать и покорить плазму. Для решения проблемы ученые должны одолеть своего дракона, три головы его: температуру, плотность и время. Чтобы атомные ядра начали сливаться и выделять энергию, надо заставить их быстро хаотически двигаться — это и есть повышение температуры,— надо, чтобы их было много,— это плотность и, наконец, надо, чтобы возможность столкновений существовала как можно дольше,— это время удержания. Пока трехголового дракона не убил никто, хотя две головы отсекать удавалось.

Пути для победы выбирают разные. В Харькове исследуют нагрев плазмы, используя энергию возбужденных в ней разнообразных волн.

Но плазму надо уметь удержать. Для этого ее запирают в ловушку. Серию таких установок в Харькове начали строить по инициативе академика И. В. Курчатова.

Сейчас тут сооружена совершенная установка «Ураган». Это самый большой в Европе стелларатор, звездный генератор. «Ураган» похож скорее на промышленный агрегат, чем на лабораторную установку.

Он чрезвычайно удобен для экспериментов. Например, магнитная система создается и настраивается независимо от нагрева плазмы. А нагрев в нем может осуществляться различными способами.

Харьковские ученые надеются, что плазма в «Урагане» будет жить значительно дольше, чем в обычных стеллараторах.

Ученых всегда привлекали исследования в необычных, контрастных условиях. Они стремились изучать явление в его крайних, за пределами возможного границах. Потому что именно на стыках, в критических точках ярче и характернее проявляются свойства материи. Потому что именно в условиях сверхвысоких и сверхнизких температур, титанических давлений или разреженного вакуума были сделаны выдающиеся открытия наших дней, столь необходимые для освоения космоса и нашей планеты — Земли.

Итак, что же удалось получить у крайних точек, кроме бесценных знаний о законах природы?

Сверхнизкие температуры дают нам сверхпроводимость; магнитные поля невиданной силы; миниатюрные, почти не потребляющие энергии вычислительные машины и другие нужные устройства.

Вакуум, разреженное почти до абсолютной пустоты пространство, открыл новые отрасли техники, позволит изготовить невиданные ранее материалы. Сейчас это — самостоятельное направление физического материаловедения. Руководит им директор института член-корреспондент АН СССР В. Б. Иванов.

Самые высокие температуры позволят зажечь на Земле новое солнце, создать термоядерный реактор, поймать звезду.

ВОСПИТАНИЕ ДОБРЫХ ЧУВСТВ

Что такое в своей сущности «Дядя Степа» — известная трилогия Сергея Михалкова, в чем ее смысл, ее назначение? Будь хорошим, добрым, сильным, честным человеком — этому учит поэма Михалкова, представленная на соискание Ленинской премии. Несмотря на свою очевидную дидактичность, она лишена всех скучных сторон дидактики. Написанная с обаятельной легкостью, чистым, веселым, озорным, доступным каждому ребенку языком, она врывается в душу читателя, как весенний ветер, раскрывающий одним порывом форточки и окна. Прочтешь поэму раз-другой — и уж все запомнилось, и уже повторяется строфа за строфой, выстраиваясь в стройный ряд. Мальчишкам кажется, что они видят живого дядю Степу, что это они беседуют с ним, что он, живой, сильный, храбрый, благородный, рядом с ними — вот только что завернул за угол,— готов их спасать, защищать, оборонять. Взрослый человек, читая «Дядю Степу», вдруг почувствует себя мальчишкой, и станет ему весело и смешно, как будто в самом деле у него возник ранец за спиной, а в нем «с двойками дневник», а еще лучше — без двоек.

Легкость, с которой написан «Дядя Степа», разумеется, кажущаяся. Мне не раз приходилось видеть, сколько трудов приходилось затрачивать автору, чтоб добиться такой пронзительной звонкости словосочетаний, изящной, простой и точной рифмы. Он прикладывал слова одно к одному, как строитель свои камни, и часто что-то не ладилось, не получалось и приходилось все начинать сначала. Он ловил первого, кто попадался ему на глаза, читал написанное вслух и требовал немедленно предъявить к написанному свое отношение; иногда он отвергал, иногда спорил, иногда соглашался и быстро, на ходу, переделывал строку, заменял образ другим, более точным. Он поэт-труженик и вместе с тем искусный мастер, а труд и талант всегда счастливое, плодотворное соединение.

Имя Сергея Михалкова чрезвычайно популярно. Им написаны сотни стихов, басен, десятки пьес, книги его изданы и переизданы миллионными тиражами, переведены едва ли не на все основные языки мира. Чуть научившись читать, дети набрасываются на его стихи, как на самую лакомую пищу.

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.
Дело было вечером,
Делать было нечего...

Пожалуй, не найдешь таких мальчишек или девчонок, которые бы не знали этих строк из стихотворения «А что у вас?».

Или:

Мы с приятелем вдвоем
Замечательно живем!
Мы такие с ним друзья —
Куда он,
Туда и я!

Его басни, идущие от фольклора, опирающиеся на великолепные традиции русского баснетворчества, пошли в народ, разобранные на пословицы, поговорки, бичуя злое и возвышая доброе. «Лиса и бобер», «Заяц во хмелю», «Дальновидная сорока», «Полкан и Шавка», многие, многие другие навсегда останутся в антологии русской литературы. Его пьесы для детей вызывают такой восторг у простодушных юных зрителей, что ребят приходится оттаскивать от рампы, куда они стремятся для участия в судьбах героев.

Среди написанного Сергеем Михалковым «Дядя Степа» отличается не только своими особыми воспитательными достоинствами, их педагогической направленностью, но и тем, что «Дядя Степа» как бы действительно живет и среди нас и в творческих замыслах писателя. Расстаться с ним Сергей Михалков не может, он душевно привязался к нему, и вот уже у дяди Степы появился сын Егор и дилогия превратилась в трилогию.

В светлой, солнечной палате,
Возле мамы, на кровати,
На виду у прочих мам,
Спит ребенок небывалый,
Не малыш, а целый малый —
Полных восемь килограмм!

И вот уже подрос Егор, стал сильным, как папа, добрым малым, атлетом, спортсменом.

Среди тысяч малышей
Нет подобных крепышей.

И уже добивается спортивных успехов:

В этот раз рекорд Европы
Бьет сынишка дяди Степы:
Поднимает,
Выжимает...
Триста тридцать килограмм!

И уже репортеры спрашивают его:

— Ваше главное желанье?

Егор отвечает:

— Получить образованье...

Желание, вполне осуществимое в той стране, где живут дядя Степа и Егор.

Среди летчиков военных —
Испытателей отменных
Под Москвой живет Егор.
Он по званию майор.
Сильный, смелый и серьезный,
Он достиг своей мечты
В изученьи дали звездной,
В покореньи высоты...

Читатели «Дяди Степы» — и взрослые, и полувзрослые, и малыши — радуются, что познакомились с Егором, славным сыном Степана Степанова, и, уж наверное, ожидают, что автор расскажет о новых подвигах майора «среди летчиков военных — испытателей отменных».

Сергея Михалкова, когда он появляется в школе, в пионерском отряде, среди своих читателей и почитателей, дети приветствуют радостными криками:

— Дядя Степа приехал!

Им кажется, что автор обязательно должен походить на своих героев. Он и в самом деле походит если не на дядю Степу, то на своих мальчишек, о которых умеет рассказывать так весело и задорно.

Автору уже под шестьдесят, а кажется, что в нем сидит где-то неугомонный подросток, который вот-вот выскочит из солидного пиджака и предстанет перед всеми с вихрами на голове и чернилами на пальцах. Родство натур писателя и читателей! Как это важно для того, чтобы талант ярко блистал своими особыми, неповторимыми гранями!

Ник. КРУЖКОВ

Иван ЩЕДРОВ

Дорога ведет в Долину Кувшинов.
Фото автора.

ЛАОС: ФРОНТОВЫЕ ДНИ

РЕПОРТАЖ ИЗ ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ

...С сентября 1969 года к сиенгкуангскому фронту прикована треть 60-тысячной вьентьянской армии, ударные силы генерала Ванг Пао — прямого ставленника ЦРУ, 5 тысяч таиландских «коммандос». Американская авиация с февраля 1970 года наносит по освобожденным патриотами районам массированные удары. В этих варварских бомбардировках — одной из крупнейших воздушных операций США за все годы войны в Юго-Восточной Азии — ежедневно участвует более 400 американских истребителей-бомбардировщиков, а также тяжелые стратегические бомбардировщики «Б-52».

Несмотря на это, в феврале 1970 года частям Патет Лао и подразделениям левых нейтралистов в ходе ожесточенных контрнаступательных операций удалось потеснить противника и вновь освободить Бан Бан, Кхан Кхай, Сиенг Куанг и Долину Кувшинов. Бои на сиенгкуангском направлении продолжаются...

Из мартовских сообщений информационных агентств.

Впереди — Кхан Кхай

...Длинный хребет едва проглядывается сквозь пелену мелкого дождя. Наш газик свернул с дороги в высокие заросли трехметровых папоротников. Мы на пограничной заставе ДРВ. Формальности с оформлением документов занимают считанные минуты. О нашей группе еще вчера сюда поступила телеграмма. Последние напутствия — и начинаем головокружительный путь по спирали горной трассы. По ту сторону хребта освобожденные районы Лаоса — Сиенг Куанг. В низине нас останавливает группа вооруженных бойцов в форме Патет Лао. Один из них занимает место рядом с водителем, остальные забираются в теплое, сухое нутро кузова. А через полчаса сворачиваем с дороги и долго едем по зеленому ковру неширокой просеки. Все это делается молча, без лишних объяснений. Наконец машина резко тормозит.

Первая дневка. На небольшой поляне под своеобразным шалашом — брезентом, закрепленным на бамбуковых палках, при свете коптилок сидят на корточках несколько человек. Завтракают. В чашках рис и лаосская национальная приправа из душистой зелени, перца и кусочков мяса. Чуть поодаль под кроною могучего дерева стоит в маскировочном одеянии бронетранспортер. Вышедший нам навстречу лаосец четко, по-военному докладывает: «Команда бронетранспортера готова к выполнению задания. Нам приказано доставить вас в ставку генерала Синкапо». А затем, перейдя на обычный тон, он подает руку и представляется: «Сивиляй, командир экипажа и приданного отделения карабинеров. Присоединяйтесь к завтраку».

Весь день идет дождь. Отдыхаем под брезентовым навесом, лишь изредка делая короткие пробежки для разминки. Карабинеры принесли из соседнего леска охапки оранжевых цветов. Они расцветают прямо на деревьях. С наступлением темноты снова в путь. Перед бронетранспортером выстраивается экипаж и отделение карабинеров. Сивиляй отдает последние распоряжения шеренге бойцов в зеленой, защитного цвета форме, в прорезиненных полуботинках, с автоматами и карабинами, приставленными к ноге. Мне приказано занять место рядом с водителем и быть начеку. В районе действуют банды «черного генерала» Ванг Пао. Не исключена возможность диверсии или обстрела из засады. Когда около полуночи в небе появляются самолеты, Сивиляй отдает приказ расчехлить все три пулемета. Расчеты занимают боевые позиции. Бронетранспортер замирает на месте: мы уже огневая точка... И снова утомительные часы ночного марша под убаюкивающий шум дождя.

В предрассветном тумане сворачиваем с дороги. Очередной привал устраиваем в густых зарослях на берегу небольшой горной речки. «Впереди — Бан Бан,— задумчиво говорит Сивиляй.— Когда-то это был оживленный город». Последний раз я был здесь в 1964 году. Тогда вечерами по улочкам разгуливали молодые парни и девушки, звенели песни. В открытых допоздна лавках продавали фонари, ткани, спички, угощали терпким зеленым чаем. Издали Бан Бан, освещенный керосиновыми лампами, напоминал таинственное созвездие, сотканное бесчисленными огоньками в темном покрове джунглей... Не осталось ничего — одни пепелища, зарастающие травою и кустарником. Мы находимся в глубине Освобожденных районов Верхнего Лаоса, где-то на полпути между вьетнамской границей и Кхан Кхаем. Дождь прекратился. Жара. Целый день в небе висят американские самолеты. Бомбят...

Мы продолжаем путь дальше по единственному шоссе — дороге № 7. Она связывает восточные и западные районы Верхнего Лаоса. Ее можно найти на любой карте. Но иного выхода у нас нет. И снова мимо мелькают деревни-призраки. Они выплывают из-за тумана своими мертвыми, безжизненными улицами, пепелищами, полуразрушенными хижинами, вокруг которых уже поднялась густая, высокая трава. Нет больше на этой дороге до самого Кхан Кхая ни городов, ни селений, ни пагод, ни моленен, ни крестов... По распоряжению американского командования продолжаются бомбардировки эвакуированного в джунгли и пещеры населения, выжигаются рисовые поля. С начала прошлого года американская авиация совершает ежемесячно 13—15 тысяч боевых самолетовылетов на освобожденные районы Лаоса. В этих пиратских рейдах участвует около четырех пятых ВВС США, базирующихся на судах 7-го американского флота у берегов Вьетнама, и все военно-воздушные силы США на шести американских базах в Таиланде. Масштабы этой воздушной разбойничьей войны превзошли боевые действия авиации Соединенных Штатов против соседней ДРВ в самые напряженные месяцы войны... Основной удар наносится по освобожденным районам Сиенг Куанга.

...В штаб генерала Синкапо прибыли ночью. На рассвете с боевых позиций на бронетранспортере вернулся сам генерал. С ним мы знакомы много лет, не раз приходилось встречаться здесь, на сиенгкуангской земле в дни непрочного мира 1962—1964 годов, а потом уже в военной обстановке. Генерал Синкапо с 1961 года, когда была освобождена Долина Кувшинов, бессменный командующий Сиенгкуангским военным округом вооруженных сил Патриотического Фронта Лаоса, или, как их называют кратко, Патет Лао. Вместе с его войсками здесь против американских интервентов и вьентьянских войск сражаются подразделения левых нейтралистов во главе с полковником Дыоном.

Генерал занят срочными делами. После рассказа о сложившейся обстановке он, как бы подытоживая, говорит: «Американцы пытаются усилить военный нажим, захватить один из наших важнейших плацдармов — освобожденные районы Сиенг Куанга. Но мы полны решимости сорвать эти пла-

ны. Сиенг Куанг останется бастионом свободного Лаоса. У нас для этого есть силы.

На нашей стороне поддержка народа, всех честных людей мира. Особое значение мы придаем действиям социалистических стран, солидарных с нашей борьбой, прежде всего Советского Союза, который шел и продолжает идти в авангарде международного революционного движения. Мы, лаосцы, знаем это по своему опыту. И от всей души искренне благодарим великий советский народ за ту огромную поддержку и помощь, которую он оказывал и продолжает оказывать нашей борьбе.

Через несколько дней с генералом Синкапо мы побывали в ставке левых нейтралистов. Она разместилась в деревянных бараках, мало чем отличающихся от близлежащих строений. Кругом бомбовые воронки, остатки сгоревших машин и трофейной американской техники. Полковник Дыон только что закончил военное совещание, и его участники включились в общую беседу. «У нас, по существу,— подчеркнул командующий патриотическими нейтралистскими частями,— три фронта: открытый, наземный, где мы ведем борьбу против атакующих Освобожденные районы частей правой проамериканской группировки, таиландских и прочих наемников; воздушный — против массированных налетов американской авиации и, наконец, третий—«секретный», я имею в виду подрывную деятельность в наших тылах засланных сюда диверсионных банд. Ни на одном из них противнику не удалось добиться решающего успеха. В боевых действиях мы участвуем совместно с частями Патет Лао. Отношения братские. Передайте советским людям, что наши объединенные силы будут стоять насмерть, защищая каждую пядь Освобожденных районов».

Эти встречи состоялись до начала крупнейшей карательной операции объединенных сил американской авиации, таиландских интервентов и вьентьянских войск в провинции Сиенг Куанг. Я оказался одним из последних иностранных корреспондентов, видевших города Кхан Кхай, Фонг Саван и Сиенг Куанг, которые в ходе последовавших за этим массированных налетов американской авиации были превращены в груды развалин, а затем стали полями ожесточенных сражений...

Солнечная долина

Миновав превращенный в пепелище главный город провинции Сиенг Куанг, останавливаемся в небольшой лаолумской деревушке. Пока на очаге готовится ужин, хозяева приглашают в хижину. Рассаживаемся вокруг пылающего костра и слушаем леденящие сердце рассказы крестьян о бандитских операциях «невидимых» американцев в уезде Мыонг Нган. Даже здесь, у деревенского очага, Тхить Тянтхо не расстается с трофейным американским карабином. Говорит он короткими, отрывистыми фразами, с большими паузами. Волнуется. Его родная деревня была освобождена в середине 1966 года. Война не раз прокатывалась из конца в конец по всему району. А потом... Тхить Тянтхо молчит. Трудно, больно вспоминать. Из шести детей ополченца в живых осталось трое. Двое погибли до освобождения от недоеданий и болезней. А потом третий, младший, в страшных муках. Доза ядовитых химических веществ, разбросанных американскими пилотами, оказалась смертельной для ребенка. Самолеты «обрабатывали» район ночью. Люди почувствовали острые головные боли, резь в глазах, головокружение. Шесть получили тяжелые отравления. Троих из них спасти так и не удалось. Утром хижины, сады и поля представляли жалкое зрелище. Листья на деревьях и бананах пожухли, свернулись, как от огня. Многие фруктовые деревья пришлось вырубать. Ядовитые химические вещества, фосфорные, напалмовые и шариковые бомбы были сброшены также на уезды Ла Тхынг, Нонг Пет, Мыонг Кхын, Мыонг Пек. В селении Бангсон погибло 18 человек. В уезде Мыонг Пек уничтожено 3 530 крестьянских домов. Ранены и убиты сотни крестьян. А здесь, на мыонгнганской земле, огненный смерч прошелся по девяти деревням. Десятки семей лишились кормильцев. От нескольких пагод остались груды кирпича. Сотни буйволов остались лежать на полях.

Бронетранспортер держит путь на Долину Кувшинов. Мимо проплывают корабельные сосновые рощи. Надвигается ночь. А пока во весь горизонт полыхает закат. Потрясающее, удивительное зрелище. Изумрудные лесистые гребни гор уже окутали белесые туманы. Небо во весь горизонт — в розовых и бордовых сгущающихся тонах и полутонах. Все это видишь через четкие силуэты голых сучков и зеленые иголки сосновых веток. Неожиданно первозданную красоту рассекают огненные трассы зенитных снарядов. Взрываясь, они рождают бледнорозовые лохмотья уродливых облаков. И уже не видишь неповторимый закат. С тревогою следишь лишь за серыми, узконосыми силуэтами самолетов, начиненных бомбами и ракетами.

С наступлением темноты возвращается тишина. Моментально оживает дорога. И мы снова мчимся вперед, окутанные клубами пыли. Чем ближе долина, тем реже встречаются рощи и перелески. Постепенно они уступают место голым, поросшим травою холмам. Неожиданно за одним из них—плоская до горизонта равнина, залитая мертвым лунным светом. Зеленое травяное поле кажется лиловым, словно сказочная переливающаяся скатерть-самобранка или гигантский ковер-самолет... Последнее не так уж далеко от истины. В стратегических планах Пентагона Долина Кувшинов рассматривается как самый удобный в Индокитае плацдарм для крупнейшей военно-воздушной базы. Уникальная, неправильной формы чаша в краю гор и джунглей радиусом от двадцати до тридцати километров местами изрыта оврагами. Вдоль и поперек опоясали ее желтые ленты грунтовых дорог. И ни огонька, ни звука. Лишь стрекот кузнечиков да кваканье лягушек... На рассвете в тумане неожиданно через смотровую щель бронетранспортера вижу надвигающуюся на нас пещеру. Здесь-то и делаем остановку.

Мощный сноп света, пробившийся откуда-то сверху, озаряет стены пещеры. Через широкий вход открывается неповторимый вид на сотни каменных кувшинов, давших имя легендарной долине. Они усыпали весь косогор. Сколько же их? Двести, триста... На косогоре в утреннем тающем тумане среди древних каменных ступ разгуливают лошади. По рослой, высокой траве бродим и мы. Кувшины полые, из цельных каменных глыб. Самые маленькие по пояс. Есть и крупные — в полтора человеческих роста. Некоторые, не выдержав испытания веков, дали трещины... Их происхождение и предназначение до сих пор предмет жарких споров, загадка истории. Предполагают, что полторыдве тысячи лет назад здесь, в долине, был один из центров цивилизации древнего Лаоса. Если верить дошедшим до нас легендам, Долина Кувшинов не раз была полем жестоких многодневных битв. В пещере, где мы остановились, по преданию, шаманы совершали прощальные обряды по погибшим героям. А кувшины служили гигантскими сосудами для наполнения их напитком древних воинов — «сухой» водкой «лаохай». Здесь, на косогоре, справлялись тризны, праздновались победы. Вокруг огромного кувшина собирались дружинники и, опустив в сосуд длинные тростниковые трубочки, опьянялись зельем...

Старые летописи донесли из глубины веков и более достоверные сведения. В VII веке, за восемь веков до рождения первого лаосского государства Миллиона слонов и белого зонта, здесь жили древнейшие обитатели страны. Археологи утверждают, что их история идет от неолита. И что именно они, далекие предки лаотхынгов — второго по численности и самого древнего населения Лаоса, оставили потомкам удивительные, загадочные кувшины.

Позднее здесь появились «фыоны» — лаолумы, или собственно лаосцы. Предание сохранило имя их воинственного вождя Кхун Борума. Его восьмой сын был первым королем «фыонов». Свою столицу первые короли основали в неприступном горном районе Мыонг Кхам, недалеко от Долины Кувшинов. И сегодня здесь можно увидеть остатки древней столицы первой половины XIII века. В XIV веке Долина Кувшинов стала полем ожесточенных битв между армией «фыонов» и вторгшихся сюда войск вьетнамских феодалов. После долгих десятилетий иностранного господства свободолюбивые лао в борьбе отстояли свою независимость. Столицей «фыонов» с XV века становится город Сиенг Куанг. Последний король сиенгкуангской династии Тяо Ной был захвачен в плен аннамскими войсками и в 1830 году обезглавлен в столице феодального Вьетнама Гуэ. Его потомки к своему имени по-прежнему добавляют «тяо» — принц.

В 1914 году один из них, принц Пра Онг Кхам, поднял восстание против французских колонизаторов. Три года потомки древних «фыонов» наводили ужас на врага. Лишь в 1916 году карателям удалось разбить последние отряды Пра Онг Кхама. А сам он вынужден был горными тропами уйти в соседний Китай, где и умер на чужбине. С некоторыми из потомков сиенгкуангской династии мне довелось не раз встречаться по обе стороны лаосского фронта. Одним из них был Кхамфыон Туналом, видный лидер ПФЛ — один из четырех представителей Патриотического Фронта в коалиционном правительстве.

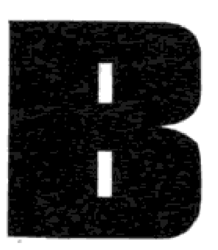
Когда в провинциальном комитете речь зашла об актуальных проблемах, то первым назвали национальный вопрос. Сиенг Куанг по традиции считается главным центром третьей по численности народности — лаосунгов, или мео. Здесь французские колонизаторы и американские разведчики вербовали кадры своих наемников. Отсюда вышли «король мео» Тубилфонг и «черный генерал» Ванг Пао. Здесь вербовались его ударные силы «специальных войск мео». Об этом часто пишут западные историки и журналисты, «забывая» об освободительных традициях лаосунгов и героических страницах их истории.

Работники провинциального комитета рассказывают не только о боевых действиях, но и о кропотливой работе по строительству новой жизни в Освобожденных районах. Здесь, на самом ожесточенном фронте лаосской войны, люди думают о планах послевоенного строительства, о развитии одного из богатейших районов страны. Тут не только прекрасные условия для земледелия и скотоводства, не только редкие в Индокитае лесные массивы ценных пород деревьев. Земля Сиенг Куанга хранит несметные сокровища полезных ископаемых, многие из которых человек не заставил еще служить себе. Золото, драгоценные сапфиры, бриллианты и рубины, антрациты, уголь, а возможно, и запасы нефти, железные руды, медь, олово, цинк, бокситы. Чудесные сосновые боры и целебные источники... Имея все это, можно мечтать об изобилии риса, кукурузы и мяса, можно думать о развитии ведущих отраслей промышленности на местной энергетике и сырье. Но прежде предстоят большие почвоведческие исследования, геологоразведочные работы, многое другое, к чему народная власть сможет приступить по-настоящему лишь после восстановления единства страны и восстановления прочного мира. Ну, а пока главные заботы — решить продовольственный вопрос и обеспечить всем необходимым фронт, укрепить органы народной власти.

...Недалеко от пещеры разместился небольшой поселок, где обитают две семьи. Несколько бараков. Кругом колючая проволока, окопы. Бывший городок у взлетно-посадочного поля, где в 1962—1964 годах шли переговоры, уничтожен во время массированных налетов американской авиации. В феврале части генерала Синкапо и полковника Дыона, окружив высадившийся в сентябре прошлого года в долине десант войск правой группировки и таиландских интервентов, вернули этот ключевой район Верхнего Лаоса под свой контроль.

На обратном пути на одной из дорог, пролегающих по Долине Кувшинов, встречаем группу людей. Бойцы дорожных отрядов разбирали груды металлолома — остатки рухнувшего сюда американского истребителя-бомбардировщика. Освещенная лучами заходящего солнца, долина напоминала безбрежное зеленое море. Пустынное море.

Н. ТОЛЧЕНОВА

В защиту спектакля вахтанговцев

Дело касается, как ни странно, спектакля не нового.

Спектакль этот, содержательный, интересно задуманный, остро сыгранный талантливым коллективом, стал аншлаговым со дня премьеры; на представление и теперь попасть все так же трудно.

Казалось бы, какая нужда брать работу театра под защиту?

Но вот, однако, возникла такая необходимость.

Речь идет о постановке пьесы А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», осуществленной на сцене вахтанговцев режиссером А. Н. Ремезовой в тесном содружестве с замечательным театральным художником, покойным Н. П. Акимовым.

В свое время спектакль вызвал в прессе оживленные отклики. Одним он нравился больше, другим меньше. Но в этом, разумеется, ничего удивительного нет. И неопределенные, какие-то не очень вразумительные упреки, высказанные по адресу спектакля критиком А. Асарканом на страницах журнала «Театр» (№ 7, 1969), вероятнее всего, остались не замеченными публикой. Тем более что невнятные упреки эти перемежались комплиментами, столь же, впрочем, двусмысленными...

Почему же она вспомнилась сегодня, статья А. Асаркана «Живые страницы прошлого», напечатанная в «Театре»?

Думается, эти ассоциации как бы невольно возникают, когда скрытый смысл нападок на вахтанговский спектакль — нападок, которые А. Асаркан вел все больше в форме каких-то полушутливых сожалений, ядовитых намеков и иносказаний,— ныне вновь обозначился в новой статье о постановке пьесы А. Н. Островского вахтанговцами. Вернее, это даже не статья, а объемистый труд. Вахтанговскому спектаклю посвящено целое исследование критика В. Лакшина, озаглавленное «Мудрецы» Островского — в истории и на сцене». Труд этот увидел свет в разделе литературной критики журнала «Новый мир» (№ 12, 1969).

Обе статьи — одна, излагающая мысли автора витиевато и завуалированно, другая, как будто гораздо более определенная,— тесно смыкаясь между собою, оспаривают в спектакле главное: его общественный смысл. И именно его подвергая сомнению, вкладывают в самое понимание общества тот искаженный, превратный смысл, который уже и перехлестывает через самые театральные подмостки, где ставится пьеса о далеком прошлом. Перехлестывает, чтобы проникнуть — как, видимо, желают оба критика — в современность.

А. Асаркан, как уже было сказано, осуществляет свою цель в форме, весьма старательно эту цель камуфлирующей. В. Лакшин же, опираясь на высокие литературные авторитеты, действует на первый взгляд гораздо более откровенно. Хотя и он, очевидно, не решаясь прямо высказать причину своего недовольства вахтанговской постановкой, все время уходит в сторону от прямых оценок. Чаще всего он ссылается на тот беспощадный иронический смысл, который нашел Островский, изображая современность в те именно годы, когда пьеса великого русского классика появилась на свет.

Не находя на сцене вахтанговцев такой «современности» — да и откуда бы ей взяться! — оба критика дружно сетуют на отсутствие исторической глубины и большого жизненного содержания в сценической работе театра. Они считают (как можно понять из обеих статей), что пьеса получила у вахтанговцев всего лишь яркую «театральность». И критикуют спектакль именно за отрыв от жизни современного общества.

«Если бы удалось,— говорится в статье А. Асаркана,— создать коллективный, хоть как-нибудь обобщенный образ «общества» — прояснился бы истинный смысл Глумова, а заодно было бы больше смысла и во всем ликующем параде вахтанговских актерских дарований».

Но какое же «общество» имеет в виду А. Асаркан? На этот вопрос прямого ответа нет. Косвенных же и непрямых ответов сколько угодно. Но у критика вообще сложная манера выражаться. Иные слова А. Асаркан непременно берет в кавычки, и они начинают звучать двусмысленно: «общество»... Либо пишет так: «Охмурение Турусиной закончено»... «Островский переводит Глумова на попытку охмурения Машеньки»... «Д. Андреева в роли матери Глумова охмуряет Мамаеву»... и т. д.

Куда строже, куда академичнее изъясняется В. Лакшин. Этот исследователь поднял все архивы, вытащил на свет божий всю историю создания знаменитой пьесы А. Островского, бичующей характеры и нравы пореформенной царской России, беспощадно разоблачающей и глупцов и «мудрецов» того времени и друг друга «охмуряющих» (воспользуемся «термином» А. Асаркана).

Тщательно и деловито разбираясь в том, кто кого «охмурил» в этой пьесе, В. Лакшин стремится доказать читателю, что история вахтанговских «охмурений» не стала тем, чем могла бы она быть, если бы вахтанговцы дополнительно потрудились над сценической расшифровкой (точнее сказать, зашифровкой) каждого «охмурения» в отдельности и всех «охмурений», вместе взятых.

Вооружившись до зубов и цитатами и историческими ссылками, В. Лакшин «решился,— как он пишет,— упрекнуть юбилейную постановку «Мудреца» в недостаточной исторической конкретности. Пьеса Островского давала возможность обличить косность, тупость, цинизм и пустозвонство, как черты классового сознания. Но этой возможностью театр пренебрег, поставив по преимуществу легкий, развлекательный спектакль».

Итак, обвинения высказаны очень серьезные. Для одного критика в постановке не хватило — ни много ни мало — «коллективного образа «общества»! Для другого — черт классового сознания и «исторической конкретности».

Но, позвольте, снова удивится читатель, разве не сама «историческая конкретность», разве не само «общество» самодуров российских с их классовой тупостью, косностью и другими типическими чертами сознания предстали на сцене Театра имени Вахтангова, вылепленные удивительно ярко, резко и сильно?..

Ведь не театральность же сама по себе в этом спектакле волнует зрителей, смешит их и задевает в злой, обличительной игре Н. Гриценко (Мамаев), Н. Плотникова (Крутицкий), Ю. Яковлева (Глумов), а именно историческая конкретность,— время, породившее монстров, столь же уродливых, сколь уродливо было и само это время!

Но нет, будут твердить оба критика, вовсе не такое общество хотели они увидеть. И вовсе не такую историческую конкретность. И не такие ее черты...

Не уставая восхищаться талантами вахтанговцев, отмечая, что и режиссер и актеры «победоносно продемонстрировали абсолютный театральный слух, определяя тональность и стиль пьесы Островского», А. Асаркан все же считает необходимым тут же и попрекнуть вахтанговцев тем, что блеск их спектакля будто бы всего лишь внешний, поверхностный... Как пишет А. Асаркан, мир, созданный вахтанговцами на сцене, «приобрел в сравнении с пьесой больше внешнего блеска (и это хорошо — если театр не добавляет от себя, зачем тогда и ставить, можно прочитать дома), но кое-что потерял в глубине содержания, в скрытом смысле деталей и, между прочим, в изяществе колорита, поскольку в отдельных сценах и фигурах авторская ирония заменена театральным комизмом».

Тут, конечно, у А. Асаркана что ни слово, то загадка. И для непосвященного читателя все это вообще лес темный! Но что же это за скрытый смысл деталей, которые следовало театру раскрыть, чтобы появилась будто бы утраченная театром глубина содержания?..

А. Асаркан не хочет нам этого сказать. Зато В. Лакшин выносит свое суждение решительно и сурово. Настолько сурово, что даже и самый неоспоримый блеск постановки вахтанговцев, многократно подчеркиваемый А. Асарканом, уже и не считает блеском. С сухой категоричностью В. Лакшин просто констатирует, что «театр ярких актерских индивидуальностей собрал в спектакле сильный состав исполнителей». Но далее (поименовав каждого исполнителя в отдельности) В. Лакшин зачеркивает присущую им яркость исполнения, строго вопрошая: «Отчего же тогда спектакль оставляет впечатление добродетельной заурядности?».

Говоря об эпохе Островского, характеризуя каждую отдельную конкретность, каждую отдельную историческую деталь, В. Лакшин все время наталкивает читателя на сопоставления эпохи ушедшей с эпохой нынешней... Такими сопоставлениями, видимо, и должны были заняться вахтанговцы в «Мудреце».

Понять классику современно, по В. Лакшину,— значит увидеть в классике современность. С этих-то «позиций» критик шаг за шагом и уничтожает вахтанговский спектакль, подробно разбирая все эпизоды пьесы и старательно растолковывая читателю, что в каждый эпизод можно было бы вложить совсем иной смысл. Такой смысл, который затронул бы зрителя, дал бы ему пищу для раздумий. А этой пищи в спектакле нет, утверждает В. Лакшин, подводя итоги своей «исследовательской» работы.

Правда, у самого-то В. Лакшина концы и начала отнюдь не сходятся! Где-то в первых абзацах своего объемистого труда В. Лакшин оговаривался, что он вовсе не за то, чтобы «своевольно» искажать классику, сокращая или вымарывая реплики, сдвигая авторские акценты... Зачем «сдвигать» акценты, меняя их так, пишет Лакшин, что «положительные герои начинают вдруг выглядеть неприятно, а отрицательные неожиданно выигрывают в наших симпатиях». Такое произвольное, неуважительное обращение с классикой В. Лакшину совсем не нравится. Ему, пишет он, «не по душе, когда живое, современное содержание покупается такой ценою». И это верно, думает обрадованный читатель,— ему тут совершенно не приходится спорить с В. Лакшиным!

Но не надо торопиться! Дальше мы увидим, что В. Лакшин ничуть не хуже, чем А. Асаркан, умеет вуалировать свои мысли. И если мы спросим у В. Лакшина, какою же ценою критик советует покупать в классике современное содержание, то на этот сокровеннейший вопрос В. Лакшин тоже будет отвечать лишь обиняками и намеками. «Сделать знакомую, хрестоматийную пьесу притягательной для современной публики, в особенности молодой, значит в чем-то прикоснуться к секрету связи преходящего и вечного, диалектики исторического и нынешнего в искусстве».

Но какие же еще связи, какие еще секреты нужны В. Лакшину?

Бичуя вымершую, отжившую Россию Мамаевых, Глумовых и Крутицких, смеясь над ними, Театр имени Вахтангова позволяет увидеть, что и в наше время могут быть свои Мамаевы, Глумовы, Крутицкие. Однако же вовсе не это, видимо, нужно А. Асаркану и В. Лакшину. Они оба ждут от театра «обобщений», стремясь к тому, чтобы речь со сцены шла для молодого зрителя «притягательно»; иначе говоря, чтобы молодой этот зритель ясно увидел на подмостках театра черты нынешнего общества.

«Надо ли говорить, что это не просто»,— тут же и предупреждает В. Лакшин.

Вот эти-то не простые сопоставления, почерпнутые в мире отжившей, дремучей России, В. Лакшину представляются в качестве конкретных деталей, пригодных будто бы для больших сценических «обобщений» сегодня.

Невольно возникает мысль, что В. Лакшин обращается не только к тем коллективам, которые вздумают — вслед за вахтанговцами — поставить у себя на сцене пьесу Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Критические замечания о вахтанговском спектакле становятся для В. Лакшина еще и своеобразным средством косвенно выразить свое брюзгливое, ироническое отношение к современному состоянию общества посредством опять-таки бесконечных «исторических» сопоставлений, «связей» и «аналогий»...

Что и говорить, богатую пищу предлагает В. Лакшин для раздумий молодой (и немолодой) публики!..

Теперь о типах. Тут, разумеется, у В. Лакшина тоже полно «связей» с современностью. Таких, которыми будто бы только и следует привлекать публику, давая ей опять-таки пищу для раздумий.

«Сила, слабость, ум, глупость, испуг, нераскаянность и т. п.,— оперируя этими абстрактными, казалось бы, понятиями, Щедрин учил читателя извлекать из них множество современных политических оттенков»,— пишет В. Лакшин. И он рекомендует, пользуясь уроками Щедрина, извлекать из Островского современные политические оттенки! Критик ничуть не смущается тем весьма существенным обстоятельством, что современность Щедрина и наша современность — это разное время, разные эпохи, наполненные разным социальным, классовым, психологическим содержанием... Не смущается он и тем, что герои Островского в самой исторической реальности остались без будущего. Они — именно как общество — уничтожены и сметены революцией с лица нашей земли, нашего государства. И вахтанговский театр как раз очень точно играет монстров, чтобы этим монстрам — во все времена их существования — неповадно было!..

...Незадолго до смерти Н. П. Акимов — как раз в связи с постановкой «Мудреца» на вахтанговской сцене — резко и горько говорил об искажениях классики в работах режиссера А. Эфроса, в спектаклях на Таганке...

— Я закоренелый реалист,— страстно и убежденно подчеркивал Н. П. Акимов, осуждая с трибуны ленинградского совещания театральных художников неверное толкование классики.

И в Москве, в беседах, Н. П. Акимов говорил, что ему претят модные «аллюзии»: старательное отыскивание образа современного общества в сатирических пьесах прошлого, созданных русской и зарубежной классикой. Не «аллюзии» это, считал Н. П. Акимов, а просто творческая беспомощность, неумение создать классический спектакль яркими режиссерскими средствами; неумение увидеть пьесу свежими и нынешними очами, заинтересовать публику классикой, без модных передержек...

Не об этих ли передержках и тоскуют оба критика — один на страницах «Театра», другой — «Нового мира»?..

Правда, нынешние редакции обоих журналов, может, быть, скажут, что к этим статьям, к этим «позициям» они больше никакого отношения уже не имеют?

Что ж, тем лучше... Хотя что касается журнала «Театр», то содержание иных материалов, напечатанных в первой книжке журнала за 1970 год, увы, пока что заставляет сомневаться в этом.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ,
А. СЕРГЕЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

* * *

В тот вечер Марина не дождалась Николая. «Мужской разговор» затянулся до полуночи.

Птицын тщательно изучает отчет об этом «разговоре». Для него все тут важно — и интонации Зильбера, и то, как быстро «турист» реагировал на ответы Бахарева, и реплики «бородача». А Николай молча, испытующе вглядывается в лицо Александра Порфирьевича: ну как, справился? И, судя по выражению лица Птицына, тот премного доволен: разговор получился именно таким, каким замышлял его подполковник. Бахарев с честью вышел из трудного положения, блестяще выполнил все полученные им инструкции перед встречей с вражеским разведчиком.

Есть основания полагать, что Зильбер проявляет большой интерес к Бахареву, его «возможностям», «литературным связям», «взглядам». В споры на самые разные темы — социалистический реализм, критерии литературы и кинематографа, молодежь и демократия, отцы и дети, гуманизм и диктатура,— споры, в которых Бахарев предстал перед разведчиком весьма эрудированным литератором, нет-нет да и вплетались какие-то недомолвки, неопределенные замечания Николая: «Об этом стоит подумать...» «Возможно, в сказанном вами есть зерно истины...» Птицын понимал: разведчика должны были устроить даже те маленькие лазейки, которые оставлял этот пока еще не очень понятный ему молодой человек с не очень стандартными — с точки зрения Зильбера — взглядами на жизнь.

— Над чем вы сейчас работаете, что пишете? — поинтересовался Зильбер.

— Заканчиваю повесть о молодежи. Думаю, что получится острая вещь... В семье советского работника растут эгоисты, себялюбцы. Любимые их слова — «дай», «мое», «хочу», «не хочу». Растут домашние идолы, которым все поклоняются. Включая отца. Но он бессилен. Пытался урезонить старшего сына, а тот ему отрезал: «Ты не лучше нас...»

Бахарев развивает на ходу придуманный сюжет и видит, с каким напряженным вниманием слушает его «турист». Зильбер попыхивает сигарой и, скрывая свой большой интерес к будущей повести, спрашивает:

— То есть ситуация, взятая из жизни?

— Да, и в нашей жизни такое бывает.

— Вы думаете, что вашу повесть опубликуют?

— Хочу надеяться. Возможно, что придется потратить немало энергии в поисках снисходительного редактора.

— В этих поисках вы можете рассчитывать на помощь прогрессивных людей... Где бы они ни жили...

Бахарев сделал вид, что не понял, на что намекает гость, и снова повел разговор о молодежи, о студентах. Зильбер охотно подхватил эстафету.

— О, то есть отчаянные бунтари... И у нас и у вас... Вы, вероятно, слышали о них?

— Да, я как-то читал об одном из наиболее крикливых студенческих лидеров на Западе. У него очень оригинальное кредо: «Насилие — это есть радость». Его программа — коктейль из идей Сен-Симона и Бакунина,— заметил Бахарев.— Но если говорить о главном в его кредо — то это антикоммунизм.

— Вы есть слишком прямолинейный, господин Бахарев... Вы есть немного резкий в своих суждениях... Антикоммунизм — то есть формула пропаганды.

— Зачем же такие тривиальные слова говорить? Вы умный, образованный человек, господин Зильбер. Это не комплимент... Вы в нем не нуждаетесь. Поверьте, инженер человеческих душ умеет разбираться в людях. Вы отлично знаете, что на нашей грешной земле — два полюса: капитализм и социализм. Третьего, как говорится, не дано...

— Дано... Дано...— резко оборвал Зильбер.— Дальновидные люди — и у нас на Западе и у вас на Востоке — имеют другую точку зрения. В наш век космоса и атома мир делится не по социально-политическим системам, а по уровню экономического, научно-технического и, если хотите, военного потенциала... Капитализм и социализм трансформируются в единое индустриальное общество...

— Общество не может существовать без идеи, господин Зильбер.

— Единое индустриальное общество может. Оно деидеологизировано. Оно питается идеями не социальными, а куда более возвышенными и многозначащими — техническими...

Бахарев улыбнулся и тоном, в котором трудно уловить, что это, шутка или нет, сказал:

— Это позиция прожженного физика. Если бы я был физиком, то может быть...

— Вы есть молодой человек острого ума. Если бы мы имели возможность продолжить наш откровенный диалог завтра, послезавтра... Я верю в конвергенцию наших точек зрения...

— Кто же мешает нам продолжить диалог?

— О, я буду приветствовать такую постановку вопроса, хотя несколько затрудняюсь сейчас ответить вам... Время покажет... Я верю в дальновидность советских литераторов и хотел бы выпить за их творческие успехи, за то, чтобы они всегда без страха высоко держали знамя гуманизма...

Разговор пошел о литературе, именитых писателях. И гость пришел в восторг, когда узнал, что есть у Бахарева друг, знакомый с очень популярным на Западе советским писателем, повесть которого отвергнута толстыми журналами. И что друг этот обещает Бахареву дать почитать повесть в рукописи, которая сейчас ходит по рукам...

На пятнадцать часов был назначен разговор с генералом. Пора завершать операцию. Уравнение со многими неизвестными перестало существовать. Почти все известно. Выписаны ордера на арест Ольги и «Косого»... Если потребуется взять Зильбера, и тут выполнены соответствующие требования закона. А вот брать ли Зильбера, когда и где арестовывать Ольгу, «Косого»? Кого раньше, кого позже? Вопросов много. Тем более, что обстоятельства на первый план выдвинули соображения, выходящие за пределы «Доб-1». Беседа Зильбера с Бахаревым позволяет повести дело дальше, глубже.

У Птицына есть некоторые соображения. Но он пока ничего не говорит о них Бахареву. Он хочет доложить эти соображения генералу, послушать его мнение, вернее, его оценку встречи Бахарева с Зильбером — доклад об этой встрече уже послан Клементьеву. И сейчас в ожидании разговора с ним Александр Порфирьевич пьет горячий кофе и внимательно слушает, как Бахарев размышляет вслух: кто сообщил Зильберу о ВДНХ — Марина, Ольга или обе вместе? Предположим, Ольга. А линия Зильбер — Марина? Как здесь развиваются события? Он ее чем-то шантажирует, запугивает?

Размышления прервал телефонный звонок — позже Бахарев назовет его благословенным, положившим конец всем сомнениям.

Птицын прижимает плечом трубку к уху, что-то записывает. И вдруг он, человек степенный, весь преображается, начинает жестикулировать. А Бахарев растерянно, ничего не понимая — Птицын бросает в трубку односложные «да», «нет», «он самый», «ясно»,— смотрит на подполковника. Наконец Птицын, стараясь быть сдержанным, объявляет:

— Звонили из приемной... Марина пришла.

Бахареву надо быстро решать: оставаться ему тут на месте и вместе с Птицыным встретить ее, или уйти и до поры до времени пребывать... литератором? Вопрос серьезный и все из той же серии далеко идущих замыслов. Птицын звонит полковнику, генералу — их нет на месте. Надо немедля принимать решение: через минуту-другую сюда войдет Марина. И Птицын решает: «Придется тебе, Николай, еще некоторое время пребывать в литераторах... Уходи...»

...Она не сказала ни «здравствуйте», ни «благодарю» в ответ на приглашение сесть. Она сразу выплеснула: «Спасите!» И больше не смогла сдержаться — к горлу подступил комок...

— Не надо, девушка, успокойтесь. Вот так. А то черт те что... Я, простите, не очень понял вас: кого спасать надо?— Последние слова были сказаны вежливо, учтиво, но достаточно холодно и строго.

Марина вопрошающе посмотрела на Птицына: что значит этот вопрос? Когда она шла сюда, то десятки раз прикидывала, как спокойно, размеренно будет рассказывать обо всем, начиная с первых дней войны и кончая встречами с «туристами», подарками отца, расскажет о его странной статье и ее подспудно зревших подозрениях, о домогательствах Зильбера и легкомыслии Бахарева. Все было разложено по полочкам. И твердо решено было покаяться в собственной вине, объяснить, почему медлила, почему не пришла тогда, после беседы с Кохом. Но, как часто бывает в таких случаях, все заранее приготовленные слова в последний момент исчезли. Растаяли, как ледышки. Сейчас она ощущала дрожь своего голоса, удары крови в висках. А сердце бьется так учащенно, что, кажется, вот-вот вырвется наружу. И когда она уже вошла в приемную КГБ, ей почему-то показалось, что главное в ее визите — спасти Бахарева... Она так и начала свой разговор с Птицыным.

— Речь идет о близком мне человеке... Бахареве Николае Андреевиче, литераторе. Поверьте, речь идет о весьма достойном человеке. Иначе я не пришла бы к вам.

Сказала и запнулась, смутилась. То есть как не пришла бы? Она все равно пришла бы сюда, и вовсе не потому, что Бахарев...

У нее закружилась голова, она вдруг почувствовала недомогание, охватившее ее после бессонной ночи. Но она нашла в себе достаточно сил, чтобы стряхнуть тяжесть.

А Птицын все так же вежливо, но холодно и строго продолжал:

— Вы не ответили на мой вопрос, товарищ Васильева,— кого надо спасать: вас или упомянутого вами литератора?

Марина тяжело вздохнула и, глядя в упор на Птицына, отчеканила:

— И меня и его. Я пришла к вам с повинной...

Птицын с живейшим интересом, словно для него все это открытие, слушает исповедь мечущейся девушки, отмечая точность бахаревских характеристик, точность нарисованного им портрета Марины. И про себя фиксирует: девушка ничего не утаивает. И про родителей, и про первую встречу с «туристом», и про подарки Эрхарда, и про первые тогдашние сомнения, касающиеся истинного лица отчима, и проблески надежд — «а вдруг вернется, раскается во всем и вернется»,— и про «Метрополь», и про танец с Зильбером...

— Я его сразу узнала... Он был с Кохом, когда мы с ним второй раз встречались в кафе «Метрополь». Подозрения незаметно, исподволь закрадывались уже тогда. Я догадывалась, какие это туристы. Но сама себе не решалась признаться в этом.

До сих пор она говорила спокойно, ровно, глядя прямо в лицо собеседнику. А тут вдруг сорвалась, опустила глаза, и голос задрожал.

— Это был мой первый ложный шаг... А за ним второй... Мы танцуем, гремит музыка, а Зильбер нашептывает: «Вам привет от па-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4—11.

пы... Он очень скучает без вас. Я привез вам небольшой подарок господина Эрхарда». И я не успела опомниться, как он надел на мой палец бриллиантовое кольцо... Я принесла его с собой, вот оно.— И Марина, достав из сумки кольцо, положила его на стол.— Оно не принадлежит мне. Делайте с ним то, что считаете нужным.

Умолкла. Собирается с мыслями. Вспоминает:

— Во время танца Зильбер сказал, что имеет некоторые пустяковые поручения ко мне от господина Эрхарда. Я спросила: «Какие?» Он ответил: «Не стоит сейчас об этом». И тут же сообщил, что хотел бы показать мне статью отца, опубликованную в одной из прогрессивных газет Запада. «Господин Эрхард немного занимается литературой и немного политикой. Ваш папа тоже хочет бороться за мир против империализма и фашизма. Жизнь многому научила его...» И многозначительно добавил: «Конечно, средства борьбы бывают разные... А газету я вам принесу. Нам надо еще раз повидаться. Но у вас, кажется, не принято встречаться с иностранцами в гостинице...» И назначил свидание у памятника Пушкина. Мы поехали в Архангельское. Гуляли. Обедали. После обеда я попросила у Зильбера обещанную газету. Он изобразил на своем лице смущение: «Не обессудьте, проклятый склероз. Приготовил для вас газету и в последний момент забыл положить ее в карман». Позже я поняла, что газета — это всего лишь предлог, повод для продолжения наших встреч. И действительно, он тут же предложил мне через два дня встретиться у Кировских ворот...

— О чем был у вас там разговор?

— Я пыталась вернуть ему кольцо, сказала, что не хочу получать подарки от чужого человека и очень жалею, что приняла такой подарок тогда, в первый раз... Зильбер нахально сунул кольцо в карман моего пальто. «Вы никуда от этого не уйдете... Вот вам газета, прочтите его статью, и вы поймете, что этот человек не так уж далек от тех, кто придерживается весьма прогрессивных позиций... И в частности коммунистов, покинувших свои отчие дома, так называемые социалистические государства, чтобы на чужбине бороться за подлинный социализм, демократический социализм... Я не сомневаюсь, фрейлейн Марина, и в вашей стране есть люди, молодые люди с горячими сердцами и светлыми головами, которым придется по душе статья вашего папы...

Да! Это так, есть... Не смотрите на меня удивленными глазами. Я читал статьи этих молодых людей... Там, у нас, где свобода печати... Я мог бы вам показать очень интересный русский журнал, который издают на Западе. Вы нашли бы там прекрасные рассказы и стихи весьма уважаемых и весьма популярных у вас советских авторов. То есть люди, не имеющие возможности печатать свои произведения у себя дома. То есть настоящие борцы за настоящую демократию... Я не политик, я ученый, но я есть гражданин. И не могу не преклоняться перед ними».

— Он назвал этот журнал?

— Да, но я не запомнила...

— «Грани»?

— Вот, вот... Кажется, так... Зильбер сказал, что если я пожелаю, то буду получать этот журнал.

— По почте?

— Он не уточнял...

— И вы согласились?

— Почему вы так говорите?.. Неужели я даю основание...— На лицо ее легло выражение измученности, страдания и ожесточения.

— Значит, отказались? Ну, ну... Не сердитесь... Не надо... Молодежь, она ведь любознательная: хочет знать, что за «Грани» такие...

— А что вы скажете о статье отца?

— Я плохо разбираюсь в политике, тем более в вопросах теории...

— Жаль... Серьезный пробел в вашем вузовском образовании.

— Бахарев тоже так считает. И все же я позволю высказать свое мнение... Автор,— она избегала слов «отец», «отчим»,— зло бичует империализм и ратует за многообразие путей строительства социализма. И при этом, может быть, мне показалось, ловко маскирует подтекст: из всего многообразия путей он предпочел бы тот, который решительно отметает диктатуру пролетариата и руководящую роль партии...

— Оказывается, вы не так уж плохо разбираетесь в политике, если в закамуфлированном подтексте уловили эти «мотивы» из знакомой «симфонии». Я, кажется, зря ополчился на вузовское образование.

— Это не вуз... Это мой друг, Бахарев... У нас с ним был долгий спор. И, читая статью, я не раз вспоминала про тот наш большой разговор... Это был, пожалуй, единственный случай, когда я увидела своего друга в неожиданном для меня облике.

— В каком же?

Марина задумалась.

— Я, вероятно, отвечу несколько выспренне... Восприятие всегда субъективно, но, поверьте, оно искреннее. Несколько легкомысленный и вольнодумный, Николай вдруг предстал передо мной, если хотите, политическим бойцом, этаким воинственным агитатором, умеющим убеждать и драться за свои убеждения. А разговор шел на острые политические темы... Я ведь привыкла к тому, что у нас, в институте, наши ребята-активисты обычно уклоняются от таких разговоров, отшучиваются... А Бахарев не уклонился, сам вызвал меня на спор. И я ему была благодарна тогда... Вот вам и ответ насчет подтекста...

Птицын слушает сбивчивую речь Марины, вспоминая генеральский наказ по части «разведки боем».

— Надеюсь, вы догадались принести нам газету? Отлично... Вот и мы сейчас почитаем сочинение господина Эрхарда... А вы, если хотите, можете кофейком побаловаться. Не хотите? Как угодно...

Птицын, неплохо знавший немецкий язык, бегло пробежав статью, тут же занялся тщательным изучением всей газетной полосы. И, к немалому удивлению Марины, стал даже на свет рассматривать ее. Затем он позвонил кому-то по телефону, сообщил название газеты, дату и заголовок статьи.

— Проверьте и как можно быстрее... Да, да, вы правильно поняли... Напоминаю — фамилия автора Эрхард... Ну-с, продолжайте, товарищ Васильева. Я вас слушаю... Как дальше развивались события?

— Через несколько дней Зильбер снова позвонил мне и сообщил, что вчера в Москву приехал его коллега по институту, и он видел у него в номере газету, в которой опубликована еще одна статья господина Эрхарда. Если она меня интересует, мы можем завтра пообедать в Сокольниках. Но газету он не принес, сославшись на внезапный отъезд коллеги в Ленинград. Однако счел нужным разразиться целой тирадой: «Жаль, что вы не прочтете этой блестящей статьи вашего отца... Вдохновенное слово о величии гуманизма, который, увы, иногда игнорируют даже там, где он должен стать знаменем людей, объявивших себя строителями новой жизни».

Глухим голосом Марина рассказывает об этой последней своей встрече с Зильбером.

— Разговор в Сокольниках не был для меня прозрением. Я уже давно, ощупью шла к тому, чтобы убедиться, кто есть кто. Я давно, еще тогда, когда Кох приезжал, начала догадываться, с кем имею дело и чем продолжает заниматься отчим. Но подсознательно я все время как-то отталкивала эту страшную мысль, хотелось продлить состояние туманного неведения... Мне тяжело в этом признаваться... Я виновата... Скажу честно, привезенная Зильбером газета поначалу даже в какой-то мере окрылила меня в моих надеждах. Но ненадолго. К чувству смутной надежды примешивалась неясная и с каждым часом обострявшаяся тревога... Не знаю почему, но у меня сложилось какое-то настороженное отношение к этой статье...

— Мы постараемся,— сказал Птицын,— еще до того, как вы уйдете отсюда, помочь вам ответить на тревожащий вас вопрос. А теперь продолжайте...

— Я ее читала дважды... И анализировала: что, собственно, нового ко всему, что я знала, о чем догадывалась, добавила эта газета? А тут еще поведение Зильбера... В Сокольниках он начал действовать активнее, решительнее, почти в открытую стал требовать: «Вы обязаны стать помощницей отца... Не забывайте, что вы дочь господина Эрхарда...» От требований перешел к убеждению: доказывал, что если я буду помогать отчиму, то это облегчит ему возвращение к семье. Потом отказался и от этой тактики. Стал прощупывать мои настроения, говорил о призвании молодых бороться за гуманизм, демократию, свободу слова и мнений... Говорил, что мой отец вместе с группой истинно русских патриотов, вместе с коммунистами, бежавшими из социалистических стран, живет теми же заботами, что и самая передовая, по мнению господина Зильбера, часть советской молодежи... И сразу дал мне понять, кого он имеет в виду... Я не помню, как это случилось, но я рассказала ему о нашем студенческом поэте, авторе песни «Заря». Она в рукописи ходила по рукам. Я рассказала, как хотели этого поэта исключить из института. Зильбер обрадованно воскликнул: «Это есть настоящий борец, Марина!.. Ваш папа всем сердцем с такими людьми. Это есть, как у вас говорят, продолжатель традиций Чернышевского и Писарева». И даже процитировал Писарева, напомнил его слова о свежести взглядов университетской молодежи, всегда питавшей непримиримую ненависть к рутине.

И снова повел разговор о каких-то издаваемых на Западе русских газетах и журналах, где можно прочесть произведения советских литераторов, художников, критиков, которые, по его словам, вынуждены уйти в подполье...

— А вы не спрашивали у Зильбера, чем, собственно, вы должны помочь отчиму? О каких поручениях идет речь?

— Нет, не считала нужным даже задавать такой вопрос, мне уже все было ясно. Но он сам, не дожидаясь моего вопроса, поспешил набросить туманную завесу. «От вас требуются сущие пустяки, Марина... Информация... Обычная информация о самых обычных фактах... В глазах любого человека — коммуниста или социал-демократа, капиталиста или рабочего — факт остается фактом... Категория внеклассовая, вне партии...» Я слушала его и улыбалась. Он удивленно спросил меня: «Чему вы улыбаетесь? Разве я сказал что-нибудь смешное?» Я ответила: «Нет, не смешное... Тривиальное... Недавно я имела возможность выслушать примерно такую же точку зрения. Одна из наших студенток доказывала своему другу, что факт поражения СССР в начале войны есть факт бесспорный, какими бы глазами писатель ни смотрел на него. И для советского и для буржуазного писателя это есть факт неопровержимый. И тогда начался спор, может ли быть классовый подход к факту и его описанию. Друг студентки рассказал любопытную историю о том, как один и тот же совершенно бесспорный факт был по-разному воспринят людьми, представляющими разные классы.

Осенью 1920 года Петроград посетили два иностранца: он и она. Он, вернувшись домой, написал, что улицы Петрограда находятся в ужасающем состоянии, изрыты ямами, и автомобильная езда по городу сопряжена с чудовищными толчками. А перед ней — эти же улицы, изрытые ямами, предстали в ином облике. Неподалеку от Путиловского завода она увидела развороченную мостовую и баррикаду, сложенную в дни наступления белогвардейцев. И перед ее внутренним взором возникли баррикады Парижской коммуны, священные камни революции. Так один и тот же факт поразному выглядел в глазах Герберта Уэллса и Клары Цеткин».

Зильбер вначале растерялся, потом улыбнулся: «О, это есть блестящий полемист... Друг вашей подруги есть отличный мастер коммунистической пропаганды... Но я еще более высокого мнения о русской студентке — у нее острый ум интеллектуала, который ищет настоящую правду... Я был бы рад беседовать с такой студенткой...» Ох, как мне хотелось отхлестать его, сказать, что такая студентка стоит перед ним, а ее друг — это Николай Бахарев, с которым господин Зильбер имел честь познакомиться в ресторане «Метрополь».

— Почему же вы не сказали ему этого?

— Не хотела... Не хотела, чтобы господин «турист» причислял меня к тем молодым, о которых он говорил. Зильбер сделал бы из этого гнусные выводы.

— Вам нельзя отказать в некоторой проницательности, товарищ Васильева. Итак, Зильбер, судя по вашему рассказу, атаковал вас и с фронта и с флангов...

— Да, примерно так... Но было еще одно направление атаки: Бахарев... Только что я объяснила вам, почему не было сказано Зильберу, кто та студентка и кто тот «блестящий полемист». А сейчас я подумала: жаль, что не сказала. Быть может, Зильбер тогда и не добивался бы встречи с ним.

— С кем?

— С Бахаревым...

— Что вы можете сказать о нем?

Марина не сразу ответила Птицыну, старательно подбирая слова, чтобы точнее выразить мысль. Раздумчиво качнув головой, она тихо сказала:

— Говорят, что настоящая привязанность слепа. Может быть, и так. Но я попытаюсь... На первый взгляд он кажется человеком легкомысленным. Но, пожалуй, это — обманчивое впечатление. Кто познакомится с ним поближе, тот увидит, что он вдумчив, умен, серьезен. Я уже вам, кажется, говорила... Однажды он даже предстал передо мной воинственным агитатором... Нет, нет — тонким, эрудированным полемистом.— Марина умолкла, задумалась. Опустила голову. Потом, глядя в глаза Птицыну, резко сказала:

— И все же я смею утверждать, что этот человек несколько легкомыслен, есть в нем что-то от богемы, от прожигателя жизни. Он любит рестораны, веселые компании, легко тратит деньги на себя и других, любит щегольнуть острым словом и острой мыслью. О таких говорят: для красного словца не пожалеет и отца. И думает он порой не так, как многие... Я не боюсь говорить вам об этом.

— А чего же бояться. Я тоже люблю острую мысль. Самое опасное — стандартомыслие. Оно идет от равнодушия. А ваш Бахарев каков?

— О, нет, он не из равнодушных. Нет, нет... Он человек импульсивный, человек острой реакции. И эта реакция его... Я боюсь, что она будет понята господином Зильбером по-своему. Я боюсь, что он попытается...

Марина не нашла подходящих слов, и Птицын поспешил ей на помощь:

— Сделать с Бахаревым то же, что он пытался сделать с вами.

— Возможно, что и так... Это очень сложно... И страшно... Я не знаю, чем кончился их разговор...

Она несколько растерянно посмотрела на Птицына.

— Мне очень тяжело говорить вам все это... Я знаю, где я нахожусь... Мне трудно говорить так о близком человеке, которого я...

Она осеклась, смутилась, а Птицын про себя отметил: «Пожалуй, я начинаю проникать в тайну, которую не отнесешь к категории государственных. Вот уж действительно — молодость не умеет таить своих чувств».

И снова пауза. Тяжелая пауза — девушка, кажется, задыхается от молчания, когда слова застревают в горле, когда хочется сказать очень многое, даже слишком многое. А Птицын не склонен нарушать молчание. С невозмутимо-отрешенным выражением лица смотрит он куда-то в сторону и ждет.

— Зильбер настойчиво добивался встречи с Бахаревым,— продолжает Марина.— Я это чувствовала. Я догадывалась, зачем нужна ему эта встреча... Я вам говорила о некоторых чертах характера Бахарева... Таким я нарисовала его портрет и в разговорах с Зильбером, когда мы были в Архангельском. Тогда у меня еще не сложилось окончательное представление о «туристе». А потом было уже поздно. Он действовал тонко, хитро. Я не могу не воздать должное уму, культуре этого человека, его хватке.

И она снова все о том же, об ухищрениях «бородача».

— «Турист» избрал другую тактику. Он знал, как я люблю маму. Для меня нет на свете человека более дорогого, близкого... Хотя со стороны иным кажется, что я плохая дочь...

— А как мама относится к вам?

— Обожает, опекает, как ребенка.

— Да, все мамы на свете одинаковы... Ну, а вот, скажем, вы пошли в ресторан «Метрополь». Пошли с человеком, не очень еще близким. Мама знала об этом?

— Конечно. Я, правда, с трудом, но дозвонилась ей в тот вечер. Она дежурила в больнице..

Птицын тут же вспомнил, как они с Бахаревым терялись в догадках: кому Марина звонила из автомата на пути в ресторан — маме или Зильберу?

— Это очень трогательно. Но я, кажется, прервал нить вашего рассказа. Прошу прощения. Вы остановились на том, что Зильбер повел атаку с другого фронта.

— Да, это было так.— И она все теребит и теребит воротничок своей блузки, будто он душит ее.— Зильбер знал, что я очень дорожу спокойствием мамы... Да, да, это так... И Зильбер заявил, что, если я откажусь помогать отцу, он расскажет маме обо всем и предупредит, что на карту поставлена судьба ее дочери... Законченный негодяй! Когда он пустил в ход шантаж, я сникла и...

— И поддалась?

— Нет, нет... Это случайность...

— Что вы имеете в виду?

— Встречу Зильбера с Бахаревым на ВДНХ. Он появился там неожиданно. Мы с Бахаревым сидели в ресторане, когда...— Она запнулась и испуганно посмотрела на Птицына.— Нет, нет, я не организовывала этой встречи. Вы должны мне поверить.— И в голосе ее — отчаяние.

— Конечно, бывают и случайные стечения обстоятельств... Допустим... Но, может быть, случайность проявилась совсем в другом. Ну, скажем, вы случайно, без умысла, невзначай где-то обронили слово о ваших планах на воскресенье?..

Марина задумалась.

— Нет, я никому не говорила.

— Тогда разрешите последний вопрос: как вы считаете — Зильбер встречался с вашей мамой?

— Нет, категорически нет.

— Откуда такая категоричность?

— Я сама все рассказала маме. И все мои сомнения — идти к вам или нет? — отпали после разговора с мамой. По ее настоянию я пришла к вам.

— А я-то думал, что вас привело сюда доброе чувство к другу...— Птицын улыбнулся, поднялся с места и подошел поближе к Марине.

— Вы не улыбайтесь.— Она теперь смотрела на него снизу вверх.— Это все очень сложно. Вначале мне казалось, что только одна сила побудила меня прийти к вам, в этот дом — Бахарев. А теперь понимаю, что иначе поступить не могла... При любых обстоятельствах... Но разговор с мамой многое решил.

— Мы-то не хуже вас знаем, какой это сильный человек... Вот так...

Она поняла, что разговор закончен. Встала и спросила:

— Я могу идти?

— Да... Впрочем, задержитесь...

Птицын снял телефонную трубку, набрал номер.

— Как наши газетные дела, Сергей Петрович?.. Так я и предполагал,— тот же почерк. Благодарю за оперативность. А справку пришлите... Для документации...

И, уже обращаясь к Марине, Птицын сказал:

— Ну, вот, еще одна ваша догадка исчезла. Могу сообщить вам, что газета со статьей вашего отчима — чистейшая фальсификация. Ловкая проделка, рассчитанная на простаков. В указанной газете за указанное число нет никаких следов сочинений господина Эрхарда. Газета с его статьей отпечатана тиражом в один экземпляр. Специально для вас... Вот так, товарищ Васильева. А теперь можете идти. До свиданья. Но нам, вероятно, придется еще раз встретиться. Будьте здоровы...

* * *

Как и следовало ожидать, незадолго до отъезда Зильбера Ольга снова вышла с ним на связь. В тайнике на аллее «зет» она оставила для него письмо с закодированным текстом, фотокопия с которого лежала на столе Птицына. «Медичка» сообщала, что решила не рисковать и не посылать с Зильбером все собранное и подготовленное ею, так как скоро сама поедет на каникулы. Что касается математика, то, по некоторым сведениям, он выступал на ученом совете и частично признал ошибочность своей позиции. Но кое в чем продолжает упорствовать. В чем именно?.. Ольга надеется получить соответствующую информацию через близкого ей студента, который дружит с сыном профессора...

А еще через час в этом же парке появился «Косой». Он долго бродил по аллеям, щедро одаренным багрянцем осени. Переваливаясь с боку на бок, неторопливо «толстяк» приближался к заветной скамейке. Кругом тихо, ни единой души. Он присел на скамейку, углубился в чтение газеты, которую держал левой рукой, а слегка дрожащей правой шарил в тайнике. Все на месте. Отлично. Сейчас он поедет на Белорусский вокзал, положит чемодан в камеру хранения, в ящик с шифром. Вечером Зильбер — ему этот шифр известен — заберет чемодан «толстяка». И делу конец... Завтра рано утром Зильбер улетит домой, и тогда «Косой» облегченно вздохнет.

В столь блаженном настроении «толстяк» покидал парк, не подозревая, что завтра он уже будет сидеть... перед следователем и рассказывать, как летом служебные дела привели его под Можайск и в воскресенье, прогуливаясь по лесу, он набрел на веселый пикник молодежи. Его пригласили выпить рюмку водки, за ней вторую, третью... На гостеприимство молодых он щедро ответил — через час принес бутылку армянского коньяка, купленного в ближайшем кафе. В состоянии крепкого подвыпитья стал болтать об Одессе, о дружках, о своих связях и красивой жизни, которой он сейчас, увы, может предаваться лишь в мечтах... Так он познакомился с Ольгой и ее мужем... Супруги оценили «перспективность» неожиданного знакомства. Договорились о встрече в Москве. Там разговор был более откровенный. «Косой» почувствовал, что еще не все потеряно по части красивой жизни. Ему хорошо уплатили за выполнение казавшихся безобидными поручений. Потом ему все стало ясно — и он был вполне доволен своей ролью связного: этот тип уже давно жил по принципу, согласно которому «деньги не пахнут». А новая хозяйка требовала расширять связи. Так появилась на горизонте дама из технической библиотеки научного института, о которой Ольга сказала: «Она нам пригодится...» Время от времени «Косой» получал подачки.

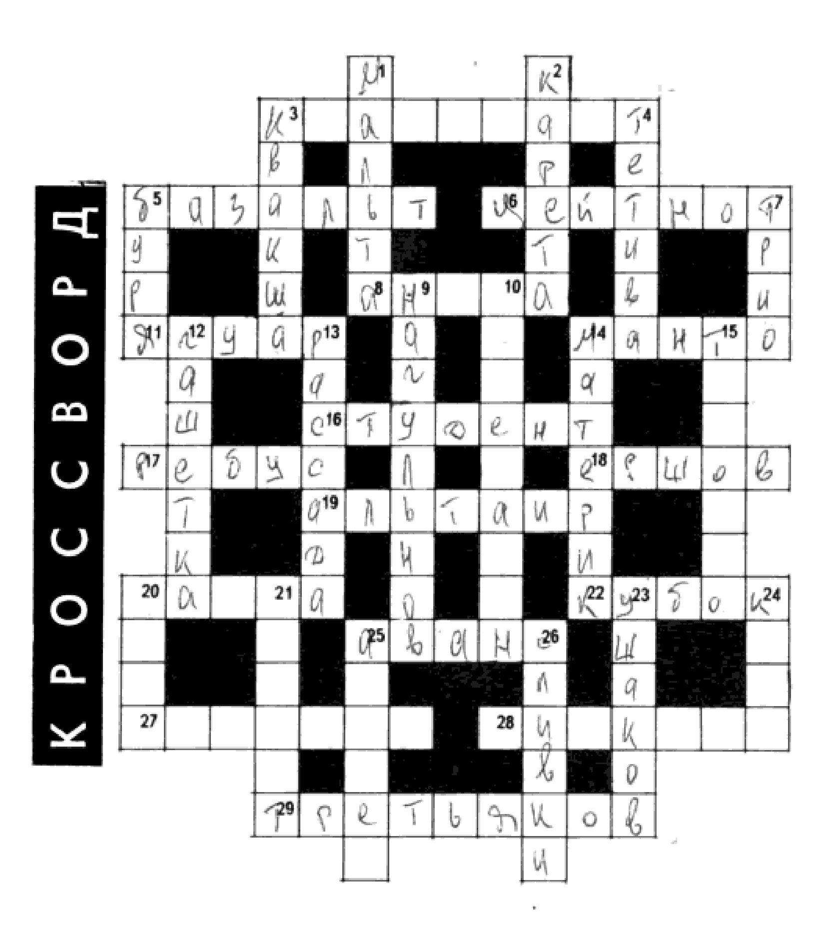
И вот последнее задание — Зильбер, газеты «Футбол», студгородок, тайник в Архангельском...

«Косого» арестовали вечером на Белорусском вокзале. Он не возмущался, не выражал удивления, негодования, хмуро посмотрел сперва на одного, потом на другого молодого человека. «Косой» обронил перчатку, и сотрудник КГБ, подняв ее, сказал:

— Не надо суетиться... Вот вы и перчатку чуть было не потеряли... Разрешите помочь чемодан до машины донести?..

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Город в Ленинградской области. 5. Вулканическая горная порода. 6. Недостаток времени для обдумывания ходов в шахматной игре. 8. Залив Охотского моря. 11. Хищное животное. 14. Женская верхняя одежда. 16. Учащийся. 17. Загадка. 18. Автор сказки «Конек-Горбунок». 19. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 20. Река в Колумбии. 22. Спортивный приз. 25. Деньги, выдаваемые под отчет. 27. Деталь штампа для обработки металла. 28. Чертежный инструмент. 29. Основатель картинной галереи в Москве.

По вертикали: 1. Государство в Европе. 2. Закрытый конный экипаж. 3. Древесная лягушка. 4. Бечева, стягивающая концы лука. 5. Сильный, разрушительный ветер. 7. Музыкальный ансамбль. 9. Персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина». 10. Русский живописец-реалист. 12. Крючок для спуска курка в огнестрельном оружии. 13. Растение, выращиваемое для пересадки. 14. Обширное пространство суши, омываемое морями и океанами. 15. Порт на озере Онтарио. 20. Пьеса В. Маяковского. 21. Духовой инструмент. 23. Советский лингвист. 24. Приток Оби. 25. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 26. Молочный продукт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 7. Существительное. 8. Сарафан. 9. Печорин. 13. Сахар. 15. Катализ. 17. Налим. 18. «Бесприданница». 19. Шкала. 21. Лауреат. 24. «Арион». 28. Мортира. 29. Ракетка. 30. Розетка. 31. Казачок.

По вертикали: 1. Фрегат. 2. Альбом. 3. Рулада. 4. Оттава. 5. Петефи. 6. Розина. 10. Барокко. 11. Байдара. 12. Биатлон. 14. Риека. 15. Купол. 16. Зенит. 17. Ницца. 20. Леонов. 22. Африка. 23. Ананас. 25. Ректор. 26. Стрела. 27. Секанс.

На первой странице обложки: Народный артист СССР Иван Семенович Козловский с внучкой Анечкой.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Ранней весной...

Фото Г. Смехова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/III-70 г. А 00353. Подп. к печ. 17/III-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 428. Тираж 2 286 000 экз. Заказ № 657.

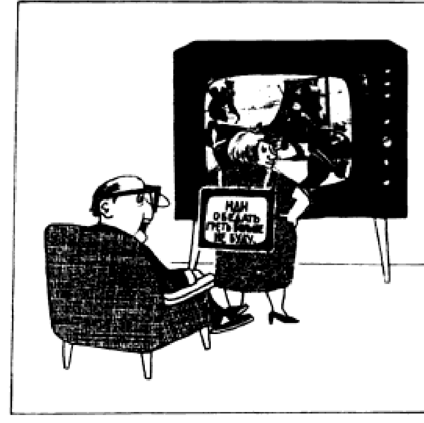
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Хоккей до нашей эры.

УЛЫБКИ ХОККЕЯ

Рисунки Н. ЕЛИНСОНА.

Без слов.

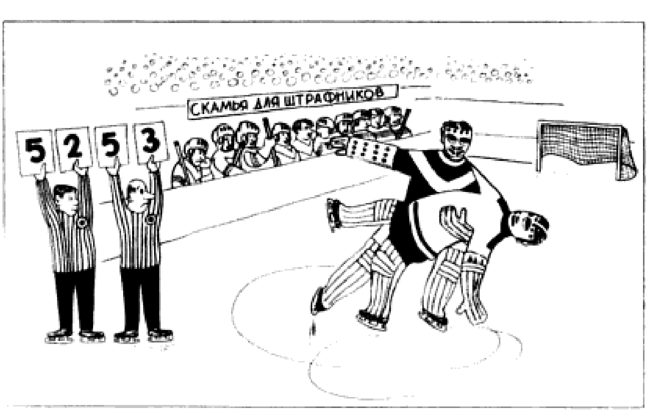
— Семенов, за нарушение удаляешься на две минуты!

Маска вратаря. До игры... После игры...

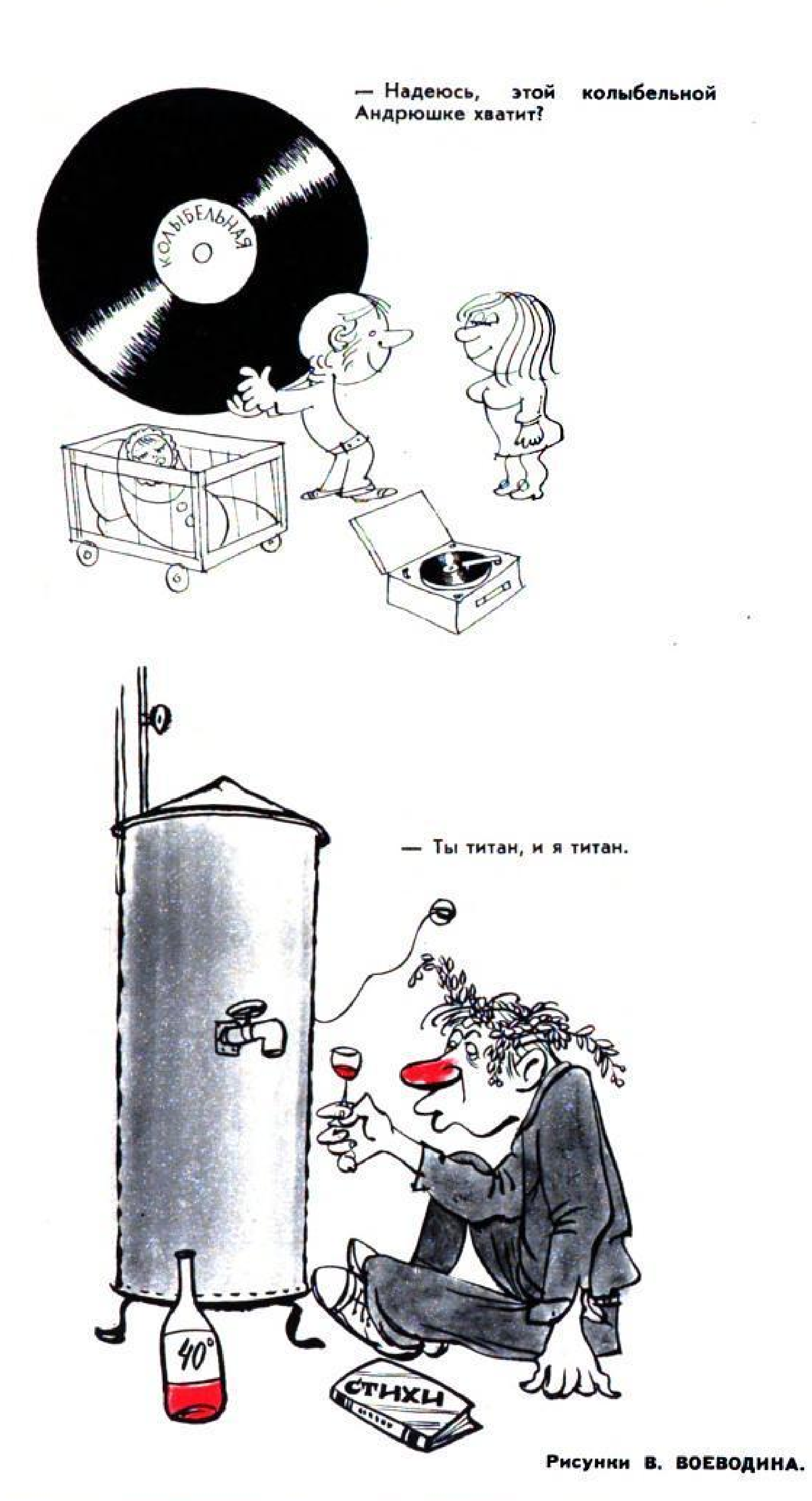
Без слов.

Когда вратари остаются одни.

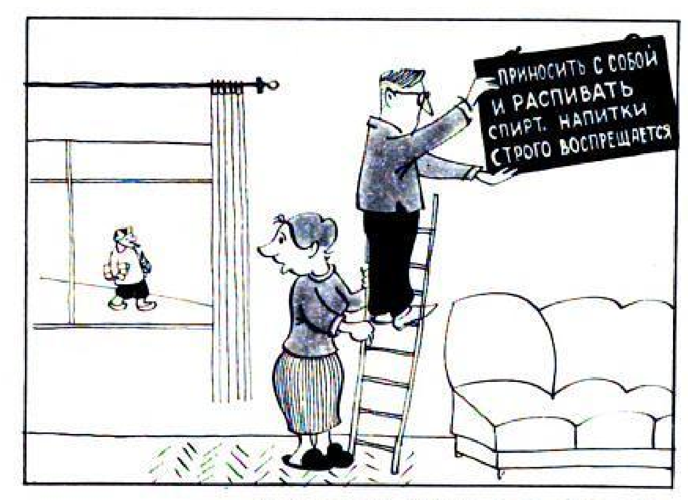
— Надеюсь, этой колыбельной Андрюшке хватит?

— Ты титан, и я титан.

— Будешь хорошим — сделаю и тебе ма-а-а-ленький самогонный аппарат.

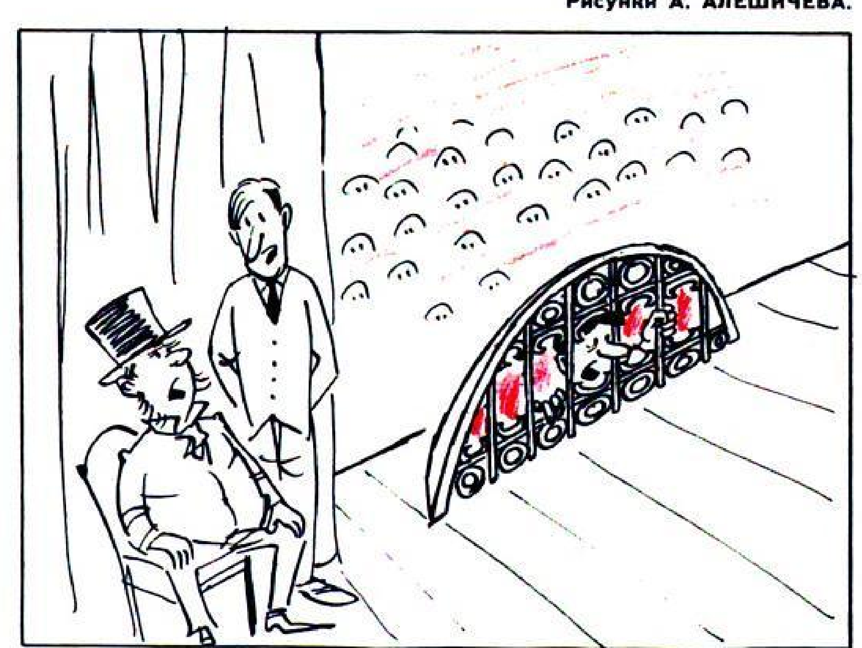

— Поторопись, Федя, отец уже идет.

Рисунки В. ВОЕВОДИНА.

— Зачем в суфлерской решетку поставили?
— Суфлер стал во время спектакля выходить на сцену, хочет за актеров играть.

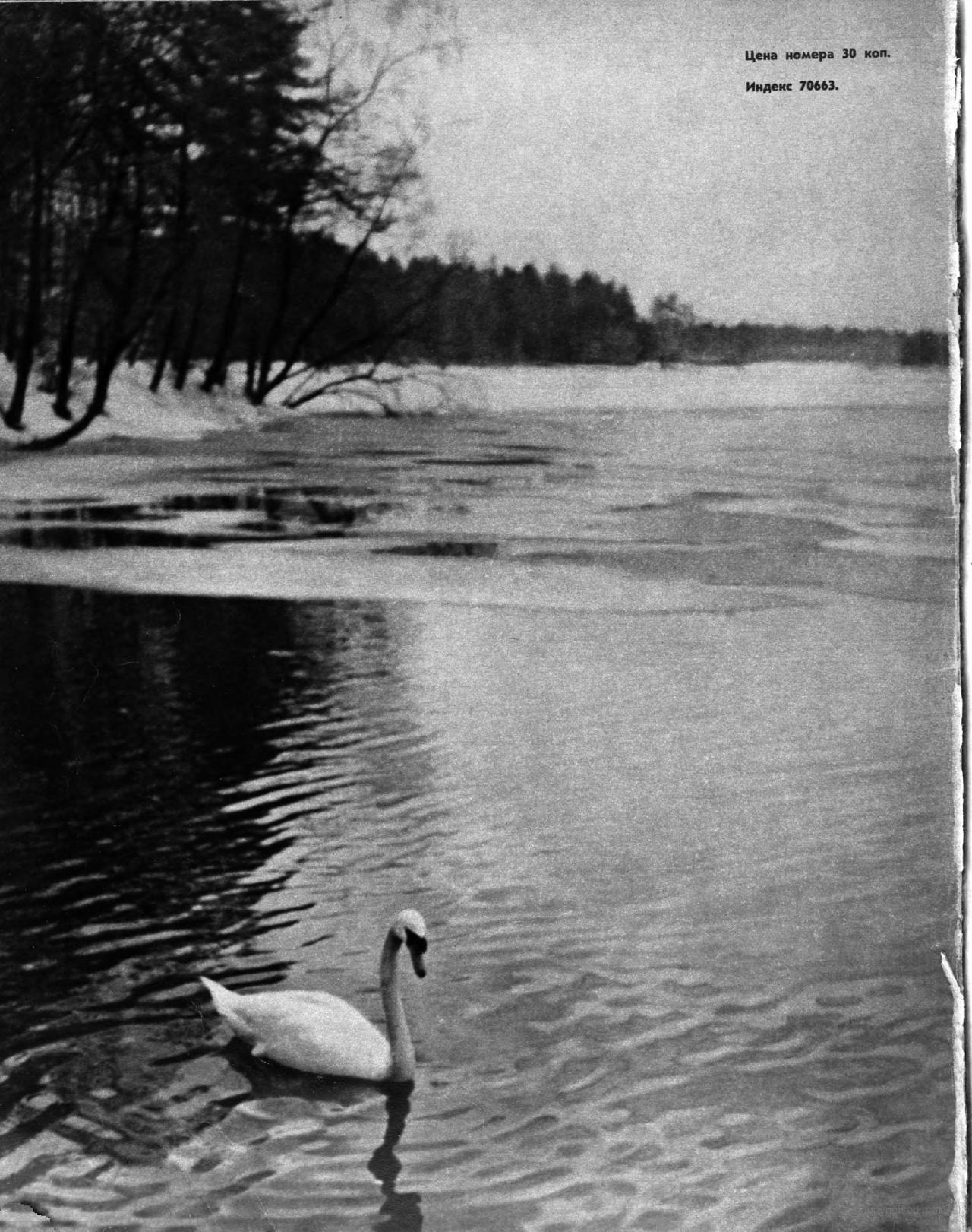
Рисунки А. АЛЕШИЧЕВА.

Современный вариант басни Крылова «Ворона и лисица».

Не радуйся преждевременно.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.